

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 1 / 2025

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д. ю. н., профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности, профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АНТОНЯН Елена Александровна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЕМОВ Николай Михайлович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д. ю. н., профессор, заместитель декана по научной деятельности юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры международного права Белорусского государственного университета
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия
ЛАПАЕВА Валентина Викторовна	д. ю. н., главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук
ЛАПТЕВА Людмила Евгеньевна	д. ю. н., профессор, декан юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д. ю. н., профессор, начальник отдела договорного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д. ю. н., доцент, научный руководитель Научно-исследовательского института, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна	главный редактор, к. ю. н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЛЕБЕДЕВА Вероника Сергеевна	ответственный секретарь, начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

**COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL
"RUSSIAN LAW ONLINE"**

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research; Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Elena A. ANTONYAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law named after V.E. Eminov of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law of the Kazan (Volga Region) Federal University
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of the Belarusian State University
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Land and Environmental Law of the Russian State University of Justice
Valentina V. LAPAEVA	Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of the State and Law of the Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences
Lyudmila E. LAPTEVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law named after M.M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Contract Law of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Scientific Adviser of the Research Institute, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina G. RUMYANCEVA	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Veronika S. LEBEDEVA	Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Адыгезалова Г. Э. Трансформация правовых принципов в практике толкования Конституционного Суда РФ: влияние идеологии	5
Епифанов А. Е. К вопросу о роли поправок к Конституции РФ в регламентации национальных отношений	11
Нестеров А. В. Сфера суверенного виртуально-информационного национального пространства государства	19
Павлов В. С. Роль исторического просвещения в государственной идеологии России	27

РАКУРС

Пушкарева Л. В. Конструирование финансово-правового пространства банковской организации в условиях экономических угроз	33
Королев П. Е. Контрольно-надзорная деятельность Банка России как субъекта административных правоотношений	39
Гавричков С. В. Процессуальная роль участников гражданского процесса и функция банковской системы при обеспечении иска	50

РОССИЯ

Гордеев А. Г. Правоприменительная практика земского самоуправления в России после антибольшевистского переворота в Западной Сибири	61
Гаврилин А. Е. Актуальные вопросы правоприменения концепции устойчивого развития: конституционно-правовой анализ	66
Зайцева Ю. В. Российская государственная политика в сфере духовно-нравственного воспитания	72

МИР

Усов Д. А. Юридическое оформление императорской власти в Древнем Риме (28-23 гг. до н. э.)	79
Калинина Е. Ю. Символы королевской власти в средневековой Испании как инструмент политической идентификации	87

CONTENTS

TRENDS

Adygezalova G. E. <i>Legal Principles Transformation in the Practice of Interpretation of the Constitutional Court of the Russian Federation: The Influence of Ideology</i>	5
Epifanov A. E. <i>The Role of Amendments to the Constitution of the Russian Federation in Regulating National Relations</i>	11
Nesterov A. V. <i>The Sphere of Sovereign Virtual and Information National Space of the State</i>	19
Pavlov V. S. <i>The Role of Historical Education in the State Ideology of Russia</i>	27

FOCUS

Pushkareva L. V. <i>Designing the Financial and Legal Space of a Banking Organization in the face of Economic Threats</i>	33
Korolev P. E. <i>Control and Supervisory Activities of the Bank of Russia as a Subject of Administrative Legal Relationships</i>	39
Gavrishkov S. V. <i>The Procedural Role of Participants in the Civil Procedure and the Function of the Banking System in Securing a Claim</i>	50

RUSSIA

Gordeev A. G. <i>Law Enforcement Practice of Zemstvo Self-Government in Russia after the Anti-Bolshevik Uprisings in Western Siberia</i>	61
Gavrilin A. E. <i>Topical Issues of Law Enforcement of the Concept of Sustainable Development: Constitutional Law Analysis</i>	66
Zaytseva Yu. V. <i>Russian State Policy in the field of Spiritual and Moral Education</i>	72

THE WORLD

Usov D. A. <i>Legal Formalization of Imperial Authority in Ancient Rome (28-23 B.C.)</i>	79
Kalinina E. Yu. <i>Symbols of Royal Power in Medieval Spain as a Tool of Political Identification</i>	87

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ В ПРАКТИКЕ ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ: ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского
государственного университета, доктор юридических наук, доцент
350000, Россия, г. Краснодар, Ставропольская ул., д. 149
gyulnaz_2000@mail.ru

© Адыгезалова Г. Э., 2025

***Аннотация.** В статье рассматривается процесс трансформации российского права через изменения в системе правовых принципов, закрепленных в Конституции РФ. Целью исследования является выявление влияния доминирующей в государстве идеологии на действующие правовые отношения. На основе анализа постановлений Конституционного Суда РФ проиллюстрирован переход от декларирования принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина к утверждению принципа баланса интересов, который был четко сформулирован в новых конституционных нормах, применен в толковании норм права Конституционным Судом РФ и закреплен в правовой позиции Суда с целью обеспечения правовой определенности, установления единства судебной практики, направленной на поддержание баланса интересов при разрешении правовых споров. Применив эволютивный (эволюционный) подход к толкованию гражданско-правовых норм, устанавливающих сроки исковой давности, Конституционный Суд РФ ориентировался на изменение политической, экономической и идеологической обстановки в российском обществе, а также на те правовые положения, которые нашли закрепление в Конституции РФ в результате принятия Закона РФ о поправке к Конституции РФ. Ориентация государства и общества на обеспечение внутренней и внешней безопасности, укрепление государственного единства и суверенитета раскрылась в актах толкования Конституционного Суда РФ, где утверждается принцип баланса публичного интереса и правомерного частного интереса.*

***Ключевые слова:** толкование права; баланс интересов; публичный и частный интересы; гармонизация интересов; конституционные ценности; приоритет прав и свобод человека и гражданина; правовая политика; конституция; солидарность.*

LEGAL PRINCIPLES TRANSFORMATION IN THE PRACTICE OF INTERPRETATION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE INFLUENCE OF IDEOLOGY

Gyulnaz E. Adygezalova,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of the State and Law, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

gyulnaz_2000@mail.ru

Abstract. *The paper examines the process of transforming Russian law through changes in the system of legal principles enshrined in the Constitution of the Russian Federation. The study aims to determine the influence of the state dominant ideology on existing legal relations. Based on the analysis of the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, the paper illustrates the transition from the declaration of the principle of priority of human and civil rights and freedoms to the affirmation of the principle of balancing interests that has been clearly articulated in new constitutional rules, applied by the constitutional Court of the Russian Federation to interpret rules of law, and enshrined in the Court's legal standing to ensure legal certainty and establish uniformity in judicial practice aimed at maintaining a balance of interests in resolution of legal disputes. By applying an evolutionary approach to interpreting civil law rules establish limitation periods, the Constitutional Court of the Russian Federation has focused on the changing political, economic, and ideological environment in Russian society, as well as on the legal provisions that have been enshrined in the Constitution of the Russian Federation as a result of the adoption of the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation. The state's and society's orientation towards ensuring internal and external security, strengthening state unity and sovereignty were clarified in interpretative acts of the Constitutional Court of the Russian Federation affirming the principle of balancing public interest and legitimate private interest.*

Keywords: *interpretation of law, balance of interests, public and private interests, harmonization of interests, constitutional values, priority of human and civil rights and freedoms, legal policy, constitution, solidarity.*

Право состоит из двух основных групп правил. Одна группа — это правила поведения, которые сформулированы достаточно конкретно, а вторая представляет собой основу права и действующего правопорядка. Первые нормы нельзя назвать казуистичными в том понимании, которое для нас привычно при характеристике древнего права, но они все-таки определяют конкретные деяния в форме действия или бездействия, а также последствия этих деяний. Эти нормы могут фиксировать конкретную процедуру, порядок совершения действий. Они могут формулировать содержание понятия, давая легальное определение с целью обеспечения логической непротиворечивости, определенности в использовании терминологии. Несомненно, указанные нормы помогают нам проследить историю развития общества и правового регулирования социальных отношений, отражают особенности идей, установок, представлений, сложившихся в рамках конкретного сообщества под влиянием комплекса многочисленных факторов (биологических, географических, психологических, физиологических, социальных и др.).

Но в наибольшей степени дух закона отражается в нормах, которые прямо или опосредованно закрепляют правовые принципы, представляющие собой, по

словам С. А. Муромцева, не просто явление, а «явление истории права, или, точнее, некоторую совокупность историко-юридических явлений»¹. Правовая идеология постулируется в правовых принципах, закрепленных в нормах права и в актах их официального толкования, воплощается в правовых отношениях и складывается из практики реализации этих принципов.

Правовые принципы указывают на то, что должно быть. В этом смысле правовые принципы — это идеи, к которым стремится общество. В отличие от закономерностей, которые отражают объективную реальность, правовые принципы — результат деятельности человека. Закономерность можно не признавать, от этого она не перестает существовать, но правовой принцип может критиковаться и нарушаться человеком. Именно поэтому важно не только формулирование содержания правового принципа, но и воплощение его в реальной правовой жизни. Утверждение правовых принципов — это форма правового творчества, которая определяет вектор, направление правового регулирования и обеспечения правопорядка через баланс интересов в социуме, требующий использования разных средств и методов поддержания с учетом конкретно-исторических условий.

Н. М. Коркунов, анализируя формальный и утилитарный подходы к определению права, оспаривает взгляд С. А. Муромцева, связанный с пониманием права исключительно через охрану им интересов. Предлагая выделять защиту первого рода (от посягательств вне общества) и защиту второго рода (от посягательств со стороны членов данного общества), С. А. Муромцев видел в праве организованную защиту второго рода, осуществляемую в четко определенном порядке специальными органами. Н. М. Коркунов считал такой подход узким, призывая видеть право не через функцию охраны интересов, а через функцию разграничения интересов, логично предполагая, что прежде, чем охранять тот или иной интерес, его требуется выделить². Законодатель определяет правообразующий интерес, т.е. тот, который требует закрепления и защиты. Это осуществляется посредством первой группы правил под руководством сложившихся в обществе и декларируемых правовых принципов. Так как все многочисленные интересы сложно учесть и зафиксировать, не только из-за их необъятной численности, но и из-за изменчивости, законодатель через принципы права, составляющих нормы второй группы, закрепляет ориентиры для правоприменителя, которым он должен следовать при разрешении той или иной правовой ситуации, для которой в данный момент невозможно (или иногда нецелесообразно) обнаружить конкретную норму. В связи с этим закрепленные в нормах права принципы и практика их реализации являются отражением действующего правопорядка.

Принцип приоритета прав и свобод и принцип социальной солидарности, в зависимости от того, какому из них отдается преимущество, составляют основу идеологии индивидуализма или коллективизма. С принятием Конституции РФ в 1993 г. постулировалась идея построения правового государства, основополагающими признаками которого выступают принцип верховенства права и приоритета прав и свобод человека и гражданина. Это отразилось в ст. 1 и 2, а также в ст. 15 Конституции РФ. Так как Конституционный Суд РФ осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, в деятельности данного суда мы можем выявить влияние идеологии на понимание и реализацию правовых норм путем анализа путей правового мышления, зафиксированных в судебных актах.

Баланс государственных, общественных и частных интересов невозможно обеспечить без определения того, какой из интересов является приоритетным в тех или

¹ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М. : Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1879. С. 17.

² Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. С. 110–112.

иных правоотношениях. Утверждение в качестве цели права гармонизации интересов посредством права заставляет государство при возникновении юридического конфликта динамично через толкование и применение принципов права обозначать позицию государства о приоритете интереса исходя из господствующей в обществе и государстве идеологии, поддерживаемой общественным мнением и (или) государственной политикой.

Практика Конституционного Суда РФ подтверждает наличие у права функции гармонизации интересов, так как из 888 постановлений данного суда, принятых в период с 12.12.1993 по 20.01.2025 гг., в 373 суд обращается к идее о балансе интересов. При этом речь идет о балансе государственных (публичных) и частных интересов, о балансе региональных и местных интересов, о балансе законных интересов РФ и субъектов РФ, о балансе прав и законных интересов отдельных лиц, о балансе конституционно значимых интересов и ценностей, о балансе интересов несовершеннолетних детей и их родителей, о балансе законных интересов общества и личности. В некоторых актах суд исходит из принципа равенства и справедливости баланса интересов. Такой подход суда к толкованию норм и оценке правоотношений при рассмотрении конкретных дел свидетельствует о признании доктрины понимания права через функцию разграничения и сбалансирования интересов.

Интересно то, что из указанных 373 постановлений суда, исходящих из принципа баланса интересов, 135 приходятся на период после вступления в силу изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования, т.е. после 04.07.2020

В то же время за тот же период с 12.12.1993 по 20.01.2025 гг. в 220 актах упоминается приоритет прав или интересов, только в 105 из них — приоритет прав и свобод. Речь идет о приоритете прав и свобод человека и гражданина, о приоритете личности, о приоритетной защите прав и интересов несовершеннолетних, о приоритете какого-либо конституционного права, о приоритете интересов собственника, о приоритетной защите конституционно значимых ценностей и др. При этом после 4 июля 2020 г. только в 32 постановлениях указывается на принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина.

В современном российском государстве право связывается прежде всего с обеспечением баланса интересов, а в последние 5 лет наблюдается утверждение в юридической практике принципа баланса интереса. Если обратиться к ретроспективному анализу и вспомнить, что первыми писаными источниками права Древней Руси стали Договоры Руси с Византией, т.е. нормативные договоры, сущность которых состоит не только в урегулировании торговых отношений, но и в поиске согласия в экономико-правовой сфере, можно утверждать, что традицией российского права является стремление к согласованию интересов, поиск баланса интересов с помощью правовых средств.

После 2020 г. российское право стало развиваться по пути социализации права, утверждения социальной ответственности бизнеса, укрепления основ социального государства, провозглашения идей солидарности, преемственности поколений и сохранения исторической памяти. Эти положения отразились не только в новых конституционных нормах³, но и в практике Конституционного Суда РФ.

Суд упоминает о детях, как о важнейшем приоритете государственной политики РФ, подчеркивает приоритетную защиту прав и интересов несовершеннолетних, указывая на это в 7 актах с 04.07.2020 по 20.01.2025, претворяя в жизнь ст. 67.1 Конституции РФ, а за прошлые 27 лет (с 12.12.1993 до 04.07.2020) аналогичные упоминания можно найти всего лишь в 13 актах.

Принцип социальной солидарности, закрепленный в ст. 75.1 Конституции РФ применялся при рассмотрении 30 дел Конституционным Судом РФ с 04.07.2020 Особый интерес вызывает постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П, в котором наглядно отражается не только проблема баланса частного и публичного

³ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

интереса, но и обозначается приоритет принципа социальной солидарности в борьбе с коррупцией перед принципом прав и свобод человека и гражданина, в основу которого положен индивидуальный, частный интерес⁴. Данное постановление стало результатом рассмотрения запроса Краснодарского краевого суда о конституционности некоторых норм Гражданского кодекса РФ. Речь шла о применении сроков давности для обращения в доход государства коррупционно нажитого имущества (имелись в виду не только преступления, но и иные деяния коррупционной направленности, которые привели к незаконному обогащению). Суд, руководствуясь принципами справедливости, равенства и соразмерности (пропорциональности), с целью защиты прав и свобод граждан, а также поддержания баланса публичных и частных интересов, встал на защиту нематериальных конституционно значимых ценностей и публичного интереса, состоящего в противодействии коррупции. В результате частнопредельной институт исковой давности был признан неприменимым в случаях совершения деяний коррупционной направленности.

Еще в 2017 г. Конституционный Суд РФ в своем постановлении, отметив необходимость следования Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 как международному договору Российской Федерации, являющемуся составной частью российской правовой системы, указывал, что «взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами служит основой их надлежащего равновесия»⁵. Российский суд призывал Европейский Суд по правам человека учитывать национальную конституционную идентичность при применении метода «эволютивного толкования» и доктрины «живого инструмента», когда положения Конвенции трактуются максимально широко в свете сложившихся на данный момент условий и признаваемых ценностей. Российский законодатель, руководствуясь принципом непосредственного действия Конституции РФ обозначил круг ценностей и принципов, которые стали основой российской правовой системы во втором десятилетии XXI в. А. И. Клименко обозначил стратегию российского государства стратегией синтеза правовых и духовно-нравственных ценностей⁶. Акцент на построении социального государства был сделан в ст. 75.1 Конституции РФ через закрепление принципов защиты достоинства граждан и уважения человека труда, сбалансированности прав и обязанностей граждан, социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности. Руководствуясь конституционными принципами, Конституционный Суд РФ в своем постановлении 2024 г. реализовал принцип баланса публичных и частных интересов путем закрепления правовой позиции о неприменении исковой давности к антикоррупционным искам, путем принятия акта, направленного на восстановление социальной справедливости и укрепление социальной солидарности в сфере борьбы с коррупцией. Важно, что суд постулировал баланс *правомерного* частного и публичного интересов, защитив права и законные интересы добросовестных участников правоотношений. Так в деятельности Конституционного Суда РФ отразилась трансформация конституционных правовых принципов в направлении сплочения российского общества.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда».

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу “ОАО ‘Нефтяная компания ‘ЮКОС’ против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».

⁶ Клименко А. И. Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории // История государства и права. 2022. № 1. С. 7–16.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Клименко А. И. Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории // История государства и права. — 2022. — № 1. — С. 7–16.
2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. — 2-е изд. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 430 с.
3. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. — М. : Типография А. И. Мамонтова и К°, 1879. — 243 с.

REFERENCES

1. Klimenko AI. The socio-axiological approach towards the comprehension of the nature and essence of law and its meaning for philosophy of law and the general law theory. *History of State and Law*. 2022;1:7-16. (In Russ.).
2. Korkunov NM. Lectures on General Theory of Law. 2nd ed. St. Petersburg: Legal Center Press Publishing House; 2004. (In Russ.).
3. Muromtsev SA. Definition and Basic Division of Law. Moscow: Typography of A. I. Mamontov and Co.; 1879. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.011-018

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПОПРАВК К КОНСТИТУЦИИ РФ В РЕГЛАМЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Епифанов Александр Егорович,

профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления
Института государственного управления и права Государственного университета
управления, доктор юридических наук, профессор
119017, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, стр. 10
mvd_djaty@mail.ru

© Епифанов А. Е., 2025

Аннотация. В статье обозначено влияние поправок к Конституции РФ, одобренных по итогам общероссийского голосования в 2020 г., на регулирование государственной политики в области национальных отношений. Представлена авторская классификация основных новелл, определяющих управленческие подходы к регламентации национальных отношений в нашей стране. Определено соответствие данных нововведений основам конституционного строя, а также положениям о многонациональном народе как субъекте народовластия, согласно Преамбуле. Автором сделан вывод о преобладании культурного и идеологического содержания поправок в части их влияния на государственную национальную политику. Проанализировано содержание новой для Конституции категории «государствообразующий народ»; указано на культурно-идеологическое содержание данного понятия, связанного с реализацией конституционного принципа исторической преемственности Российской Федерации, а также сложившейся до 2020 г. правотворческой практикой. Указывается на необходимость официального толкования ряда конституционных терминов, включенных в новую редакцию гл. 3, а также развития не только культурно-идеологических, но и политических гарантий для этнических общностей, обеспечения внутреннего суверенитета Российского государства в сфере культуры и национальных отношений.

Ключевые слова: регулирование национальных отношений; государственное регулирование культуры; государственная языковая этнокультурное и языковое многообразие; государствообразующий народ; общероссийская культурная идентичность.

THE ROLE OF AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN REGULATING NATIONAL RELATIONS

Aleksander E. Epifanov,

Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Public Law and Legal Support for Management, Institute of State Administration and Law, State University of Management, Moscow, Russian Federation

mvd_djaty@mail.ru

***Abstract.** The paper focuses on the impact of the amendments to the Constitution of the Russian Federation, approved at aa-Russian voting in 2020, on the regulation of state policy in the area of national relations. The author classifies the main innovations determining management approaches to the regulation of national relations in Russia. The author justifies the compliance of these innovations with the foundations of the constitutional order and with the provisions regarding the multinational people as a subject of popular sovereignty as it follows from the Preamble of the Constitution. The author concludes that the cultural and ideological content of the amendments predominates in terms of their influence on state national policy. The paper analyzes the content of the new constitutional category «state-forming people», elucidates the cultural and ideological content of the concept that is associated with the implementation of the constitutional principle of historical continuity of the Russian Federation, as well as the legislative practice that developed before 2020. The author justifies the necessity for an official interpretation of a number of constitutional terms included in the new edition of Chapter 3 and dwells on the development of not only cultural and ideological but also political guarantees for ethnic communities, ensuring the internal sovereignty of the Russian state in the area of culture and national relations.*

***Keywords:** regulation of national relations, state regulation of culture, state linguistic, ethnocultural, and linguistic diversity, state-forming people, all-Russian cultural identity.*

Национальный вопрос всегда актуален для государственного управления. Текущие внутренние и внешние политические процессы оказывают большое влияние на регулирование межнациональных отношений. В последние годы обостряются вопросы, связанные с контролем миграционных процессов, этнической преступностью, дискриминацией по национальному и религиозному признакам.

Большое значение при регулировании межнациональных отношений уделяется не только федеральному, но и региональному уровням. Это связано с тем, что принимаемые и реализуемые меры должны отвечать не только общефедеральным принципам и нормам, но и специфике этнического состава конкретного субъекта, историческим традициям, культурной и экономической деятельности народов Российской Федерации. Как справедливо отметил в мае 2023 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям Президент РФ, основные цели и задачи национальной политики должны приоритетно осуществляться «именно на местах, и успех во многом зависит от прямого диалога общества и государства, постоянного взаимодействия представителей межнациональных и национально-культурных объединений страны и органов власти, причем всех уровней»¹.

Первоначально роль государства в укреплении межнациональных отношений, была обозначена в Декларации о государственном суверенитете РСФСР (12 июня 1990 г.). В ее основе лежит заявление о намерениях «принимать все меры к недопущению конфронтации в международных, межреспубликанских и межнациональных отношениях,

¹ Заседание Совета по межнациональным отношениям // Официальный интернет-сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71165> (дата обращения: 20.03.2025).

отстаивая при этом интересы народов России». Закрепление многонациональности, как исторически предопределенной характеристики населения страны, стало важнейшим «скрепляющим» фактором, гарантирующим построение управленческой системы на основе равенства субъектов федерации, предотвращая национальный сепаратизм. «Межнациональное согласие», обуславливающее сохранение сложившейся на момент распада СССР административно-политической и этнической общности страны, было положено в основу и Федеративного договора 1992 г. (ст. 1).

В Преамбуле действующей Конституции РФ провозглашены самоопределение народов, а также их равноправие — эти качества являются необходимыми предпосылками для самого учреждения отечественной государственности. Можно отметить, что именно равноправие народов, обусловленное этнической обстановкой на момент распада Советского Союза, приобрело политическое и во многом идеологическое значение в процессе провозглашения суверенитета бывшими союзными республиками. На основе анализа преамбул конституционных актов постсоветских стран В. Н. Линкин отмечает, что «большинство государств определяют согласие (гражданское и национальное) и мир, как обязательный общественный запрос для построения государства»².

Неизменяемыми положениями гл. 1 и 2 Конституции РФ определены не только принципы государственной политики в области национальных отношений, но и права человека, обеспечение и защита которых является главной целью такой политики. Так, к числу специальных принципов федеративного устройства Основным законом отнесены в том числе «равенство и самоопределение народов» (ст. 5). Стоит согласиться с мнением авторов, указывающих, что обеспечение равенства народов, населяющих Российскую Федерацию, является одной из составляющих реализации принципа государственного суверенитета. Посягательство (как внешнее, так и со стороны недобросовестных субъектов публичной власти) на равноправие народов нарушает государственный суверенитет — не только внутренний, но и внешний, поскольку межнациональные конфликты могут быть инспирированы или поддержаны недружественными государствами; кроме того, возникает опасность нарушения «обязательств России, возложенных в связи с ратификацией международно-правовых актов, в том числе негативно повлиять на реализацию прав и основных свобод человека»³.

Несмотря на гарантирование многопартийности, политического плюрализма и идеологического многообразия, в стране запрещена деятельность объединений, теория и практика которых направлены на разжигание межнациональной розни (ст. 13 Конституции РФ). Запрет дискриминации, в том числе и по национальному признаку, предусматривается в качестве важнейшего принципа правового статуса личности (ст. 18 и 19 Конституции РФ).

Указывая конституционно-правовое содержание национальной политики, необходимо также отметить и гарантируемые в ст. 26 Конституции РФ права личности, связанные с национальными отношениями:

- право свободно указывать национальную принадлежность;
- право пользоваться родным языком.

В контексте обострившихся вызовов, реализации новых планов социально-экономического развития государства, всеобъемлющее влияние на все сферы публичного управления оказали поправки к Конституции, одобренные по результатам общероссийского голосования в июне 2020 г. Несмотря на то что «пакетом» поправок не были затронуты основополагающие принципы конституционного строя и правового статуса личности, глава 3 Конституции РФ, посвященная федеративному

² Линкин В. Н. О системе политико-правовых ценностей, закрепленных в преамбулах конституций бывших республик СССР // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 41.

³ Игнатова К. Э. Влияние доктрины государственного суверенитета на регулирование межнациональных отношений в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4. С. 37.

устройству, подверглась значительным изменениям. Кроме расширения перечня сфер компетенции федеральных и региональных органов власти, глава дополнилась большим числом норм-принципов и деклараций — которые, соответствуя основам конституционного строя, влияют на объем и содержание властных полномочий не только в рамках федеративного разграничения, но и при построении и функционировании высших органов законодательной, исполнительной и судебной власти, главы государства, а также местного самоуправления (что обуславливается общеобязательностью любой конституционной нормы, исходя из содержания ч. 2 ст. 15). Анализ содержания конституционных поправок гл. 3, в части их влияния на регулирование межнациональных отношений, а также степень соответствия текущей нормативной «базы» конституционным изменениям представляет большую важность как для теоретического изучения, так и для выработки максимально эффективного нормативного регулирования.

Можно обозначить три основных группы новелл, влияющих на регулирование и реализацию государственной политики в области межнациональных отношений.

1. Декларативные положения, а также общие принципы, затрагивающие основные направления государственного регулирования национальной политики в области использования русского и иных языков. Существенным образом было дополнено содержание ч. 1 ст. 68 Конституции РФ. Если в первоначальной редакции указывалось исключительно на статус русского языка как государственного на всей территории страны, то с 2020 г. определено, что русский язык является в том числе и языком «государствообразующего народа», входящего при этом «в многонациональный союз» равноправных народов страны. Одновременное выделение одного народа с указанием на его равноправное участие в «союзе» населяющих Российскую Федерацию народов ставит вопрос о необходимости определения сущности категории «государствообразующий народ» — представляется, что в конституционном тексте, обладающим прямым действием и общеобязательностью, не может быть сугубо декларативных, не «подкрепленных» юридическим содержанием, положений. Не совсем верно указывать на «ограничительный», дискриминационный характер рассматриваемой конструкции. Слово «государствообразующий», как представляется, означает признание на законодательном уровне исторической преемственности многовекового опыта отечественной государственности, «центром» которой всегда являлась активность русского народа, его культурное и языковое влияние, с одновременным уважением и признанием своеобразности и традиций всех остальных народов, населявших территорию России в разные исторические периоды. Кроме того, следует отметить, что еще до 2020 г. в специальных подзаконных актах стратегического планирования в области национальной политики отдельно указывалось на «этническую» (русскую) доминанту. Такое «влияние» связано прежде всего с историческим распространением по всей территории страны русского языка — как языка официального делопроизводства, культуры и литературы. При этом следует подчеркнуть и обратные процессы, обусловленные ассимиляцией и выработкой «компромиссных» решений на ненасильственной основе — как отмечают Р. Р. Галлямов и И. В. Кучумов, «очевидно, что нерусские народы оказали значительное влияние на собственно русскую культуру, на лексику русского языка, на состав российской политической и культурной элиты»⁴, участвуя в том числе в освоении территорий страны и защите Отечества.

Понятие «государствообразующий народ» недопустимо смешивать с «многонациональным народом Российской Федерации» (единственным суверенным) и говорить о предоставлении каких-то «властных» преференции одной, пусть и самой крупной этнической общности в ущерб остальным. Закрепление категории «государствообразующий народ», пусть и в контексте носителей русского языка (отметим, что конституционные новеллы не содержат термина «русский народ») связано с отражением принципов исторической преемственности Российской Федерации

⁴ Галлямов Р. Р., Кучумов И. В. Понятие «государствообразующий народ» в современной российской политологии // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3 (56). С. 12.

не только по отношению к РСФСР как части Советского Союза, но и СССР в целом, а также — пусть и без прямого закрепления в ч. 1 ст. 67.1 Конституции — к Российской империи, политическим «ядром» которой всегда являлись Москва и Санкт-Петербург, расположенные на территории современной Российской Федерации. Это важно и в контексте национальной политики, поскольку само регулирование использования русского языка как государственного приобретает теперь важное идейное значение; как справедливо отмечает Н. И. Грачев применительно к административному устройству и культурной политике Советского государства, язык представляет собой «цивилизационно-культурную характеристику», которая обуславливала «структуру общественных отношений, экономический уклад и организацию власти и управления»⁵. Данный тезис вполне применим и для современного реформирования политики Российской Федерации (как правопреемницы СССР) в сфере национальных отношений, а также через вопросы культуры, образования и воспитания — что на сегодняшний день реализуется через закрепление мер по их защите и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, которые представляют собой нормативно определенную совокупность моральных и поведенческих, аксиологических установок, одинаково приемлемых для представителей всех народов, проживающих на территории России. Такие ценности не «сводятся» к какому-то одному народу (или группе народов) — наоборот, поддержание духовно-нравственных ценностей на основе межэтнического диалога позволит обеспечить провозглашенные Преамбулой к Конституции гражданский мир и согласие, сохранить историческую общность.

Провозглашение русского языка в качестве языка государствообразующего народа не меняет и существующей модели регулирования использования государственных языков республик в составе Российской Федерации, правил использования таких языков наряду с русским в официальном делопроизводстве. Не изменяется также гарантирование безусловного права сохранения родного языка у его носителей, создания государством условий для его изучения и развития (ч. 3 ст. 68 Конституции РФ). Одним из средств реализации такого права может выступать право получать образование на родном языке — при организационной и кадровой возможности создать для этого условия, а также существования соответствующих стандартов и программ, без ущерба для достаточного изучения русского языка. При этом представляется, что обязательным условием при формировании учебных планов и программ является учет обязательного изучения русского языка не только как государственного, но и как языка итоговой аттестации выпускника, получающего среднее общее образование (обязательный государственный экзамен по русскому языку, проведение остальных выпускных экзаменов также на русском языке) — в целях предотвращения «дисбаланса» учебных часов по русскому языку в регионах с традиционно русскоязычным населением и национальных республиках.

2. К числу новых декларативных норм также следует отнести положения, закрепляющие государственную поддержку и охрану культуры как «уникального наследия ее многонационального народа» (ч. 4 ст. 68), а также гарантии сохранения «этнокультурного и языкового многообразия» (ч. 2 ст. 69). Культура в данной связи должна рассматриваться не только как совокупность материальных и нематериальных объектов, подлежащих государственной защите, но и как совокупность традиций, определяющих образ жизни представителей конкретной народности в отдельно взятой территории. Если с точки зрения совокупности ценностей (памятников истории и культуры, литературных произведений и т.д.) культура оказывает влияние на образование, воспитание и просвещение, то «духовные ценности» как часть «культурного наследия народов Российской Федерации» (по смыслу ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре от 09.10.1992 (далее — Основы о культуре), не отрицая их высокий воспитательный компонент, определяют экономические и политические особенности, которые должны учитываться при организации

⁵ Грачев Н. И. Советский Союз как империя: к вопросу о политико-правовой природе территориального устройства СССР // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 4. С. 19.

публичной власти на конкретной территории. Прежде всего это касается местного самоуправления. В этой связи интересным представляется мнение авторов, предлагающих закрепить возможность образования территориального общественного самоуправления как «способа организации коренных малочисленных народов, этнических меньшинств»⁶. Особенно важно это в условиях геополитических вызовов, которые поставлены перед нашей страной на современном этапе, необходимостью гражданского и государственного единства. В экстраординарных обстоятельствах «суверен не может пытаться или ошибаться, он должен мгновенно принимать четкие политико-правовые решения, мобилизуя все ресурсы»⁷. Поскольку в демократическом государстве сувереном является народ (действующие от имени народа органы и должностные лица), максимально возможная совокупность сочетания интересов различных групп населения (в том числе и народов как этнических общностей) позволит объективно отразить существующее положение дел, определить потенциальную общественную реакцию, эффективность принимаемых мер для граждан и государства.

В контексте закрепления новых положений, связанных с культурой и национальной политикой, следует обратить внимание на новеллу ч. 3 ст. 69 Конституции РФ, посвященную принципам государственного регулирования поддержки соотечественников. Провозглашено, что государство принимает меры не только по защите их прав и законных интересов за границами нашей страны, но и по сохранению «общероссийской культурной идентичности». Данное положение требует дополнительного толкования — поскольку, в отличие от закрепления «государствообразующего народа» (как исторической общности, что изначально указывает на взаимосвязь данной категории с декларативными положениями Преамбулы), поддержка в целях сохранения культурной идентичности непосредственно может быть связана со взаимодействием с иностранными государствами, на территории которых проживают лица, признанные соотечественниками — через дипломатические или иные международно-правовые меры. Кроме того, возникает закономерный вопрос: свидетельствует ли закрепление «общероссийской культурной идентичности» в тексте Конституции только за соотечественниками, что у граждан, проживающих в Российской Федерации, такая идентичность «изначально» существует? Необходимо определить критерии такой идентичности, ее конкретное содержание (через признаки, языкового, культурного единства; возможно, самоощущение лица как части российского культурного, политического «пространства») — для выработки конкретных программ государственной поддержки в отношении соотечественников, не желающих переезжать на постоянное место жительства в Российскую Федерацию.

Одновременно со всем вышеуказанным, совокупность мер культурной и национальной политики не может допускать сепаратизма. Необходимость защиты прав представителей других народов, а также публичные интересы могут выступать, в соответствии с ч. 3 ст. 53 Конституции РФ, основанием для ограничения культурных прав представителей народов Российской Федерации. Исходя из этого, вполне обоснованным может выступить дополнение ст. 5 Основ о культуре, регламентирующей суверенитет страны в области культуры, указанием не только на внешнюю сторону государственного культурного суверенитета, но и на исключительное право органов публичной власти регулировать отношения в сфере этнического культурного разнообразия в целях обеспечения общественной безопасности, гражданского мира и согласия, сохранения и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, профилактики этнического и религиозного экстремизма.

3. В 2020 г. произошло дополнение соответствующих пунктов «компетенционных» ст. 71 и 72 Конституции РФ. Полномочия федеральных органов государственной власти были дополнены указанием на установление единых основ «систем образования

⁶ Ядрев И. В. Национально-этнические традиции при территориальной организации местного самоуправления // Юридическая наука. 2023. № 2. С. 34.

⁷ Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 11. С. 169.

и воспитания», тогда как к сфере ведения органов власти регионального уровня были добавлены «общие вопросы молодежной политики». С точки зрения регулирования национальных отношений отметим положения п. 1–2 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», согласно которым основными направлениями государственной молодежной политики являются в том числе достижение согласия между представителями молодежи различных этнических групп, а также недопущение молодежного экстремизма на национальной почве. Представляется, что для предупреждения проявлений молодежного экстремизма на национальной почве приоритетным направлением реализации мер межнациональной политики сегодня должно стать не только патриотическое воспитание молодых людей на основе толерантности и разрешения конфликтных ситуаций, но в форме «дружественности» с представителями разных национальностей. Необходимо активно реализовывать мероприятия в области развития взаимодействия представителей молодежной среды из разных национальных групп для развития дружественности и сотрудничества в этих средах.

Успешным примером развития сотрудничества и дружественности представителей разных национальностей сегодня являются межнациональные центры, «дома дружбы», в рамках которых представители разных национальностей общаются, устанавливают контакты, вместе реализуют общественно полезные инициативы и т.д. Стоит согласиться с авторами, отмечающими потенциальную эффективность самостоятельной молодежной инициативы, которая может активно использоваться не только в собственных целях, но и при реализации национальной политики — через объединение представителей различных народов для решения общих проблем, добровольческое движение. Общественная инициатива молодых граждан позволяет обеспечить приоритеты государственной молодежной политики и без директивного «вмешательства» органов власти — через «воспитание автономной, готовой помочь, ответственной и идейной молодежи»⁸.

Конституционные новеллы 2020 г. оказывают большое влияние на формирование и реализацию новых подходов в государственной национальной политике. Закрепление дополнительных гарантий защиты языкового и этнического многообразия народов и этнических общностей, населяющих Российскую Федерацию, сочетается в контексте поправок с признанием русского языка не только как культурного, но и государствообразующего явления, опосредующего многовековой опыт объединения территорий и народов России — с учетом равноправия и союза народов. Русский язык, как средство коммуникационного объединения представителей различных народов, позволяет решать задачи гражданского единства и согласия, образования и воспитания, сохранения и укрепления традиционных ценностей. Принципиальным новшеством поправок 2020 г. стало провозглашение особой государственной защиты культуры, гарантирования культурного наследия народов Российской Федерации. При этом суверенитет Российской Федерации в управлении культурной сферой должен распространяться и на определение основ регулирования культурной политики в субъектах — с целью профилактики межнациональных конфликтов, сепаратизма. Кроме того, требуется провести значительную интерпретационную работу, подвергнув официальному толкованию целый ряд пока что декларативных терминов в новой редакции гл. 3 Конституции РФ («государствообразующий народ», «общероссийская культурная идентичность» и т.д.). При этом необходимо гарантировать принципы равенства и самоопределения народов; конституционная формула «многонациональный союз равноправных народов» предполагает реальное участие этнических общностей в формировании социально-экономического пространства, решения общегосударственных проблем, реального исполнения не только национального, но и народного суверенитета, обеспечения гражданского мира и согласия.

⁸ Оленина Г. В. Развитие волонтерского движения за рубежом в контексте национальной молодежной политики, концепций социального государства и гражданского общества // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2018. № 1 (2). С. 54.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Галлямов Р. Р., Кучумов И. В. Понятие «государствообразующий народ» в современной российской политологии // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2022. — № 3 (56). — С. 7–14.
2. Грачев Н. И. Советский Союз как империя: к вопросу о политико-правовой природе территориального устройства СССР // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2022. — Т. 21. — № 4. — С. 12–25.
3. Игнатова К. Э. Влияние доктрины государственного суверенитета на регулирование межнациональных отношений в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 4. — С. 37–39.
4. Линкин В. Н. О системе политико-правовых ценностей, закрепленных в преамбулах конституций бывших республик СССР // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2019. — № 3. — С. 38–44.
5. Оленина Г. В. Развитие волонтерского движения за рубежом в контексте национальной молодежной политики, концепций социального государства и гражданского общества // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. — 2018. — № 1 (2). — С. 53–57.
6. Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 11. — С. 165–170.
7. Ядреев И. В. Национально-этнические традиции при территориальной организации местного самоуправления // Юридическая наука. — 2023. — № 2. — С. 33–36.

REFERENCES

1. Gallyamov RR, Kuchumov IV The concept of «state-forming people» in modern Russian political science. *Vestnik BIST*. 2022;3(56):7-14. (In Russ.).
2. Grachev NI. The Soviet Union as an empire: on the issue of the political and legal nature of the territorial structure of the USSR. *Legal Concept*. 2022;21(4):12-25. (In Russ.).
3. Ignatova KA. The Influence of the Doctrine of State Sovereignty on the Regulation of Interethnic Relations in the Russian Federation. *Law and State: The Theory and Practice*. 2022;4:37-39. (In Russ.).
4. Linkin VN. On the system of political and legal values enshrined in the Preamble of the Constitutions of the former republics of the USSR. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2019;3:38-44. (In Russ.).
5. Olenina GV. The Development of the Volunteer Movement Abroad in the Context of National Youth Policy, Social State Concepts, and Civil Society. *Kultura v evraziyskom prostranstve: traditsii i novatsii*. 2018;1(2):53-57. (In Russ.).
6. Rumyantseva VG. The State Interest: The Sovereign's Power by Default. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;1(11):165-170. (In Russ.).
7. Yadreev IV. National-Ethnic Traditions in the Territorial Organization of Local Self-Government. *Legal Science*. 2023;2:33-36. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.019-026

СФЕРА СУВЕРЕННОГО ВИРТУАЛЬНО- ИНФОРМАЦИОННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОСУДАРСТВА

Нестеров Анатолий Васильевич,

главный научный сотрудник Российского федерального центра судебной экспертизы,
доктор юридических наук, кандидат технических наук, профессор
109028, Россия, г. Москва, пер. Хохловский, д. 13/2
nesterav@yandex.ru

© Нестеров А. В., 2025

***Аннотация.** Группа государств во главе с США фактически ведет гибридную войну, в которую входит составляющая «правовой войны». Поэтому в России необходима доктринальная основа для создания нормативных правовых актов и нормативно-технических документов, позволяющая обеспечить суверенитет в любой инцидентной ситуации, затрагивающей интересы России, в любом домене (локальном, территориальном и/или глобальном) сферы виртуально-информационного пространства. Вопросы суверенизации национального пространства стали важными и актуальными. Инциденты, возникающие в виртуально-информационном пространстве, метафорично называемом «цифровым», требуют наличия юрисдикционного механизма выявления (конкретизации) актора (источника, продуцента и/или продукта). В частности, применения судебной юрисдикции, в том числе экспертизы в юрисдикционных целях, позволяющих получать судебно-экспертные доказательства, и принимать судебные решения. Кроме того, в определенных ситуациях необходимо применять ответные меры, которые должны соответствовать установленным в национальном законодательстве нормам реагирования в ситуациях, возникающих в виртуально-информационном пространстве. В статье используются категорийно-тензорный и продуцентный подходы, разрабатываемые автором. Показана необходимость доктринального обсуждения категорий домена, пространства и ситуации в виртуально-информационном пространстве. Аргументировано, что национальный суверенитет должен распространяться не только на носителей в «киберпространстве», данные в пространстве данных, но и на содержимое (контент) знак-продуктов (знаков сведений, сигналов сообщений и/или кодов двоичных данных), несущих семиотическое содержание (информацию), идеи и/или формы, представляющие действительные и/или существующие сущности в виртуально-информационном пространстве, которые способны воздействовать на психосоциальные свойства населения.*

***Ключевые слова:** доменные пространства; психосоциальное воздействие; принадлежность; коммуникативный; когнитивный; ментальный; содержимое; содержание; идеи.*

THE SPHERE OF SOVEREIGN VIRTUAL AND INFORMATION NATIONAL SPACE OF THE STATE

Anatoliy V. Nesterov,

Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Technology), Professor, Chief Researcher, Russian Federal Center for Forensic Science, Moscow, Russian Federation

nesterav@yandex.ru

Abstract. *A group of states led by the United States is effectively conducting a hybrid war that contains such an element as «lawfare». Therefore, Russia needs a doctrinal foundation for making regulatory acts and normative-technical documents that ensure sovereignty in any incident situation affecting the interests of Russia in any domain (local, territorial, and/or global) of the virtual-informational space. The issues of sovereignizing the national space have become important and relevant. Incidents taking place in a so-called «digital» virtual-informational space require a jurisdictional mechanism for identifying (specifying) the actor (source, producer, and/or product), in particular, this involves the application of judicial jurisdiction, including expertise for jurisdictional purposes, which allows admission of judicial-expert evidence and making judicial decisions. Furthermore, in specific situations, it is necessary to apply countermeasures that must comply with the norms of response established in national legislation for situations arising in the virtual-informational space. The paper relies on categorical-tensor and producent approaches developed by the author. The paper demonstrates the need for doctrinal discussion of the categories of domain, space, and situation in the virtual-informational space. It is argued that national sovereignty should extend not only to carriers in «cyberspace» in the data space, but also to the content of sign-products (signs of information, signal messages, and/or binary data codes) that carry semiotic content (information), ideas, and/or forms representing real and/or existing entities in the virtual-informational space that can influence the psychosocial properties of the population.*

Keywords: *domain spaces, psychosocial impact, belonging, communicative, cognitive, mental, content, contents, ideas.*

Потенциальные противники Российской Федерации фактически развязали необъявленную прокси-войну, а «полем боя» стало все наше население, в том числе должностные лица в организационных структурах и/или органах публичной власти. От способов «мягкой силы» и «цветных революций» они перешли к способам психосоциального воздействия с помощью виртуально-информационных инструментов. Сейчас аналитики США и НАТО такие способы стали называть «когнитивно-ментальными».

Телеком-интернет-инфраструктура на основе радиоэлектронных носителей, несущих знак-продукты (медиа-продукты), применяется для психосоциального воздействия, что позволяет противнику атаковать психику людей на всей территории Российской Федерации. Целью атак становятся люди, имеющие телефон или доступ к социальной сети, мессенджеру, электронной почте, т.е. устройствам и знакоместам в виртуально-информационном пространстве. Также противник применяет все возможные инструменты по оказанию давления на Российской Федерации: политические по изоляции, экономические за счет применения рестрикций, юрисдикционные путем создания прецедентов, военные провокации для принуждения к ответным мерам, а также в культурной, спортивной жизни и т.д.

Наибольшего результата противник достигает в виртуально-информационном пространстве за счет имеющегося преимущества, что требует принятия адекватных норм в национальном законодательстве и применения юрисдикционных и фактических ответных мер. Сфера виртуально-информационного пространства

не имеет физических границ, а подписание международного договора, регулирующего правоотношения, деятельность и продукты в этом пространстве, тормозится группой стран во главе с США. Этим пользуются транснациональные медиа-корпорации, недружественные организационные структуры и отдельные лица, которые нарушают национальное законодательство Российской Федерации.

В нашей стране необходима доктринальная основа для создания нормативных правовых актов и нормативно-технических документов, позволяющая обеспечить суверенитет в любой инцидентной ситуации, затрагивающей интересы России, в любом домене (локальном, территориальном и/или глобальном) сферы виртуально-информационного пространства. Вопросы суверенизации национального пространства стали важными и актуальными¹.

Важной является национальная исполнительная и/или судебная юрисдикция с ее криминалистической и/или судебной экспертизой, позволяющей получать судебно-экспертные доказательства, обеспечивающие правоприменение. Виртуально-информационная безопасность Российской Федерации в психосоциальной подсфере человеческой сферы должна обеспечить неприкосновенность населения, организационных структур и/или органов публичной власти, как от внешних, так и внутренних попыток ее нарушить. При этом недопустимо некорректно копировать иностранные нормы или стандарты, а необходимо осуществить суверенизацию национальных норм и стандартов, т.к. метафоричность некоторых иностранных норм и стандартов, позволяет противнику применять их по своему усмотрению. Особенно это должно касаться ситуационного национального суверенитета.

В сфере глобального виртуально-информационного пространства появился новый домен противоборства между государствами. Поэтому представляется важным и актуальным попытаться ответить на следующие вопросы: кто (что), когда, где, как, почему и/или зачем является целью воздействий недружественных стран на Российскую Федерацию. На два последних вопроса можно ответить сразу, а остальные требуют более подробного обсуждения. Судя по всему, у глобального капитализма появились территориальные ограничения на Земле, поэтому стали применяться колониальные способы разделения, ограничения, сдерживания, изоляции и т.д. других стран с богатыми ресурсами. На вопрос: почему возникла экспансия, есть вариант ответа: несоответствие своих потребностей, возможностей потреблять ресурсы и/или внешней допустимости получить доступ к ресурсам. На вопрос: зачем, — можно ответить так: устранение несоответствия за чужой счет, прикрываясь декларациями о демократии, свободе и/или правах человека.

В США и НАТО на смену идеологической борьбе пришли новые способы «мягкой силы» воздействия на население крупных государств и «цветных революций» малых стран. В последнее время появился новый домен (театр военных действий) в виде когнитивно-ментального домена, хотя известна дискуссия по этому поводу, в которой далее примем участие. Если по двум доменам: территориальному (суше, морю и воздуху) и глобальному (космическому пространству и пространству электромагнитного спектра) государства смогли договориться об их регулировании на международном уровне, то по виртуально-информационному пространству — нет.

США давно применяет способ привлечения высококвалифицированных иммигрантов («утечки мозгов» из других государств), т.к. колониальная политика базируется на высокотехнологичном превосходстве и сдерживании развития стран-конкурентов политическими, экономическими, социальными, технологическими и т.д. методами. Например, в информационно-коммуникационном пространстве, которое в США метафорично именуется «киберпространством», они имеют преимущество за счет транснациональных медиа-корпораций. Так как власть в США, банки и эти корпорации тесно сотрудничают, о независимости СМИ сложно говорить. Такие же связи имеются у США с государствами — членами НАТО. При этом США не стесняется

¹ Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 11. С. 165–170.

говорить о своем глобальном доминировании в мире, игнорируя ООН, и придумывая «правила» для объявления глобальности их интересов в любой точке Земли.

Домен киберпространства подразумевает телеком-интернет-инфраструктуру на основе радиоэлектронных носителей, без учета того, что может распространяться в ней и вне зависимости от территориальных границ, т.е. то, что метафорично называется «информацией». Позиция США по поводу информации в киберпространстве демагогически определяется свободой слова, которая «несет» демократию и обеспечивает права человека. Однако в действительности, транснациональные медиа-корпорации со штаб-квартирами в США часто не соблюдают национальные законодательства государств и права граждан, что незаконно, и требует применения контрмер.

Информация в телеком-интернет-инфраструктуре стала оружием воздействия на когнитивные (познавательные) способности и/или ментальные (национальные, традиционные и/или культурные) свойства населения атакуемой страны. Аналитики США и НАТО перешли от идеологического противостояния в «холодной войне» к активным формам «гибридной войны» в виде психосоциальных воздействий на целевую массу людей для негативного манипулирования не только массовым сознанием целевого населения, но и подрыва их «традиционных корней» (менталитета).

«Поле» противодействия становится цивилизационное пространство многонационального, многоконфессионального и/или многокультурного государства, т.е. идентичность его граждан в принадлежностном пространстве. Это стало возможным благодаря появлению больших хранилищ мультимодальных двоичных данных, метафорично называемых «цифровыми». Кроме того, возникла очередная волна создания программно-управляемых систем, метафорично называемых «искусственным интеллектом» на основе «глубокого обучения», систем «блокчейн» и систем «метаверс». Все эти системы можно называть смарт-системами, которые могут автоматизировать рутинные умственные операции. Особенностью таких систем является продуцирование виртуально-информационного пространства, в котором пользователи и виртуальные сущности могут взаимодействовать между собой, как в виртуальном, так и действительном пространстве.

Для НАТО разрабатывается концепция когнитивно-ментального доменного пространства². Особенностью когнитивно-ментальной войны является то, что ее невольными соучастниками могут стать обычные люди, у которых может измениться психосоциальное состояние. В отчете для НАТО³ отмечено, что основной уязвимостью человека является его психика, поэтому необходимо воспользоваться этим. В этом отчете прямо говорится, что «цель когнитивной войны — нанести вред обществу, а не только военным». Фактически предлагается ввести еще одно доменное пространство, в котором единицей будет сознание как минимум одного человека и не обязательно военного. В публикации Е. Макарова приведен обзор и анализ мнений ученых по поводу метафор «когнитивная» и «ментальная» война и он приходит к выводу, что «Когнитивная война направлена на обман человеческого мозга путем выявления и эксплуатации ошибок восприятия и суждений отдельных индивидов, групп или больших сообществ — государств, наций. Средствами данного обмана является технически оформленная коммуникативная сфера межличностных взаимодействий... Ментальная война... строится путем обмана и манипуляций в сфере познавательной деятельности человека и замещения культурных

² Norton B. Behind NATO's «cognitive warfare»: «Battle for your brain» waged by Western militaries // Grayzone. 2021. № 8. URL: <https://thegrayzone.com/2021/10/08/nato-cognitive-warfare-brain/> (дата обращения: 20.03.2025).

³ Cao K., Glaister S. et al. Countering cognitive warfare: awareness and resilience // NATO Review. (20 May 2021). Johns Hopkins University & Imperial College London. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (дата обращения: 20.03.2025).

и социальных принципов сообщества»⁴. Идеолог когнитивной войны Ф. Клузель считает: «Когнитивная война — это нетрадиционная форма ведения войны, которая использует кибернетические инструменты для изменения познавательных процессов противника; эксплуатирует предубеждения, рефлексивные влияния на принятие решений и препятствие действиям, провоцирующее негативные последствия как на индивидуальном, так и на коллективном уровне»⁵. В России под ментальной войной понимается борьба за мировоззрение, идентичность и идеологию с целью полной «оккупации» сознания противника, в то время как под когнитивной — методы и способы военных действий и боевых операций⁶.

В 2022 г. под доменом в США стали понимать оперативную военную среду, в которой виды шести доменов изменились: вместо домена электромагнитного спектра появился ментальный домен когнитивного доминирования⁷, а это говорит о том, что направление психологических операций сформировалось в виде когнитивно-ментальных операций. Таким образом, аналитики НАТО пока не определились с категорией домена в военном деле. Отметим, что эта категория должна быть универсальной и пригодной для всех предметных областей.

Виды доменов (доменных пространств) могут состоять как минимум из одной границы, отделяющей внутренние единицы окружения от внешних. Под единицей окружения понимается как минимум один гетероморфный (парный) и/или гомоморфный (похожий, но разный, тройственный) индивид и/или многоморфный, а также один изоморфный (одинаковый) элемент окружения.

Границы могут быть конкретными (внутренними и/или территориальными) и/или глобальными (неопределенными). Три вида доменов могут состоять из внутреннего окружения локальной ситуации и/или внешнего окружения (территориального домена и/или глобального домена). Границы доменов могут разделять материально-вещественные носители, в частности территориальные в виде суши, моря и/или воздуха, глобальные в виде космоса (безвоздушного пространства) и/или электромагнитного спектра (электромагнитного излучения и/или напряженности электромагнитного поля). На основе электронных носителей и радиочастотных носителей известны глобальные радиоэлектронные носители, на базе которых производится домен техногенной сферы в виде телеком-интернет-инфраструктуры.

Кроме того, носители могут нести содержимое знак-продуктов (медиа-продуктов) в виде семиотического содержания, форм и/или идей. Поэтому можно говорить об элементах окружения для индивидов в виде знак-продуктов, например, для текста — это будет контекст.

Военная деятельность может осуществляться не только в доменах, как окружениях, но и в сферах (геосфере, биосфере и/или антропосфере) и/или в мирах (микромире, мезомире (наблюдаемом мире) и/или макромире. Основной сферой для вооруженных ситуаций являются человеческая, общественная и/или техногенная подсферы антропосферы. Техногенная подсфера включает в себя виртуально-информационную сферу, носителями единиц которой, являются радиоэлектронные носители, где радиочастотные носители основаны на волнах электромагнитного спектра.

⁴ Макаров Е. Ментальная и когнитивная войны — вопросы определения, цели и средства // Геополитика.ru. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/mentalnaya-i-kognitivnaya-voyny-voprosy-opredeleniya-celi-i-sredstva?ysclid=m5k1d6czeq891503478> (дата обращения: 20.03.2025).

⁵ Claverie B., Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept // NATO Allied Command Transformation / Innovation Hub. 2021. URL: <https://2050.su/the-cognitive-warfare-concept/?ysclid=m5kopvahv450540445> (дата обращения: 20.03.2025).

⁶ Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.

⁷ Air-Force General Eric Autellet, Dr. Norbou Buchler et al. Cognitive Warfare Symposium. ENSC // NATO Science and Technology Organization. 2021. URL: <https://2050.su/cognitive-warfare-the-future-of-cognitive-dominance/?ysclid=m5kovrrhds752346147> (дата обращения: 20.03.2025).

Общественная сфера может состоять из политической, социальной, юридической и т.д. подсфер. Нас интересует социальная сфера, т.к. человек, кроме уникального тела, обладает уникальной психикой и/или уникальными социальными навыками. Единицей человеческой подсферы можно считать как минимум одну человеческую сущность в виде хотя бы одной величины по крайней мере одного телесного (электро-биохимического), личного (психического) и/или личностного (социального), а также политико-юридического (лицевого, гражданского) свойства, сущего и/или одной связи. Именно население становится целью психосоциальных атак (прямых, опосредованных через прокси и/или косвенных через окружение, а также с помощью инструментов, в частности телеком-интернет-инфраструктуры, в рамках которой продуцируется пространство знак-продуктов. На основе единиц виртуальных сущностей знак-продуктов (медиа-продуктов) продуцируется виртуально-информационное пространство, сущности которого могут оказывать психосоциальные воздействия на сознание и/или память как минимум одного человека и/или неявно минуя их, на всю психику, включая неосознаваемую составляющую, еще называемую «подсознанием».

К уязвимостям человека можно отнести его психосоциальную сущность на основе нервной ткани головного мозга, личную психику (сознание, память и/или неосознаваемые иррациональные, эмоциональные и/или творческие составляющие) и/или личностные социальные навыки. Отметим, что психосоциальная сущность человека (сущее, свойства и/или связи) достаточно устойчива, т.к. формируется в детстве и молодости. Однако современные психосоциальные способы воздействия на психику и/или социальное поведение молодого поколения позволяют качественно трансформировать его в нужную манипуляторам сторону, что подтверждается опытом такого воздействия на постсоветском пространстве.

Психосоциальное воздействие направлено на мышление (то, как человек мыслит), что не исключает необходимости воздействия на то, что он мыслит, а также почему и/или зачем он мыслит. Человек мыслит невидимыми идеями и умственно выражает их знаками, которые имеют форму и/или семиотическое содержание. Также важно, с помощью чего, осуществляется психосоциальные воздействия, в частности носители, знак-продукты и/или идея-продукты, и наконец, их содержание и/или форма.

Вне зависимости от носителя знак-продукта (медиа-продукта) в виде знаков сведений, сигналов сообщений и/или кодов двоичных данных, его содержимое имеет декларативный, инструктивный и/или мотивирующий характер. Именно, последнее может оказывать влияние на психосоциальную сущность неподготовленного пользователя, у которого не развито критическое мышление, позволяющее ему выявлять в содержимом знак-продукта подлинную, поддельную (ложную) и/или шумовую составляющие. Кроме того, он может быть осторожным и/или здравомыслящим, чтобы не стать участником распространения мизинформации (дезинформации, которая распространяется по недомыслию и/или неосторожности). Негативное психосоциальное содержание медиа-продуктов может носить мотивирующий характер и сопродуцировать в психосоциальной сущности пользователя коммуникативный продукт не только в его сознании, но и минуя его, в психике и/или социальном поведении. Это связано с тем, что такое содержимое может быть направлено на психосоциальные уязвимости и иметь скрытую составляющую, направленную на сопродуцирование психосоциальных расстройств, а также быть безсодержательным (неинформативным), бесформенным и/или безыдейным.

За счет психосоциального насилия, атакующий пытается подавить волю, сломить сопротивление и покорить атакуемое государство, во всевозможных принадлежностных пространствах. Наверное, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 необходимо ввести раздел о психосоциальной безопасности. Отметим, что в ней используются категории информационно-психологического воздействия и манипулирования.

Сфера виртуально-информационного пространства стала сферой, в которой недружественные субъекты продуцируют напрямую, опосредовано через прокси и/или

косвенно через окружение, а также с помощью смарт-систем негативные инцидентные ситуации, виртуальные сущности которых могут воздействовать как минимум на один элемент целевой ситуации (на субъекта, объект (ресурс) и/или инструмент (средства (элементы телеком-интернет-инфраструктуры и/или связанные с ней элементы инфраструктур), институты и/или допущения). В качестве субъекта может выступить человек, организационная структура и/или орган публичной власти. Целью психосоциальной атаки с помощью знак-продуктов (медиа-продуктов) в виртуально-информационном пространстве является психосоциальная позиция как минимум одного человека, которую необходимо дез-позиционировать (рас-синхронизировать, дезориентировать и/или изменить идентичность), а также дезорганизовать и/или дезадаптировать. Осуществить это можно с помощью явного психосоциального воздействия на сознание и/или память как минимум одного человека и/или неявно минуя их, на всю психику, включая неосознаваемую составляющую, с целью доведения внутреннего состояния людей до критических значений, когда они добровольно и массово начнут переходить в иную принадлежность, не осознавая, что ими манипулируют. Это достигается за счет определенного преимущества в телеком-интернет-инфраструктуре и смарт-системах, позволяющих транснациональным медиа-корпорациям доминировать в виртуально-информационном пространстве за счет продуцирования, распространения негативного контента и/или фильтрации нежелательного для них контента.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. — 2022. — № 4. — С. 24–35.
2. Макаров Е. Ментальная и когнитивная войны — вопросы определения, цели и средства // Геополитика.ru. — URL: <https://www.geopolitika.ru/article/mentalnaya-i-kognitivnaya-voyny-voprosy-opredeleniya-celi-i-sredstva?ysclid=m5k1d6czeq891503478> (дата обращения: 20.03.2025).
3. Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник МГЮА. — 2023. — № 11. — С. 165–170.
4. Air-Force General Eric Autellet, Dr. Norbou Buchler et al. Cognitive Warfare Symposium. ENSC // NATO Science and Technology Organization. — 2021. — URL: <https://2050.su/cognitive-warfare-the-future-of-cognitive-dominance/?ysclid=m5kovrrhds752346147> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Cao K., Glaister S. et al. Countering cognitive warfare: awareness and resilience // NATO Review. (20 May 2021). Johns Hopkins University & Imperial College London. — URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Claverie B., Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept // NATO Allied Command Transformation / Innovation Hub. — 2021. — URL: <https://2050.su/the-cognitive-warfare-concept/?ysclid=m5kopvahv450540445> (дата обращения: 20.03.2025).
7. Norton B. Behind NATO's «cognitive warfare»: «Battle for your brain» waged by Western militaries // Grayzone. — 2021. — № 8. — URL: <https://thegrayzone.com/2021/10/08/nato-cognitive-warfare-brain/> (дата обращения: 20.03.2025).

REFERENCES

1. Ilnitkiy AM. The Strategy of Mental Security of Russia. *Voennaya mysl*. 2022;4:24-35. (In Russ.).
2. Makarov E. Mental and Cognitive Wars — Questions of Definition, Goals, and Means. *Geopolitika.ru*. Available at: <https://www.geopolitika.ru/article/mentalnaya-i-kognitivnaya-voyny-voprosy-opredeleniya-celi-i-sredstva?ysclid=m5k1d6czeq891503478> [Accessed 20.03.2025].

3. Rumyantseva VG. The State Interest: the Sovereign's Power by Default. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;1(11):165-170. (In Russ.).
4. Air-Force General Eric Autellet, Dr. Norbou Buchler, et al. Cognitive Warfare Symposium. ENSC. *NATO Science and Technology Organization*. 2021. Available at: <https://2050.su/cognitive-warfare-the-future-of-cognitive-dominance/?ysclid=m5kovrrhds752346147> [Accessed 20.03.2025].
5. Cao K, Glaister S, et al. NATO Review. (20 May 2021). Johns Hopkins University & Imperial College London. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> [Accessed 20.03.2025].
6. Claverie B, Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept. NATO Allied Command Transformation. *Innovation Hub*. 2021. Available at: <https://2050.su/the-cognitive-warfare-concept/?ysclid=m5kopvahv450540445> [Accessed 20.03.2025].
7. Norton B. Behind. NATO's 'cognitive warfare': 'Battle for your brain' waged by Western militaries. *Grayzone*. 2021;8. Available at: <https://thegrayzone.com/2021/10/08/nato-cognitive-warfare-brain/> [Accessed at: 20.03.2025].

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.027-032

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ РОССИИ

Павлов Валерий Семенович,

доцент кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В. О., д. 57/43
pvs751@mail.ru

© Павлов В. С., 2025

Аннотация. В статье сделана попытка обосновать ведущую роль исторического просвещения как идейно-нравственной основы государственной идеологии России. В исследовании определено примерное время начала процесса исторического просвещения — это последняя треть XVIII в., когда были опубликованы первые исторические исследования, претендующие на систематическое изложение всей истории российского государства, и были сделаны практически шаги в рамках политики просвещенного абсолютизма. На основе хронологического подхода исследуются важнейшие этапы процесса исторического просвещения как в царский, так и в последующие периоды, включая советский и постсоветский. Особое внимание уделяется на переломные этапы в истории нашей государственности, когда роль идеологии на основе исторических и духовно-нравственных ценностей значительно возрастала: это Отечественная война 1812 г., Крымская война 1853–1856 гг., Великая Отечественная война 1941–1945 гг., и современный период (СВО). В статье показан сложный и длительный период формирования и эволюции исторического просвещения от первых научных систематизаций начала XVIII в., созданных А. И. Манкиевым, В. Н. Татищевым, М. М. Щербатовым и Н. М. Карамзиным и до Указа Президента РФ В. В. Путина «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» (2024 г.). Также сделана попытка проанализировать практические шаги органов государственной власти и общественных организаций в деле исторического просвещения населения России.

Ключевые слова: государство; право; история; историческое просвещение; историческая память; история России; преподавание отечественной истории; Российское историческое общество; гибридная война.

THE ROLE OF HISTORICAL EDUCATION IN THE STATE IDEOLOGY OF RUSSIA

Valery V. Pavlov,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State of the Northwest Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation

pvs751@mail.ru

Abstract. *The paper substantiates the leading role of historical education as an ideological and moral foundation of the state ideology of Russia. The study identifies the approximate beginning of the historical education process as the last third of the 18th century, when the first historical studies were published. Those studies insisted on systematic presentation of the entire history of the Russian state, along with practical steps taken within the framework of enlightened absolutism. Using the chronological approach, the paper examines the most important stages of the historical education process during both the imperial period and subsequent periods, including the Soviet and post-Soviet eras. Particular attention is paid to the pivotal moments in the history of Russian statehood when the role of ideology based on historical and spiritual and moral values significantly increased: the Patriotic War of 1812, the Crimean War of 1853–1856, the Great Patriotic War of 1941–1945, and the modern period (the Special Military Operation). The paper highlights the complex and lengthy process of the formation and evolution of historical education, from the first scientific systematizations of the early 18th century, created by A. I. Mankiev, V. N. Tatishchev, M. M. Shcherbatov, and N. M. Karamzin, to the Decree of the President of the Russian Federation, V. V. Putin, «On Approving the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education» (2024). The paper also attempts to analyze the practical steps taken by government authorities and public organizations in the field of historical education for the population of Russia.*

Keywords: *State, law, history, historical education, historical memory, history of Russia, teaching of national history, Russian Historical Society, hybrid war.*

Изучение истории России в школах и вузах, историческое просвещение населения Российской Федерации — эта задача, которая выдвинулась сегодня на одно из первых мест в деле укрепления нашей идеологии и внутренней политики страны в целом. Расхожий в 1990-е гг. лозунг о том, что у нас нет и не должно быть идеологии, потерял смысл.

Другая причина выбора темы исследования — это гибридная война, которая сегодня активно ведется против России, в том числе и на базе антиистории. Причем подготовка к ней началась задолго, а если иметь в виду Украину, то с начала 1990-х гг. и важное место в ней сыграл простой школьный учитель. Известно выражение, которое приписывается «железному» канцлеру Германии Бисмарку о том, что «войну выиграл школьный учитель»¹. Конечно, мы победим в Специальной военной операции (СВО), но именно в украинских школах и вузах воспитывались нынешние участники Вооруженных сил Украины (ВСУ), когда после 1991 г. началась фальсификация истории, героизация бендеровщины и нацификация на Украине. Известный украинский предприниматель, издатель и юрист Ф. Б. Кауфман пишет: «Новонаписанная история Украины основана на нескольких простых идеях: “Настоящая Русь” — это Украина с центром в Киеве, Московское государство — “не русское” государство, Москва — это “главный враг” Киева, русские ненавидят Украину и используют ее только как

¹ Бисмарк и школьный учитель // URL: <https://navlasov.livejournal.com/169931.html?ysclid=m1ktn481b901681053> (дата обращения: 20.03.2025).

сырьевую базу для своей империи»². Благодаря новым учебникам для школ и вузов и другой литературе с аналогичным содержанием, массивной постоянной анти-русской пропаганде в средствах масс медиа, историческое сознание значительной части населения Украины было переформатировано.

Роль исторического сознания, сформированного школой и другими субъектами исторического просвещения весьма велика. Именно поэтому в нашем государстве на протяжении всего периода его существования вопросы исторической памяти занимали важное место, начиная с освободительных походов князя Святослава (X в.) и «Поучения Владимира Мономаха» (1117 г.), защитившего единство Русской земли и заканчивая Указом Президента РФ В. В. Путина «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» (2024 г.).

Историческое просвещение на научной основе сформировались в России только в XVIII в. после открытия Академии наук, Академического университета и издания первых научных трудов по отечественной истории: «Ядро Российской истории» в семи книгах А. И. Манкиева (1715 г.), «История Российская с самых древних времен» В. Н. Татищева в семи томах (1750 г.), «История Российская с древнейших времен» М. М. Щербатова в семи томах и 15 книгах (1770–1790 гг.). Важнейшими событиями этого периода стало открытие Московского университета в 1755 г. и политика «просвещенного абсолютизма» Екатерины II (1762–1796 гг.), когда появились первые российские профессора, издатели, журналисты и другие лица активно участвующие в политике просвещения. Наиболее видно место среди них занимала историческая, литературная и журналистская деятельность Н. М. Карамзина, которого Александр I официально назначил историографом России. Первые 8 томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина были изданы 1 февраля 1818 г., и «все, даже женщины бросились читать историю своего отечества, дотоле неизвестную», — писал А. С. Пушкин³. Небывалый для того времени тираж в 3 тыс. экземпляров разошелся за один месяц. Этот труд по истории России стал самым читаемым и сыграл громадную роль в историческом просвещении дворянского и разночинного населения⁴.

Н. М. Карамзин, как и его предшественники — В. Н. Татищев и М. М. Щербатов, обращал внимание и на моральный аспект при анализе исторических личностей. Еще князь М. М. Щербатов, писал, что история России — это не только факты, а история идей и нравов⁵. Эти традиции были продолжены такими выдающимися историками, как С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским, С. Ф. Платоновым и др.

Важную роль историческое просвещение сыграло в период Отечественной войны 1812 г. и в годы Крымской войны (1853–1856 гг.). Газеты, журналы и другие издания содержали большое количество историко-патриотических материалов. Исторический жанр активно стал развиваться в художественной литературе, поэзии, театре, музыки и живописи. Важным событием было основание Российского исторического общества (РИО) (1866–1917 гг.), которое за 50 лет своего существования издало 148 томов сборников и 25 томов «Русского биографического словаря», но после образования Советского государства РИО было упразднено.

В советский период большевики осознавали роль истории как идеологической основы государственности и поэтому ее изучение и преподавание полностью контролировалось партийными и советскими органами власти. Мы приведем только один пример: 15 мая 1934 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором преподавание истории

² Кауфман Ф. Украинские учебники по истории как основа нацификации украинцев // Суть времени. 2023. 24 августа. № 548.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. М.-Л. : Изд. Академии наук, 1951. Т. 8. С. 66–67.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского : [в 12 т.]. СПб. : Тип. Н. Греча, 1829. Т. 12.

⁵ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен : [в 7 т., 15 кн.]. СПб. : Императорская академия наук, 1770. Т. 1.

в СССР оценивалось как неудовлетворительное, и поэтому было указано, что к 1 июня 1935 г. необходимо подготовить новые учебники по всем историческим дисциплинам⁶. В последующие годы внимание партийных и советских органов власти к изучению отечественной истории и пропаганде исторических знаний с классовых позиций только усиливалось. Это относится и к периоду Великой Отечественной войны. Интересно отметить, что даже в годы героической Блокады г. Ленинграда массовыми тиражами вышла серия книг, рассказывающих о подвигах Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова и других полководцев⁷. Историко-патриотическое просвещение продолжилось и в послевоенный период, став частью системы по коммунистическому воспитанию.

Однако в период перестройки историческая наука оказалась втянутой в политическую борьбу: в конце 1980-х — начале 1990-х гг. началось «переписывание» истории, особенно советского периода. Этому способствовал отчасти и закон Российской Федерации «Об образовании» 1992 г., закреплявший идею альтернативного образования⁸. В российских вузах с начала 1990-х гг. начали изучать такие предметы, как «Социально-политическая история XX века», «Всеобщая история государства и права» и другие исторические дисциплины, в которых истории России уделялось недостаточное место. Стала издаваться в большом количестве научная и учебная литература иностранных авторов. Российские историки оказались под влиянием института «Открытое общество» (Фонд Сороса), деятельность которого была направлена на переформатирование менталитета российских граждан. На смену советским учебникам пришли издания Дж. Боффа⁹, Н. Верта¹⁰, Э. Карра¹¹, Дж. Хоскинга¹² и другие, которые официально рекомендовались для школьников и студентов Российской Федерации. Только в 2015 г. Генеральная прокуратура России признала фонд Сороса нежелательной на территории России организацией. Этому способствовал и новый Федеральный закон «О народном образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273¹³.

Первые попытки по изменению политики в области исторического просвещения были сделаны в первое президентство В. В. Путина, когда 16 февраля 2001 г. было принято постановление Правительства РФ № 122 в виде Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы»¹⁴.

Позитивные изменения в области исторического образования как в средней школе, так в вузах Российской Федерации начались с самого начала 2020-х гг. В средней школе в 2020–2023 гг. началось преподавание истории по новым учебным программам¹⁵, а в высших учебных заведениях в 2023/2024 учебном году был введен

⁶ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15.05.1934 «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Собрание законов СССР. 1934. № 26. Ст. 206.

⁷ Кочаков Б. М. Михаил Кутузов. Л. : Гослитиздат, 1942. ; Прокофьев А. А. Дмитрий Донской. Л. : Политическое управление Ленинградского фронта, 1942. ; Тихонов Н. С. Михаил Кутузов. Л. : Политическое управление Ленинградского фронта, 1942.

⁸ Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» // Российская газета. 1992. № 172. 31 июля.

⁹ Боффа Дж. История Советского Союза : в 2 т. [пер. с ит.]. Изд. 2. М. : Международные отношения, 1994. Т. 1 : От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин: 1917–1941 гг. ; Т. 2 : От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев 1941–1964.

¹⁰ Верт Н. История советского государства. 1900–1991 гг. М. : Прогресс, 1992.

¹¹ Карр Э. Х. История Советской России : в 14 т. М. : Прогресс, 1990. Кн. 1, т. 1–2 : Большевицкая революция 1917–1923.

¹² Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917–1991. М. : Русич, 2001.

¹³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «О народном образовании в Российской Федерации» (ред. от 14 июля 2024 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

¹⁴ Российская газета. 2001. 12 марта. № 49.

¹⁵ Решение Коллегии Министерства просвещения Российской Федерации «Концепция преподавания учебного курса “История России” в образовательных организациях

фактически новый курс «История России»¹⁶. Одновременно для средней школы и для вузов страны были подготовлены и изданы новые учебники по истории России¹⁷.

Вслед за радикальными переменами в сфере исторического образования начались преобразования и по другим направлениям исторического просвещения. О важности этой деятельности говорится в Указе Президента РФ В. В. Путина от 08.05.2024 «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»¹⁸. Следовательно, можно сделать вывод о том, что историческое просвещение и его основа — историческое знание и образование стали сегодня фундаментом государственной идеологии России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бисмарк и школьный учитель. — URL: <https://navlasov.livejournal.com/169931.html?yclid=m1ktnc481b901681053> (дата обращения: 20.03.2025).
2. *Бобфа Дж.* История Советского Союза : в 2 т. [пер. с ит.]. — Изд. 2. — М. : Международные отношения, 1994. — Т. 1 : От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин: 1917–1941 гг. — 628 с. ; Т. 2 : От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев 1941–1964. — 631 с.
3. *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991 гг. — М. : Прогресс, 1992. — 480 с.
4. История России : учебник для вузов : в 2 ч. / под ред. Ю. А. Петрова. — М. : Наука, 2024. — 594 с.
5. *Карамзин Н. М.* История государства Российского : [в 12 т.]. — Т. 12. — СПб. : Тип. Н. Греча, 1829. — 583 с.
6. *Карр Э. Х.* История Советской России : в 14 т. — Кн. 1. — Т. 1–2 : Большеви́стская революция 1917–1923. — М. : Прогресс, 1990. — 763 с.
7. *Кауфман Ф.* Украинские учебники по истории как основа нацификации украинцев // Суть времени. — 2023. — 24 августа. — № 548.
8. *Кочаков Б. М.* Михаил Кутузов. — Л. : Гослитиздат, 1942. — 59 с.
9. *Мединский В. Р., Торкунов А. В.* История России. 1914–1945 годы. 10 класс. Базовый уровень : в 2 ч. — Ч. 1. — М. : Просвещение, 2023. — 497 с.
10. *Прокофьев А. А.* Дмитрий Донской. — Л. : Политическое управление Ленинградского фронта, 1942. — 16 с.
11. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. — Т. 8. — М.-Л. : Изд. Академии наук СССР, 1951. — 580 с.
12. *Тихонов Н. С.* Михаил Кутузов. — Л. : Политическое управление Ленинградского фронта, 1942. — 52 с.
13. *Хосгинг Дж.* История Советского Союза. 1917–1991. — М. : Русич, 2001. — 496 с.
14. *Щербатов М. М.* История российская от древнейших времен : [в 7 т., 15 кн.]. — Т. 1. — СПб. : Императорская академия наук, 1770. — 398 с.

Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы» от 23.10.2020 № ПК-1вн // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/f2778414aa12c63167ae732c29535bab/> (дата обращения: 20.03.2025) ; Федеральная рабочая программа среднего общего образования по истории для 10–11 классов общеобразовательных организаций // URL: https://100ballnik.com/wp-content/uploads/2023/06/30_ФРП_История_10-11-УУ-07082023.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

¹⁶ Приказ Минобрнауки от 19.07.2022 № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные стандарты высшего образования» // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/59646/> (дата обращения: 20.03.2025).

¹⁷ *Мединский В. Р., Торкунов А. В.* История России. 1914–1945 годы. 10 класс. Базовый уровень : в 2 ч. М. : Просвещение, 2023. Ч. 1. ; История России : учебник для вузов : в 2 ч. / под ред. Ю. А. Петрова. М. : Наука, 2024.

¹⁸ Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 20.03.2025).

REFERENCES

1. Bismark and a School Teacher. Available at: <https://navlasov.livejournal.com/169931.html?y-sclid=m1ktn481b901681053> [Accessed 20.03.2025]. (In Russ.).
2. Boffa J. The History of the Soviet Union: in 2 Vols [Translated from Italian]. 2nd ed. Vol. 1: From the Revolution to the Second World War. Lenin and Stalin: 1917–1941. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1994; Vol. 2: From the Patriotic War to the Status of a Second World Power. Stalin and Khrushchev 1941–1964. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1994. (In Russ.).
3. Hosking J. The History of the Soviet Union. 1917–1991. Moscow: Rusich publ.; 2001. (In Russ.).
4. Karamzin NM. History of the Russian State. In 12 vols. Vol. XII. St. Petersburg: N. Grech Publishing House; 1829. (In Russ.).
5. Karr EH. The History of Soviet Russia. In 14 vols. Book 1. Vol. 1–2. The Bolshevik Revolution 1917–1923. Moscow: Progress Publ.; 1990. (In Russ.).
6. Kaufman F. Ukrainian history textbooks as the basis for the Nazification of Ukrainians. *Sut' vremeni*. 2023 [August 24].
7. Kochakov BM. Mikhail Kutuzov. Leningrad: Goslitizdat Publ.; 1942. (In Russ.).
8. Medinsky VR, Torkunov AV. History of Russia. 1914–1945. 10th grade. Basic Level. In two parts. Part 1. Moscow: Prosveshchenie Publ.; 2023. (In Russ.).
9. Petrov YuA (ed.). History of Russia. In 2 Parts. Moscow: Nauka Publ.; 2024. (In Russ.).
10. Prokofyev AA. Dmitry Donskoy. Leningrad: Political Administration of the Leningrad Front publ.; 1942. (In Russ.).
11. Pushkin AS. Complete Works in 10 Volumes. Vol. 8. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House; 1951. (In Russ.).
12. Shcherbatov MM. Russian History from Ancient Times. In 7 Vols, 15 Books. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1770. (In Russ.).
13. Tikhonov NS. Mikhail Kutuzov. Leningrad: Political Administration of the Leningrad Front Publ.; 1942. (In Russ.).
14. Vert N. The History of the Soviet State. 1900–1991. Moscow: Progress Publishers; 1992. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.033-038

КОНСТРУИРОВАНИЕ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА БАНКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УГРОЗ

Пушкарева Людмила Васильевна,

профессор Северо-Западного института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43
plv1412@mail.ru

© Пушкарева Л. В., 2025

***Аннотация.** Вопрос обеспечения высокого уровня экономической безопасности страны на всех ее уровнях является актуальным всегда. Развитие банковского сектора всегда сопровождается модификацией рисков. Однако рост количества рисков в банковской деятельности влечет изменения в структуре рисков. Для финансово-кредитных организаций всегда останется актуальным вопрос роста кредитного риска и связанных с ним угроз, самой частой из которых является угроза невозврата денежных средств. Поэтому для любой организации, а особенно для финансово-кредитных организаций, так важно выстроить четкую систему управления рисками, которая позволит заблаговременно обнаружить риски и угрозы и нейтрализовать их. Банковскую деятельность можно условно разделить на два больших блока: финансирование и обеспечение расчетов. Обеспечение расчетов позволяет клиентам: вести ежедневную операционную деятельность и осуществлять расчеты со своими контрагентами, отправляя и принимая платежи в любой форме, с помощью любых инструментов, по любым каналам связи. Как вид операционной деятельности это направление существует столько же, сколько существуют банки. Но как бизнес оно стало рассматриваться относительно недавно. В целях снижения угроз предлагается рассмотрение системы управления элементами рисками в банковской системе, которая может быть активно включена в фильтрацию финансовых угроз при предоставлении банковских услуг. Процесс управления элементами системы экономической безопасности основан на согласованном разделении основных функций риск-менеджмента в условиях воздействия всех видов угроз на коммерческую деятельность кредитной организации. При формировании такой модели управления кредитная организация должна осуществлять информационное управление системой внешних кредитных отношений в целях накопления информации о клиентах.*

Ключевые слова: банк; финансовые потери; угрозы; убытки; упущенная выгода; экономическая безопасность; кредитные организации; денежные средства.

DESIGNING THE FINANCIAL AND LEGAL SPACE OF A BANKING ORGANIZATION IN THE FACE OF ECONOMIC THREATS

Lyudmila V. Pushkareva,

Dr. Sci. (Economics), Professor, Northwest Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation

plv1412@mail.ru

***Abstract.** The issue of ensuring a high level of the State economic security at all levels is always relevant. The banking sector development is always accompanied by a modification of risks. However, an increased number of risks in banking activities leads to changes in the risks structure. For financial and credit organizations, the question of increasing credit risk and the associated threats will always remain relevant. The most common threat is the threat of non-repayment. Therefore, it is crucial for any organization, especially for financial and credit organizations, to establish a clear risk management system that allows for the early detection of risks and threats and their neutralization. For the purposes of this study, banking activities can be divided into two large groups: financing and payment facilitation. Payment facilitation allows clients to conduct daily operational activities and settle with their counterparties by transferring and receiving payments in any form, using any instruments, via any communication channels. As a type of operational activity, this area has existed as long as banks have existed. However, it has only recently been considered as a business. To reduce threats, the author proposes to consider a risk management system within the banking system that can be involved in the procedure of filtering of financial threats when providing banking services. The process of managing the elements of the economic security system is based on a coordinated division of the main risk management functions in the context of all types of threats to the commercial activities of the credit organization. In forming such a model of management, the credit organization should carry out information management of the system of external credit relations to accumulate information about clients.*

Keywords: bank, financial losses, threats, losses, lost profit, economic security, credit organizations, funds.

В рамках рыночной экономики стабильная, надежная и успешно функционирующая банковская система является результатом корректного принятия и исполнения банковского законодательства. Анализ банковской системы Российской Федерации за 2023 г., показал несостоятельность банковского законодательства и не возможность в короткие сроки противостоять ухудшению возможной экономической ситуации в связи с экономическими санкциями. Из-за пандемии и введения новых санкций странами Запада после начала специальной военной операции произошло глобальное потрясение экономики России, которое в свою очередь, затронуло финансово-правовую сферу, в результате чего произошло негативное ужесточение кредитно-денежных мер в отношении валютно-денежных и биржевых операций. Такие факторы крайне негативно сказались на банковской деятельности в Российской Федерации, за период с 2020 по 2023 г. более 72 кредитно-денежных организаций, осуществлявших банковскую деятельность, перестали существовать. Данный факт, помимо международного экономического кризиса, вызвал существенное повышение ставок по кредитам, в результате чего многие отечественные компании либо обанкротились, либо пришли в упадок. Совокупность результата таких мер и экономического кризиса может привести к уменьшению уровня ВВП по сравнению с 2021 г. почти на 4 %, а уровень жизни в стране по сравнению с тем же годом может замедлиться в своем развитии.

Одним из ключевых пробелов является отсутствие в законодательстве термина «банковская деятельность», что порождает различные правовые споры, связанные с юридическим толкованием данного понятия, это в свою очередь, создает ряд проблем, связанных с корректным пониманием и употреблением данного термина. Безусловно, существует научное определение представленного термина, но оно имеет рекомендательный характер и не может выступать в роли официально-правового.

В современных условиях развития банковской системы России экономические и правовые меры, направленные на ее совершенствование в последние годы принимающиеся Правительством РФ и Центральным банком РФ, являются не вполне достаточными в связи с их противоречивым характером и малоэффективностью. Как пример данной тенденции, может служить Федеральный закон от 21.12.2021 № 423-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вносит изменения в закон № 395-1 «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем». В результате принятия данного закона, происходит деление клиентов банка по уровням риска. С одной стороны, данная тенденция является положительной и в идеале должна пресекать подозрительных клиентов, однако с другой существует риск случайного попадания клиентов с чистой денежной историей в не желаемые для них группы риска, что впоследствии может негативно отразиться на их кредитно-денежных операциях. В свою очередь, это может стать негативным фактором в развитии предпринимательства и банковской системы России т.к. многие люди предпочитают не использовать безналичный расчет и ресурсы банков при проведении различных финансовых операций, дабы не подвергать себя риску оказаться в группе подозрительных клиентов с высокой степенью риска совершения подозрительных операций. Пока существует наличный расчет, возможность оставаться инкогнито в проведении подозрительных сделок тоже будет существовать, и теневая сфера экономики будет только наращивать свои обороты. Поэтому принятие такого федерального закона довольно неоднозначная мера поддержки банковской системы, имеющая существенное количество недостатков.

Функционирование банковского сектора государства всегда сопровождается модификацией рисков. Для финансово-кредитных организаций всегда останется актуальным вопрос роста кредитного риска и связанных с ним угроз, самой частой из которых является угроза невозврата денежных средств. Поэтому для любой организации, а особенно для финансово-кредитных организаций, так важно выстроить четкую систему управления рисками, которая позволит заблаговременно обнаружить риски и угрозы и нейтрализовать их.

В целях экономической оценки финансовых рисков российскими экономистами определены четыре вида методических подходов: методику Центрального банка России, подходы, предложенные представителями научного сообщества, а также методические подходы рейтинговых агентств — методика агентства «Эксперт», методика издания «Коммерсант», методика «Огребанк», методика АЦФИ, методика ИЦ «Рейтинг»¹.

В теоретических аспектах оценки экономической безопасности кредитных организаций заслуживают внимания авторские методики: «уровень экономической безопасности банка определяется тем, насколько эффективно подразделениям и службам банков удается предотвращать угрозы и устранять ущерб от негативного воздействия на банковскую систему. Источниками таких воздействий являются сознательные или неосознанные действия конкретных людей (в том числе сотрудников), а также банков конкурентов, органов государственной власти, международных организаций»².

¹ Антонова Н. А. Дью дилидженс в условиях актуарного учета: сущность, цель, функции // Вестник Адыгейского государственного университета. 2021. (155). С. 141–147.

² Бедеров И. Поиск информации о конкурентах в открытых источниках // Директор по безопасности. 2021. С. 84–86.

Очень важными рисками, которые необходимо предусматривать являются риски, связанные с макроэкономической ситуацией. Изменение политической и экономической ситуации в стране может оказать существенное влияние на функционирование финансовых институтов и события, происходящие, например, в Украине. Поэтому смена власти в соседнем государстве крайне негативно отразилась на деятельности российских компаний, имевших филиалы и представительства в стране. Банки с государственным капиталом также столкнулись с давлением.

Банковские угрозы можно разделить на две группы. К первой группе относятся риски, связанные с действиями третьих лиц (например, хакерскими атаками), направленными на повреждение информационной системы коммерческого банка. Ко второй группе следует отнести ошибки при выполнении службами банка³. К этим двум группам информационных опасностей следует добавить третью, связанную с инициированием негативной информации в СМИ, на сайтах и т.п.

Еще одна группа угроз, связанная с внешней средой, — это правовые риски, т.е. проблемы в российском законодательстве, внутренних актах Центрального банка РФ, иные правовых документов, не позволяющих коммерческим банкам в полной мере соблюдать правила безопасности.

2023 год стал годом адаптации экономики России, а также финансового сектора к внешним условиям. Санкционная политика западных стран была продолжена и усилена введением вторичных санкций против стран, осуществляющих то или иное сотрудничество с Россией. В 2023 г. ряд ИТ-компаний ушли с российского рынка или отказались от поддержки, отдельными странами был запрещен экспорт товаров по параллельному импорту, прекращен импорт продукции отдельных отраслей, ряд предприятий и банков внесены в блокирующий санкционный список и другие санкционные действия. Российская экономика столкнулась с высоким уровнем инфляции и значительной девальвацией рубля, снижением доходной части бюджета, необходимостью масштабных изменений в логистике и структурных изменений, а также необходимостью импортозамещения в сфере информационных технологий и безопасности. На рынке труда сложился значительный дефицит кадров.

Меры, предпринятые Правительством РФ и Центральным банком РФ по поддержке экономики еще в 2022 г., получили дальнейшее развитие в 2023 г., что способствовало постепенному восстановлению экономической активности бизнеса и населения. В целях сдерживания инфляции Центральным банком РФ осуществлял жесткую денежно-кредитную политику, в том числе повысив ключевую ставку до 16 % к концу года. В последние месяцы года рубль смог отыграть часть потерь в результате введения обязательной репатриации и продажи части валютной выручки экспортеров. Исходя из экономических реалий, были усовершенствованы программы поддержки предприятий малого и среднего бизнеса и программы ипотечного кредитования⁴. Существенная поддержка государства в виде налоговых льгот, грантов, участия в проектах была направлена на развитие ИТ-отрасли. В результате в 2023 г. отрасль активно развивалась: инвестиции в развитие платформ, создание партнерств и экосистем.

Российская банковская система достаточно оперативно адаптируется к меняющимся условиям. И 2023 г. не стал исключением. Банковский сектор, несмотря на ужесточение санкций, продемонстрировал рост по всем ключевым показателям деятельности.

Значительная кредитная активность отмечена Центральным банком РФ, как одна из причин повышенного инфляционного давления. В этой связи выросла ключевая ставка, ужесточены меры макроprudенциального регулирования розничного кредитования и государственных программ ипотечного кредитования. Данные меры в силу

³ Бочков Р. С., Кашурников С. Н. Комплексная проверка и оценка контрагентов как инструмент обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Новая наука: Опыт, тенденции, инновации. 2018. № 3-1 (71). С. 37–40.

⁴ Грибань С. И. Разработка скоринг системы // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2019. № 3. С. 5–11.

инерционности не оказали значительного влияния на темпы роста по итогам года, но привели к некоторому замедлению потребительского кредитования в декабре. По итогам 2023 г. банковский сектор получил прибыль в размере 3,3 трлн руб., что является рекордом, особенно после прибыли за 2022 г. в размере 0,2 трлн руб. На размер прибыли оказали влияние восстановление основных доходов, существенное сокращение расходов на резервы и значительные доходы от валютной переоценки.

Финансово-кредитным организациям, как субъектам экономической деятельности, осуществляющим свою деятельность с особым продуктом — денежными средствами, присущи банковские риски, а данная сфера экономики является наиболее подверженной разного рода рискам.

В целях снижения угроз предлагается рассмотрение системы управления элементами рисками в банковской системе, которая может быть активно включена в фильтрацию финансовых угроз при предоставлении банковских услуг. Особенностью установления эффективной системы безопасности является разработка функций внутреннего риск-менеджмента, внедрении эффективной системы мониторинга и своевременной оценки экономических факторов, оказывающих влияние на конечный результат деятельности кредитной организации⁵.

Процесс управления элементами системы экономической безопасности основан на согласованном разделении основных функций риск-менеджмента в условиях воздействия всех видов угроз на коммерческую деятельность кредитной организации. При формировании такой модели управления кредитная организация должна осуществлять информационное управление системой внешних кредитных отношений в целях накопления информации о клиентах. Такой подход позволяет более целенаправленно воздействовать на конечный результат по каждому виду риска, что должно способствовать обеспечению безопасности деятельности банка и устойчивому его функционированию.

Проявлением операционного риска является ухудшение кредитного портфеля банка, обусловленное стремлением сотрудников банка выдать как можно больше коммерческих кредитов⁶. Одним из вариантов обеспечения мотивирующего элемента организации работы банковских организаций является использование системы показателей КРІ. Благодаря использованию данной системы можно будет определить мотивирующую финансовую переменную по выполнению сотрудниками банка безопасных финансовых операций, в том числе и по выдаче кредитов.

В целях устранения противоречий необходимо усилить развитие банковского законодательства, придав особое значение процессу принятия новых нормативных правовых актов, регулирующих банковскую деятельность и направленных на совершенствование правовой базы в интересах эффективной деятельности финансовых институтов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонова Н. А. Дью дилидженс в условиях актуарного учета: сущность, цель, функции // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2021. — (155). — С. 141–147.
2. Бедеров И. А. Поиск информации о конкурентах в открытых источниках // Директор по безопасности. — 2021. — С. 84–86.
3. Бочков Р. С., Кашурников С. Н. Комплексная проверка и оценка контрагентов как инструмент обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Новая наука: Опыт, тенденции, инновации. — 2018. — № 3-1 (71). — С. 37–40.

⁵ Захаров О. Ю. Обеспечение комплексной безопасности предпринимательской деятельности. Теория и практика М. : АСТ: Астрель ; Владимир : ВКТ, 2018.

⁶ Касперович С. А., Дербинская Е. А. Экономическая безопасность предприятия: сущность, цели и направления обеспечения // Труды БГТУ. 2016. № 7 (189). С. 278–282.

4. Грибань С. И. Разработка скоринг системы // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. — 2019. — № 3. — С. 5–11.
5. Захаров О. Ю. Обеспечение комплексной безопасности предпринимательской деятельности. Теория и практика. — М. : АСТ: Астрель; Владимир : ВКТ, 2018. — 320 с.
6. Касперович С. А., Дербинская Е. А. Экономическая безопасность предприятия: сущность, цели и направления обеспечения // Труды БГТУ. — 2016. — № 7 (189). — С. 278–282.

REFERENCES

1. Antonova NA. Due Diligence in the Conditions of Actuarial Accounting: Essence, Purpose, Functions. *Bulletin of the Adyghe State University*. 2021;155:141-147. (In Russ.).
2. Bederov IA. Searching for Information about Competitors in Open Sources. *Director of Security*. 2021:84-86. (In Russ.).
3. Bochkov RS and Kashurnikov SN. Comprehensive Verification and Assessment of Counterparties as a Tool for Ensuring the Economic Security of the Economic Entity. *New Science: Experience, Trends, Innovations*. 2018;3-1(71):37-40. (In Russ.).
4. Griban SI. Development of a Scoring System. *Bulletin of the Scientific Society of Students, Post-graduates, and Young Scientists*. 2019;3:5-11. (In Russ.).
5. Kasperovich SA, Derbinskaya EA. Economic Security of the Enterprise: Essence, Goals, and Directions of Provision. *Proceedings of the BGTU*. 2016;7(189):278-282. (In Russ.).
6. Zakharov OYu. Ensuring Comprehensive Security of Entrepreneurial Activity: Theory and Practice. Moscow: AST: Astrel; Vladimir: VKT; 2018. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.039-049

КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАНКА РОССИИ КАК СУБЪЕКТА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Королев Павел Евгеньевич,
магистрант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
korolevmultipass@yandex.ru

© Королев П. Е., 2025

Аннотация. В статье при помощи логической и системно-структурной, функциональной и кибернетической, сравнительно-правовой и догматической методологии исследуется проблематика административно-правового статуса Банка России как мегарегулятора финансовых рынков. На сегодняшний день российская общественность часто встречается с критикой, поступающей в адрес кредитора последней инстанции в связи с проводимой им контрольно-надзорной политикой, якобы идущей вразрез действительным экономическим требованиям нашей державы. В свою же очередь, автор стремится дать собственную оценку юридического регулирования совокупности контрольно-надзорных полномочий Банка России, начиная анализ с изучения теоретических положений научных работ в области административного и финансового права, а также исследования терминологии специального банковского законодательства. Так с точки зрения последнего, мегарегулятор представляется «иным органом публичной власти» и юридическим лицом, а также органом банковского регулирования и банковского надзора. Исходя из имеющихся позиций юридической доктрины, Банк России есть особенный публично-правовой институт, инструментарий единой денежно-кредитной политики государства, юридическое лицо публичного права или же организация, наделенная в общественных целях законом государственными и иными публичными полномочиями. Осуществляя теоретическое разграничение административно-правовых категорий контроля и надзора, автор комментирует императивно установленные цели деятельности Банка России и стремится дать классификацию его полномочий и функций. Делается вывод, что грамотная политика по контролю и надзору за финансовым рынком, отвечающая текущим хозяйственным потребностям и нормативно закрепленным целям деятельности, служит сферой заинтересованности главного банка первого уровня, наделенного организаторским, нормотворческим и правозащитным функционалом.

Ключевые слова: публичное право; публичное управление; юридические лица публичного права; публичные полномочия; административно-правовой статус; контроль и надзор; центральные банки; Банк России; финансовый рынок; мегарегулятор.

CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES OF THE BANK OF RUSSIA AS A SUBJECT OF ADMINISTRATIVE LEGAL RELATIONSHIPS

Pavel E. Korolev,

Master's Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
korolevmultipass@yandex.ru

Abstract. *The paper elucidates the issues related to the administrative and legal status of the Bank of Russia as a mega-regulator of financial markets using logical and systemic-structural, functional and cybernetic, comparative-legal, and dogmatic methodologies. Currently, Russian society frequently encounters criticism directed at the creditor of last resort due to its control and supervisory policies, which are allegedly at odds with the actual economic needs of the State. In turn, the author aims to provide his own assessment of the legal regulation of the Bank of Russia's control and supervisory powers, beginning the analysis with a study of the theoretical provisions from scientific works in the field of administrative and financial law, as well as an examination of the terminology of specific banking legislation. In the context of the latter, the mega-regulator is viewed as «another body of public authority» and a legal entity, as well as an organ of banking regulation and supervision. Based on existing doctrinal standings, the Bank of Russia is a unique public-legal institution, a tool of the state's unified monetary and credit policy, a legal entity of public law, or an organization endowed by law with state and other public powers for public purposes. Theoretically delineating the administrative-legal categories of control and supervision, the author explains the imperatively established goals of the Bank of Russia's activities and seeks to classify its powers and functions. The paper concludes that a competent policy of control and supervision over the financial market that meets current economic needs and the legally enshrined objectives of activity, serves as an area of interest for the primary bank of the first level, endowed with organizational, regulatory, and protective functions.*

Keywords: *public law, public administration, legal entities of public law, public powers, administrative and legal status, control and supervision, central banks, Bank of Russia, financial market, mega-regulator.*

Какова роль Банка России в условиях современных экономических реалий и плавающего валютного курса, корректировок ценовой политики и перманентно модифицирующихся инфляционных прогнозов? На сегодняшний день нередко приходится слышать критику, идущую в адрес отечественного мегарегулятора финансовых рынков и лично установок Э. С. Набиуллиной как от экспертного сообщества и рядовых граждан, так и от некоторых политических деятелей.

Административно-правовой статус Банка России как актора нормативных отношений уникален. С точки зрения терминологии специального Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее — Закон о Банке России), это «другой орган публичной власти» или юридическое лицо, орган банковского регулирования и банковского надзора, а также мегарегулятор, осуществляющий контролирующие функции в отношении некредитных финансовых организаций¹. Исходя же из обоснований научной литературы, это особый публично-правовой институт или юридическое лицо публичного права, инструмент денежно-кредитной политики правительства и проводник государственного курса в сфере публично-правового регулирования хозяйственной деятельности.

¹ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

Мы соглашаемся с последним тезисом, наделяя Банк России особым административно-правовым статусом. Не секрет, что формула государственного интереса призвана обосновывать державные мотивации государства, поскольку массовое сознание должно убедиться: власть направляет народ к единственно верной цели, хаос преодолевается с помощью организации, только государство выражает действительные чаяния населения². Цель правового регулирования — сглаживание границ между публичным и частным, достижение балансов между государственным, общественным и личным. Банк России, как государственный орган, осуществляющий публичное управление, является ключевым субъектом, консолидирующим юридические, финансовые и экономические начала, а также защищающим интересы государства, кредиторов и вкладчиков³.

В современном мире выбор правовых интересов или явная симпатия лишь одним из них нередко носят декларативный характер, а балансирующая граница между частными и публичными нормативами достаточно условна. Потребности одних могут запросто пересекаться с иными, переплетаясь в политико-правовые комбинации, распутать которые подчас затруднительно⁴. Решению же последней проблемы посвящена деятельность таких многоаспектных субъектов публичного управления, как Банк России. Прежде чем перейти к анализу его регуляторных, контрольных и надзорных механизмов, мы коснемся теоретических аспектов административного права.

Современное федеральное законодательство зачастую не уделяет должного внимания разграничению терминов контроля и надзора, употребляя их в качестве синонимов, используемых в скобках. Пространные дефиниции свидетельствуют о деятельности уполномоченных органов, направленной на предупреждение, выявление или пресечение нарушений обязательных требований⁵. Безусловно, понятия контроля и надзора связываются для целей публичного управления. Но немало специфичных черт позволяют выделить надзор в качестве автономной формы администрирования: оценка деятельности с точки зрения законности без исследования целесообразности или эффективности, возможность независимого применения комплекса мер административного принуждения, невмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорного объекта при условии отсутствия организационной подчиненности субъекта и объекта⁶.

Итак, если сущность контроля теоретически связывается с управленческой деятельностью, то административный надзор, часто находящий практическое применение в виде наблюдения или проверок, отмечается правоохранительной природой. Едва ли видится нужным спорить с тем, что организации, наделенные государственными и иными публичными полномочиями, нацеленные на решение задач социального характера, а не на изъятие прибыли от предпринимательской деятельности, способны выступать полноправными участниками процедуры административного контроля и надзора.

Такие юридические лица всегда связаны с публичной властью, а процедура их образования, учредительные документы, правовой режим имущества, степень

² *Исаев И. А.* Государственный интерес как политическая формула власти: по пути Н. Макиавелли // История государства и права. 2024. № 10. С. 3.

³ *Казачкова З. М., Россинский Б. В.* Центральный банк Российской Федерации как юридическое лицо публичного права // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 81.

⁴ *Румянцева В. Г.* Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 11 (111). С. 169.

⁵ Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

⁶ *Зубарев С. М.* Система контроля в сфере государственного управления : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 28.

независимости и подотчетности специфичны⁷. Выражаясь прямо, скажем, что это далеко не общества с ограниченной ответственностью, стремящиеся обрести доход от продажи товаров и услуг, каких в Российской Федерации тысячи.

Банк России — это постоянно действующий орган, чья деятельность может быть прекращена исключительно внесением модификаций в текст Конституции Российской Федерации. Имеющий самостоятельное положение, закрепленное в основном законе, и не укладывающийся в традиционное трактование концепции разделения властей, осуществляющий особые по правовой природе функции государственной власти, он требует регламентации целей своей деятельности⁸.

В отличие от ч. 2 ст. 75 Конституции Российской Федерации, называющей защиту и обеспечение устойчивости рубля основной функцией мегарегулятора, ст. 3 Закона о Банке России открывает таким образом перечисление целей его деятельности. В науке административного права целью управления именуется то необходимое и желаемое состояние объекта управления, которое должно быть достигнуто⁹. С точки зрения философии права это мысленное предвосхищение результата контрольно-надзорной деятельности, идеальный образ и логическая модель желаемого состояния объекта управления, обусловленные имеющимися закономерностями окружающей среды.

На наш взгляд, правовое понимание защиты и обеспечения устойчивости рубля в качестве целевого назначения Банка России не раскрывается на уровне конституционного, административного, финансового, специального банковского законодательства в достаточной мере. Каким образом и «от кого» мегарегулятору надлежит «защищать» рубль как денежную единицу в Российской Федерации? Недостаточная же юридическая обоснованность терминологий влечет правовые риски или безосновательные обвинения в адрес эмиссионного банка не только в малоэффективном уровне контрольно-надзорной деятельности, но и в малейшем инфляционном росте или колебании валютного курса¹⁰.

Способность обеспечить устойчивость национальной валюты — критерий эффективности государства, указавшего рубль в виде законного средства платежа (п. 1 ст. 140 ГК РФ). Согласно ст. 34.1 Закона о Банке России делается вывод: в ключевой цели деятельности заложен аспект поддержания ценовой стабильности во благо сбалансированного и поступательного экономического роста. Именно для обеспечения реализации данного правила, чья редакция оказалась введена в действие лишь в 2013 г., Банк России обладает широтой инструментов денежно-кредитной политики: операции на открытом рынке или валютные интервенции, процентные ставки или обязательные резервы, рефинансирование или эмиссия облигаций от собственного имени (ст. 35 Закона о Банке России).

В условиях взвешенного принятия решения о плавающем валютном курсе устойчивость рубля может означать его способность сохранять приемлемое с точки зрения экономических реалий значение в отношении иных денежных единиц или товаров реального сектора экономики¹¹.

Развитие и укрепление банковской системы как вторая цель деятельности мегарегулятора также имеет общественный характер, ведь банковская система есть составная часть всего финансового механизма государства. Перманентное развитие любой управленческой системы — это особенность продолжающейся административной реформы. Улучшение банковской системы есть возможность

⁷ Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права : монография. М. : Норма, 2022. С. 76.

⁸ Алексеева Д. Г., Пыхтин С. В. Банковское право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2010. С. 111.

⁹ Старостин С. А. Система и структура органов исполнительной власти Российской Федерации : учеб. пособие М. : Проспект, 2021. С. 20.

¹⁰ Волгин А. Р. О некоторых проблемах правового регулирования деятельности Центрального банка Российской Федерации // Правовой альманах. 2023. № 1 (23). С. 15.

¹¹ Рожественская Т. Э., Гузнов А. Г. Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации : монография. М. : Юрайт, 2017. С. 177.

модернизации политики «обратных связей» как характерной черты организаций, наделенных государственными и иными публичными полномочиями. С другой стороны, это потенциал развития структурных элементов системы, реализуемый путем исключения отдельных компонентов механизма, например при отзыве лицензий на проведение банковских операций (ст. 59 Закона о Банке России).

Тенденция государственного управления в области экономики, в отличие от эпохи приватизации девяностых, сегодня характеризуется увеличением роли правительства в контрольно-надзорной деятельности в отношении субъектного состава финансовых рынков. Укрепление банковской системы — реализация ее возможностей осуществлять расчеты или же предоставлять кредиты, принимать депозиты и трансформировать полученные сбережения в инвестиции¹². Участие в данных процессах юридических лиц публичного права особенно актуально.

Обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы раскрывают факт ответственности Банка России за устойчивость рубля. Реализуя полномочия оператора по переводу денежных средств или регулируя требования к системно значимой платежной системе, он также может выступать оператором услуг платежной инфраструктуры¹³. Так, мегарегулятор, принимая нормативные акты, регулирующие процедуру функционирования своей платежной системы и платформы цифрового рубля, осуществляет контрольно-надзорную деятельность за соблюдением правил взаимодействия в рамках платежной инфраструктуры.

Согласно текущему законодательству о национальной платежной системе Банк России уполномочен на применение сразу нескольких мер принуждения: направление предписания об устранении нарушения или ограничение оказания операционных услуг, взыскание с операторов платежных систем штрафов или привлечение поднадзорной организации к административной ответственности. Возможность применения мер государственного принуждения позволяет сегодня отдельным авторам уже не просто причислять Банк России к перечню органов экономического управления, а прямо именовать главный банк первого уровня органом государственной власти¹⁴.

Развитие экономической машины, обеспечение ее стабильности отражают смысл мегарегулятора, который призывается повышать конкурентоспособность внутреннего финансового рынка, не монополизировав, а рационально распределяя регулятивно-надзорную нагрузку на профильные субъекты сектора. Согласно же гл. X.1 Закона о Банке России эмиссионный банк наделяется полномочиями по оперативному выявлению кризисных ситуаций финансового рынка.

Используя административные механизмы предварительного, текущего или последующего контроля, Банк России уполномочивается оперативно выявлять следствия экономических спадов, противодействуя им, устанавливая требования к капиталу и чистым активам некредитных финансовых организаций, проводя проверки деятельности последних и отстаивая законные интересы акционеров, эмитентов, инвесторов, страхователей, выгодоприобретателей.

Детально специальное законодательство отмечает, что получение прибыли не служит целью деятельности Банка России. Он производит расходы за счет своих доходов, что позволяет делать предположение: источники финансирования деятельности эмиссионного банка всё же существуют. Из чего же формируется прибыль мегарегулятора? Согласно положениям ст. 11 Закона о Банке России это разница суммарных доходов от участия в капиталах организаций, от совершения операций и сделок, допустимых ст. 46 Закона о Банке России, а также суммарных расходов на

¹² Ефимова Л. Г., Алексеева Д. Г. Банковское право : учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2019. С. 79.

¹³ Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

¹⁴ Старостин С. А. Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть : учебник для магистров. М. : Проспект, 2017. С. 243.

обеспечение деятельности организаций и служащих, осуществление императивно установленных функций мегарегулятора.

Отдельно отметим, что в ведении Банка России сегодня имеется несколько оздоровительных подразделений, которые также способны приносить доход. Тем не менее, отражая сбалансированные интересы государства, банковской системы и общества, являясь будто промежуточным звеном между денежно-кредитной и финансовой системами, кредитор последней инстанции после уплаты налогов и сборов перечисляет в федеральную казну 75 % полученной по итогам очередного года прибыли (ст. 26 Закона о Банке России).

Учитывая вышеизложенное, мы вполне можем констатировать вывод: цели деятельности Банка России носят макроэкономический и взаимообусловленный, легитимный, непрерывный характер, олицетворяя публично-правовую сущность мегарегулятора финансовых рынков. Его административно-правовое положение характеризуется наделением отдельного юридического лица государственными и иными публичными полномочиями для осуществления управления банковской системой. В последней, как и любой другой системе, необходим контрольный и надзорный элемент.

Приступая к исследованию функционала Банка России и делая акцент на контрольно-надзорных полномочиях, следует отметить взаимообусловленность целей и функций публичного управления. Именно в функциях же, отличающихся властным, целенаправленным, организующим и регулирующим воздействием, находят выражение сущность, цели и задачи администрирования.

Выполнение Банком России возложенных на него законодателем функций с учетом принципов независимости и подотчетности должно быть подчинено целям его деятельности, а также обеспечению социально-экономических основ конституционного строя державы. Безусловно, деятельность такого контрольно-надзорного органа, как Банк России, также подвергается контролю и надзору в рамках динамичного процесса многосубъектного публичного управления. Тем не менее же нормативно-правовое закрепление функционала кредитора последней инстанции — основных направлений деятельности — динамично расширяется и отражается сегодня не только в ст. 4 Закона о Банке России.

Перечислять вслед за нормативом законодателя всевозможные полномочия мегарегулятора финансовых рынков не представляется нам целесообразным. Задача же аналитического исследования есть выявление причинно-следственных связей, умение найти логические взаимообусловленности и закономерности. Так, например, еще в эпоху широкой деятельности Государственного банка СССР его административные полномочия Р. О. Халфина предлагала подразделять на организационные и нормотворческие, выделяя функцию защиты оборота¹⁵.

На сегодняшний день классификация может разниться в зависимости от объекта исследования. С одной стороны, функции Банка России, выступающего в качестве мегарегулятора деятельности широкомасштабного перечня субъектов финансового рынка и депозитария средств Международного валютного фонда, включают обеспечение целей и задач денежно-кредитной политики, достижение финансовой стабильности, воздействие на отдельно взятые секторы исследуемой сферы правовых отношений¹⁶. Например, это регулирование, контроль и надзор за процессом оказания профессиональных услуг на финансовых рынках, а также повышение финансовой грамотности населения (ст. 4 Закона о Банке России). Перечень подконтрольных и поднадзорных объектов здесь поистине огромен: некредитными финансовыми организациями в ст. 76.1 Закона о Банке России именуются субъекты страхового дела и рынка ценных бумаг, а также ломбарды, жилищные накопительные кооперативы, операторы инвестиционных платформ.

¹⁵ Ефимова Л. Г. Исторические предпосылки формирования науки банковского права в России // Юридическая наука в Китае и России. 2018. № 2. С. 67.

¹⁶ Карташов А. В. Функции Банка России на современном этапе развития финансового рынка // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 230.

С другой стороны, исследование административно-правовых полномочий позволяет консолидировать их таким образом: разработка и проведение единой денежно-кредитной политики от имени государства, банковское регулирование, банковский надзор, применение мер принуждения к кредитным организациям¹⁷. Если регулятивный функционал связывается, например, с установлением правил осуществления банковских операций, надзор же с точки зрения теоретических положений права способен осуществляется в трех формах (предварительный, текущий, последующий), то меры воздействия представляют собой конкретные административные элементы принуждения: взыскание штрафа, ограничение или запрет конкретных банковских операций, назначение временной администрации по управлению кредитной организацией (ст. 74 Закона о Банке России).

В доктрине банковского права принято деление компетенции эмиссионного банка на сходные с предметом административного права властные полномочия (контроль, надзор, нормотворчество), а также полномочия в границах банковской деятельности (организация бесперебойной работы национальной платежной и банковской систем, получение прибыли от осуществления банковских операций в публичных интересах)¹⁸. Мы, в свою очередь, постараемся систематизировать однородные направления деятельности Банка России.

Организаторская функция — попытка урегулирования денежно-кредитной системы и формирование структуры банковской системы, налаживание налично-денежного обращения, валютное регулирование и валютный контроль. Запрещая введение любых денежных суррогатов, Банк России монополизирует эмиссию наличных денег, организуя выпуск или изъятие из обращения банкнот и монет (ст. 29 Закона о Банке России). Он устанавливает курсы иностранных валют по отношению к рублю, правила платформы цифрового рубля и ведения расчетов.

Контрольно-надзорные полномочия также отмечены в административной процедуре государственной регистрации кредитных организаций, после которой в случае принятия положительного решения последует стадия выдачи лицензии на осуществление банковских операций. Предъявляемые заявление, ходатайство, протокол общего собрания учредителей будут проверяться должностными лицами Банка России на предмет соответствия требованиям, которые установлены им же самим¹⁹. Далее в процессе осуществления контрольно-надзорной деятельности эмиссионный банк вправе приостановить действие лицензии или вовсе отозвать ее по установленным основаниям (ст. 4 Закона о Банке России).

Кредитор последней инстанции управляет золотовалютными резервами, организует составление платежного баланса и международной инвестиционной позиции нашей державы, анализирует и прогнозирует состояние отечественной экономики, совместно с Правительством РФ разрабатывает и проводит единую денежно-кредитную политику (ст. 4 Закона о Банке России). Упомянутая нами ст. 35 Закона о Банке России дает открытый перечень методов такой политики, чье назначение есть защита и обеспечение устойчивости рубля как конституционно-правовая функция мегарегулятора. Например, это политика проведения валютных интервенций, предполагающая осуществление валютного регулирования и валютного контроля.

В ходе претворения политики последнего Банк России, выступая органом валютного регулирования и валютного контроля, подготавливает обязательные для

¹⁷ Мигачев Ю. И., Мигачев А. Ю., Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус организаций, наделенных государственными полномочиями : учеб. пособие. М. : Проспект, 2021. С. 37.

¹⁸ Хоменко Е. Г. Банковское право : учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2021. С. 166.

¹⁹ Инструкция Банка России от 02.04.2010 № 135-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» (ред. от 19.08.2021) // Вестник Банка России. 2010. № 23.

резидентов и нерезидентов акты²⁰. Издание и последующее опубликование документов — это пример второго функционального направления деятельности, присущего органу государственной власти и осложняющего административно-правовой статус Банка России. Мы говорим о нормотворчестве, выражающемся в нормативных актах (инструкциях, положениях, указаниях), или же документах ненормативного характера (разъяснениях и методических рекомендациях)²¹.

Нормативные акты Банка России не могут расходиться с федеральными законами, по общему правилу не имеют обратной силы, обязательны для органов публичной власти, юридических и физических лиц (ст. 7 Закона о Банке России). Вступление актов в силу по прошествии десяти дней с момента их официального опубликования, потребность в регистрации актов по аналогии с федеральными органами исполнительной власти, а также возможность обжалования в судебном порядке ярко сближают административно-правовое положение мегарегулятора и установленный статус органов публичной власти.

Императивно предусмотренное законодателем правило о направлении на заключение в Банк России любых проектов федеральных законов и подзаконных актов, если они касаются функционала мегарегулятора, также свидетельствует о высокой контрольно-надзорной роли главного банка первого уровня. Так, без его положительной рецензии введение новых требований к деятельности участников финансовых рынков невозможно. В целом же, согласно своей правовой природе, акты кредитора последней инстанции возможно подразделять на нормативные, правоприменительные (индивидуальные властные предписания), договорные и интерпретационные²².

Тем не менее не подлежит регистрации в Минюсте России акт, например изменяющий ключевую ставку или устанавливающий нормы обязательных резервов, а также прямые количественные ограничения. В целом мегарегулятор принимает нормативные акты согласно установленной специальным банковским законодательством компетенции. Это правила проведения банковских операций и осуществления расчетов, стандарты и планы счетов бухгалтерского учета для отдельных акторов финансовых рынков (ст. 4 Закона о Банке России).

Третье важное звено в контрольно-надзорных полномочиях Банка России — это защита гражданского оборота, под которой научная литература понимает постоянный мониторинг рисков, взятых на себя кредитными организациями²³. Например, в содружестве с ФАС России Банк России осуществляет контроль за соблюдением кредитными организациями или филиалами иностранных банков антимонопольного законодательства в сфере банковского обслуживания. Будучи полномочным мегарегулятором, Банк России контролирует должное соблюдение требований отечественного законодательства, посвященного противодействию неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком (ст. 4 Закона о Банке России).

С целью поддержания стабильности банковской системы, а также защиты прав и свобод вкладчиков и кредиторов, не вмешиваясь в текущую деятельность кредитных организаций и филиалов иностранных банков, Комитет банковского надзора мегарегулятора анализирует деятельность банковских холдингов и далее использует полученную информацию для целей наблюдения (ст. 56 Закона о Банке России). Направления перманентно осуществляемого банковского надзора различны.

²⁰ Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

²¹ Положение Банка России от 22.09.2017 № 602-П «О правилах подготовки нормативных актов Банка России» (ред. от 23.03.2020) // Вестник Банка России. 2017. № 84.

²² Пастушенко Е. Н. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории / под ред. Н. И. Химичевой. Саратов : Издательство Саратовской государственной академии права, 2006. С. 272.

²³ Ефимова Л. Г. Банковское право. М. : Статут, 2010. Т. 1 : Банковская система Российской Федерации. С. 74.

Например, в ходе пруденциального надзора мегарегулятор проверяет соблюдение поднадзорным объектом устанавливаемых им самим обязательных требований: нормативов ликвидности кредитной организации и достаточности ее капитала, размеров финансовых рисков (ст. 62 Закона о Банке России).

Установленная законодательством терминология банковского надзора служит устоявшимся оборотом речи, подобно валютному контролю. Однако не существует сомнений в том, что надзор в банковской сфере — лишь часть контрольно-надзорных полномочий мегарегулятора, диктующего широкий подход к императивам нормотворчества. Речь не идет о функционально ограниченном характере проверок и наблюдений Минфина России, ФНС России или ФТС России. Банк России есть особый субъект, с 2013 г. консолидирующий контрольно-надзорную деятельность в рамках нескольких финансовых рынков, выходящий далеко за пределы дефиниции банковской деятельности.

Действуя же в качестве особого публично-правового института управления банковской системой, Банк России не может требовать от кредитной организации выполнения чуждых ей функций, представления информации о клиентах вразрез текущему законодательству, нецелесообразного введения прямых или косвенных ограничений на проведение операций (ст. 58 Закона о Банке России). Это есть императивно установленные границы для осуществления контрольно-надзорной деятельности мегарегулятора.

Примеры текущего и последующего надзора — это не только проведение проверок кредитных организаций служащими Банка России или направление им предписаний об устранении нарушений (ст. 73 Закона о Банке России). Это не только применение по отношению к нарушителям упоминаемых нами выше мер административного принуждения. Например, главный банк первого уровня контролирует соблюдение правил оборота валюты или норм законодательства о защите прав потребителей, а также о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Наряду с Агентством по страхованию вкладов кредитор последней инстанции принимает участие в процедуре санации, предупреждая банкротство банков²⁴. В отдельных случаях приобретение лицом акций или долей кредитной организации требует уведомления или заведомого согласия мегарегулятора (ст. 61 Закона о Банке России).

Функции Банка России закреплены не только специальным банковским законодательством, и привести весь их перечень, дать всевозможные классификации не представляется возможным. Это допустимо делать по сфере осуществления полномочий, степени конкретизации, нормативному источнику закрепления. Например, исходя из бюджетного законодательства, эмиссионный банк реализует функцию правительственного генерального агента, обслуживая долговые обязательства державы²⁵. Для защиты своих интересов мегарегулятор может обращаться в суд с исковым заявлением (ст. 6 Закона о Банке России). Широкий функционал Банка России, ключевым ядром которого выступают его контрольно-надзорные полномочия в сфере финансовых рынков, отражает особый административно-правовой статус мегарегулятора как государственного органа управления банковской системой. Учитывая огромное количество социальных направлений его деятельности, остающийся, по существу, юридическим лицом Банк России служит показательным примером организации, наделенной государственными и иными публичными полномочиями в целях удовлетворения общественных интересов.

²⁴ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

²⁵ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 13.07.2024) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева Д. Г., Пыхтин С. В. Банковское право : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2010. — 929 с.
2. Волгин А. Р. О некоторых проблемах правового регулирования деятельности Центрального банка Российской Федерации // Правовой альманах. — 2023. — № 1 (23). — С. 14–19.
3. Ефимова Л. Г., Алексеева Д. Г. Банковское право : учебник для бакалавров. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2019. — 608 с.
4. Ефимова Л. Г. Банковское право. — М. : Статут, 2010. — Т. 1 : Банковская система Российской Федерации. — 404 с.
5. Ефимова Л. Г. Исторические предпосылки формирования науки банковского права в России // Юридическая наука в Китае и России. — 2018. — № 2. — С. 62–75.
6. Зубарев С. М. Система контроля в сфере государственного управления : монография. — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 152 с.
7. Исаев И. А. Государственный интерес как политическая формула власти: по пути Н. Макиавелли // История государства и права. — 2024. — № 10. — С. 2–7.
8. Казачкова З. М., Россинский Б. В. Центральный банк Российской Федерации как юридическое лицо публичного права // Вестник Российской правовой академии. — 2024. — № 2. — С. 76–87.
9. Карташов А. В. Функции Банка России на современном этапе развития финансового рынка // Евразийский юридический журнал. — 2021. — № 3 (154). — С. 228–231.
10. Мигачев Ю. И., Мигачев А. Ю., Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус организаций, наделенных государственными полномочиями : учеб. пособие. — М. : Проспект, 2021. — 128 с.
11. Пастушенко Е. Н. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории / под ред. Н. И. Химичевой. — Саратов : Изд. Саратовской государственной академии права, 2006. — 372 с.
12. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации : монография. — М. : Юрайт, 2017. — 438 с.
13. Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 11 (111). — С. 165–170.
14. Старостин С. А. Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть : учебник для магистров. — М. : Проспект, 2017. — 336 с.
15. Старостин С. А. Система и структура органов исполнительной власти Российской Федерации : учеб. пособие — М. : Проспект, 2021. — 176 с.
16. Хоменко Е. Г. Банковское право : учебник. — М. : Норма : Инфра-М, 2021. — 384 с.
17. Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права : монография. — М. : Норма, 2022. — 352 с.

REFERENCES

1. Alekseeva DG, Pykhtin SV. Banking Law. 2nd ed. Moscow: Yurait Publ.; 2010. (In Russ.).
2. Volgin AR. On some problems of legal regulation of the activities of the Central Bank of the Russian Federation. *Legal Almanac*. 2023;1(23):14-19. (In Russ.).
3. Efimova LG, Alekseeva DG. Banking Law. 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2019. (In Russ.).
4. Efimova LG. Banking Law. T. 1: Banking system of the Russian Federation. Moscow: Statut Publ.; 2010. (In Russ.).
5. Efimova LG. Historical prerequisites for the formation of the science of banking law in Russia. *Legal Science in China and Russia*. 2018;2:62-75. (In Russ.).
6. Zubarev SM. Control system in the field of public administration. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).

7. Isaev IA. Gosudarstvennyy interes kak politicheskaya formula vlasti: po puti N. Makiavelli [State interest as a political formula of power: along the path of N. Machiavelli]. *History of State and Law*. 2024;10:2-7. (In Russ.).
8. Kazachkova ZM, Rossinsky BV. Central Bank of the Russian Federation as a legal entity of public law. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2024;2:76-87. (In Russ.).
9. Kartashov AV. Functions of the Bank of Russia at the current stage of financial market development. *Eurasian Law Journal*. 2021;3(154):228-231. (In Russ.).
10. Migachev YuI, Migachev AYu, Shamrin MYu. Administrative and legal status of organizations endowed with state powers. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
11. Pastushenko EN. Legal acts of the Central Bank of the Russian Federation: financial and legal aspects of the theory. Khimichev (ed.). Saratov: Saratov State Academy of Law Publ.; 2006. (In Russ.).
12. Rozhdestvenskaya TE, Guznov AG. Public legal regulation of the financial market in the Russian Federation. Moscow: Yurayt Publ.; 2017. (In Russ.).
13. Rumyantseva VG. State interest: sovereign power by default. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;11(111):165-170. (In Russ.).
14. Starostin SA. Legal support of public administration and executive power. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).
15. Starostin SA. System and structure of executive authorities of the Russian Federation. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
16. Khomenko EG. Banking Law. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2021. (In Russ.).
17. Chirkin VE. Legal entity of public law. Moscow: Norma Publ.; 2022. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.050-060

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РОЛЬ УЧАСТНИКОВ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ФУНКЦИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСКА

Гавричков Станислав Васильевич,

адвокат, старший партнер адвокатского бюро Санкт-Петербурга «Главная буква»,
аспирант Института государства и права Российской академии наук
197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Чапаева ул., д. 25, лит. А
info@mainletter.ru

© Гавричков С. В., 2025

***Аннотация.** В статье рассмотрено процессуальное распределение ролей участников спора и иных лиц, чьи права и обязанности могут быть затронуты при реализации института обеспечения иска, в цивилистическом процессе. Проанализирована степень активности суда и лиц, участвующих в деле, при рассмотрении дела по существу и при принятии обеспечительных мер в соотношении с теориями построения гражданского и арбитражного процесса и степени поиска истины по делу. Сделаны выводы относительно правил оценки оснований для обеспечения иска в связанных обязательствах на примере банковских правоотношений. Обращено внимание на то, что задачи суда не ограничиваются разрешением спора, но и направлены на укрепление законности и предупреждение правонарушений. Для реализации указанных задач предложен механизм совершенствования процессуального законодательства по вопросам применения института обеспечения иска, частично изменяющий правила распределения полномочий участников процесса при обеспечении иска в таких случаях. Обоснованно, что такие изменения не входят в противоречие с современной состязательной моделью процесса ввиду публично-правовой природы соответствующих задач суда. Выявлено, что банки и иные кредитные организации могут при этом выполнять вспомогательную функцию.*

***Ключевые слова:** суд; истец; ответчик; обеспечительные меры; обеспечение иска; злоупотребление правом; банк; кредитные организации.*

THE PROCEDURAL ROLE OF PARTICIPANTS IN THE CIVIL PROCEDURE AND THE FUNCTION OF THE BANKING SYSTEM IN SECURING A CLAIM

Stanislav V. Gavrichkov,

Advocate, Senior Partner, «Glavnaya bukva» Law Firm; Postgraduate Student, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation
info@mainletter.ru

***Abstract.** The paper examines the procedural distribution of roles among the participants in a dispute and other individuals whose rights and obligations may be affected by the implementation of the institute of securing a claim in civil procedural law.*

The author analyzes the degree of activity of the court and the parties involved in the case when considering the merits of the case and when taking protective measures, in relation to the theories of civil and arbitrazh process construction and the degree of truth-seeking in the case. The author draws conclusions regarding the rules for assessing the grounds for securing a claim in related obligations, using banking legal relations as an example.

It is highlighted that the tasks of the court are not limited to resolving disputes but also aim to strengthen legality and prevent violations of the law. To achieve these objectives, the author proposes to introduce a mechanism for improving procedural legislation regulating application of the institute of securing a claim. This mechanism partially alters the rules for the distribution of powers among participants of court proceedings when a claim is secured. It is justified that these changes do not contradict the modern adversarial model of court proceedings due to the public law nature of the corresponding tasks of the court. It has been revealed that banks and other credit organizations can perform an auxiliary function in this context.

Keywords: court; plaintiff; defendant; interim measures; securing a claim; abuse of a right; bank; credit institutions.

ВВЕДЕНИЕ

Правильное определение правового статуса лиц, участвующих в деле, как указывает М. А. Викут, является одной из предпосылок успешного выполнения стоящих перед судом задач по осуществлению правосудия¹. И действительно, для успешного выполнения задач суда по отправлению правосудия необходимо корректно определить понятие и юридический статус сторон, а также верно решить процессуальные вопросы, связанные с их участием в гражданском процессе. Е. В. Васьковский отмечал, что несмотря на то, что процессуальные действия могут совершать не только судьи, но также и стороны, которым предоставлен широкий простор для распоряжения своими процессуальными правами, всё же господствующее положение принадлежит суду, который выступает представителем государственной власти, а сторонам надлежит возбудить деятельность суда и дать ему материал для постановления правильного решения². Суд является основным субъектом гражданских процессуальных правоотношений, который осуществляет правосудие на таких фундаментальных принципах, как состязательность и равноправие сторон. Сам факт наличия суда в правоотношении является признаком трансформации природы правоотношений из материальной в процессуальную³.

Согласно современной модели гражданского процесса, суд не занимается поиском истины, а только устанавливает факты по делу и анализирует представленные доказательства⁴. В свою очередь, процессуальный институт обеспечения иска контрастирует с тем, что суд по замыслу современного процесса, с одной стороны, не должен занимать активной позиции в вопросе наложения судебных ограничений на одну из сторон до разрешения дела по существу, а с другой стороны — суд обязан обеспечить исполнимость будущего судебного акта. На одной чаше весов мы имеем активные распорядительные действия суда по принятию обеспечительных мер, а на другой — базовые принципы процесса в виде состязательности и равноправия сторон.

¹ Викут М. А. Стороны — основные лица искового производства. Саратов, 1968. С. 3.

² Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса : Субъекты объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М. : Статут, 2016. С. 352.

³ Михайлова Е. В. Правовой статус сторон в гражданском процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 20.

⁴ Гражданское процессуальное право России (вводные положения и принципы) : учеб. пособие / В. Н. Барсукова, Т. В. Соловьева. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. С. 106.

На сегодняшний день банки и иные кредитные организации встроены в систему лиц, исполняющих требования, содержащиеся в судебных актах, а также в актах других органов и должностных лиц⁵. Помимо этого, банки и иные кредитные организации осуществляют контрольные функции по выявлению операций с денежными средствами или иным имуществом, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма, а также принимают меры, направленные на противодействие указанной деятельности⁶. В связи с этим в данной работе мы попытаемся выявить концептуальные подходы к обеспечению иска в соотношении с общими принципами современного цивилистического процесса; рассмотрим роль суда при обеспечении иска в связанных обязательствах на примере банковских правоотношений; предложим механизм совершенствования полномочий суда по обеспечению иска при выполнении задачи по укреплению законности и предупреждению правонарушений, а также рассмотрим каким образом антилегализационные функции банковской системы, фактически имеющие публично-правовую природу, могут быть использованы при обеспечении иска.

РОЛЬ СУДА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА ПО СУЩЕСТВУ И ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСКА

Для установления роли суда в вопросе принятия обеспечения по иску следует прежде всего определить его роль при рассмотрении дела по существу. В частности, роль суда в исторической ретроспективе ярко раскрывается в исследованиях, посвященных принципу установления объективной истины по делу, который является своеобразным индикатором степени активности суда в зависимости от модели цивилистического процесса. Так, в ст. 14 ГПК РСФСР⁷ было указано на то, что суд обязан, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон.

Принцип объективной истины имел фундаментальный характер в советском гражданском процессе, а поэтому он занимает значимое место в процессуальной доктрине. Тем не менее в научной литературе постсоветского периода стали высказываться точки зрения, согласно которым суд с учетом изменения модели процесса в сторону состязательности сторон является больше арбитром, а не лицом, которое должно установить объективную истину по делу⁸.

В действующих процессуальных кодексах установлено, что суд создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел (*ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, ч. 3 ст. 9 АПК РФ*). То есть роль суда описывается с упором на осуществление правосудия на основе состязательности сторон, что иллюстрирует отход от принципа объективной истины в пользу теории формальной истины, исходя из которой решение суда принимается на основе представленных доказательств и поведения участников процесса.

⁵ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Ст. 7 // Российская газета. № 223. 06.10.2007.

⁶ Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета. № 151–152. 09.08.2001.

⁷ Закон РСФСР от 11.06.1964 Об утверждении Гражданского процессуального кодекса РСФСР (вместе с Кодексом) // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 8. С. 175. 1988.

⁸ Ярков В. В. Предложения по концепции, структуре и содержанию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) // Путь к закону (исходные документы, пояснительные записки, материалы конференций, варианты проекта ГПК, новый ГПК РФ) / под ред. М. К. Треушников. М. : Городец, 2004. С. 23–24.

В научной литературе продолжают активные дискуссии относительно места принципа объективной истины в современном цивилистическом процессе⁹. Имеются как сторонники, так и противники наличия принципа объективной истины в современном процессе. Так, например, А. Т. Боннер приходит к заключению о том, что принцип объективной истины применяется и в рамках современного гражданского процесса, указывая на то, что состязательность судопроизводства в ее исконном и подлинном смысле слова является основным инструментом установления истины правосудия¹⁰. С этим мнением соглашались такие ученые, как В. В. Ярков¹¹, М. К. Треушников¹², Г. Л. Осокина¹³ и др.

Принцип объективной истины в некоторой степени раскрывается в цивилистическом процессе применительно к институту обеспечения иска, поскольку данный институт можно рассматривать в качестве одного из ключевых процессуальных инструментов, создающих предпосылки и условия для эффективного достижения задач гражданского и арбитражного судопроизводства. Следовательно, посредническая роль судьи при рассмотрении дела, по существу, в некоторой степени контрастирует с реализацией им властных полномочий при обеспечении иска. При этом распорядительные полномочия суда при принятии обеспечительных мер, которые выражаются в наложении судебных ограничений, до рассмотрения дела по существу, нельзя признать умаляющими такие принципы цивилистического процесса, как состязательность и равноправие сторон, поскольку, наряду с осуществлением правосудия, суду надлежит обеспечить исполнимость будущего судебного акта. Иначе цели правосудия не достигаются.

Степень активности судьи в цивилистическом процессе должна изменяться в зависимости от задач такого судопроизводства. Однако такая позиция в некоторой степени противоречит существующему правовому регулированию, поскольку для принятия обеспечительных мер в гражданском и арбитражном процессе суд должен располагать соответствующим заявлением лица, участвующего в деле. В этой связи применительно к институту обеспечения иска инициатива от суда смещается в пользу лиц, участвующих в деле. Так, в гражданском и арбитражном судопроизводстве обеспечительные меры принимаются по заявлению лиц, участвующих в деле, а в случаях, предусмотренных законом, и иных лиц¹⁴. Здесь стоит обратить внимание на историю этого вопроса. Так, ГПК РСФСР образца 1964 г.¹⁵, а также АПК РФ 1992 г.¹⁶ позволяли суду принять обеспечение по иску по собственной инициативе, однако с принятием последующих процессуальных кодексов данное положение было исключено, что более соответствует состязательной модели цивилистического процесса.

Гражданский процесс в отличие от административного в контексте принятия обеспечительных мер отталкивается от инициативы стороны, а не от усмотрения суда. В административном процессе суд в некоторых случаях вправе принять обеспечительные меры по своей инициативе (ч. 4 ст. 265.3, статья 306 КАС РФ). Указанное

⁹ Туманов Д. А. Нужен ли современному судопроизводству принцип объективной истины // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12. С. 28–40.

¹⁰ Боннер А. Т. Избранные труды : в 7 т. М. : Проспект, 2017. Т. 4 : Проблемы установления истины в гражданском процессе.

¹¹ Ярков В. В. Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А. Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 49–66.

¹² Треушников М. К. Судебные доказательства. М. : Городец, 2004. С. 6–8.

¹³ Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть : учебник. 3-е изд., перераб. М. : Норма, 2013. С. 137–140.

¹⁴ П. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Российская газета. № 123. 07.06.2023.

¹⁵ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 175.

¹⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (утв. ВС РФ 05.03.1992 № 2447-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16. Ст. 836.

отличие ярко отражает основные отличия цивилистического процесса, который строится на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности субъектов частного права от процесса административного, к которому относятся дела, возникающие из публичных правоотношений, основанных на неравенстве сторон.

При наличии заявления о принятии обеспечительных мер инициатива возвращается в пользу суда, который и реализует властные полномочия, исходя из наличия либо отсутствия оснований для обеспечения иска. При этом следует дополнительно обратить внимание на то, что в цивилистическом процессе вопрос принятия обеспечительных мер зависит не только от наличия у суда заявления о принятии обеспечительных мер, но и от наличия у лица, подписавшего такое заявление статуса лица, участвующего в деле. При отмене обеспечительных мер процессуальные права на подачу заявлений имеют и лица, не привлеченные к участию в деле, полагающие, что при принятии судом обеспечительных мер был разрешен вопрос об их правах, обязанностях и законных интересах.

В вопросе обеспечения иска в гражданском и арбитражном процессе правовое положение лица, участвующего в деле первоначально, наделяет такую сторону процессуальным правом на подачу заявления о принятии обеспечительных мер, которое в свою очередь, является процессуальным основанием для реализации судом своих властных полномочий по принятию обеспечительных мер.

Правильное определение круга лиц, участвующих в деле и их статуса в деле, является процессуальным фундаментом для обеспечения иска.

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПРАВОМОЧИЯ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА, ЗАЯВЛЯЮЩИХ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСКА В СВЯЗАННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ НА ПРИМЕРЕ БАНКОВСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Для исследования вопросов правового статуса и правомочий участников процесса, заявляющих об обеспечении иска в связанных обязательствах, возьмем для примера банковские правоотношения, поскольку такие обязательства используются в них наиболее часто.

В банковских правоотношениях применительно к вопросу определения правового положения лиц, участвующих в деле, при принятии обеспечительных мер, особый правовой интерес представляют споры, вытекающие из банковских гарантий и различного рода кредитных сделок со сложной системой обеспечительных сделок (поручительство, ипотека (залог) и т.п.).

Указанные категории споров объединяет множество лиц как на стороне истца, так и на стороне ответчика, что обуславливает наличие определенной специфики на этапе обеспечения иска. Итак, например, по спорам, вытекающим из банковских гарантий, в деле участвуют: гарант (банк); принципал, по просьбе которого выдана банковская гарантия; бенефициар, в пользу которого выдана банковская гарантия. По делам о взыскании с банка — гаранта суммы задолженности по банковской гарантии бенефициар выступает в качестве истца, а банк — гарант в качестве ответчика. При этом принципал привлекается в качестве третьего лица, поскольку в случае удовлетворения иска банк приобретает регрессное требование к принципалу.

Как неоднократно отмечал Верховный Суд РФ гарант не вправе отказать бенефициару в удовлетворении его требования об уплате денежной суммы по банковской гарантии, если приложенные к этому требованию документы по внешним признакам соответствуют условиям такой гарантии¹⁷. При таких обстоятельствах, принципалы,

¹⁷ П. 18 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2021 ; п. 9 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.06.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 11, ноябрь.

понимая, что в случае осуществления банком платежа в пользу бенефициара будут обязаны возместить банку финансовые потери в порядке регрессного требования, зачастую инициируют связанный спор и обращаются за судебной защитой, пытаясь оспаривать основания, по которым бенефициар предъявляет свое требование либо оспаривают само требование по банковской гарантии.

Сам факт инициирования подобного судебного разбирательства не является основанием для приостановления платежа по банковской гарантии, а поэтому принципал вынужден параллельно просить суд принять обеспечительные меры в виде запрета банку осуществлять платеж по банковской гарантии, одновременно ссылаясь на исполнение основного обязательства. Это означает, что по такому связанному спору принципал становится на место истца, бенефициар — на место ответчика, а банк — гарант привлекается в качестве третьего лица. При этом такая расстановка процессуального положения лиц, участвующих в деле, является надлежащей только в случае, если исковое требование сконструировано в виде оспаривания основного обязательства, обеспеченного банковской гарантией. Например, принципал оспаривает решение бенефициара расторгнуть государственный контракт, который обеспечен банковской гарантией.

Если же принципал, помимо оспаривания государственного контракта заявляет требование о запрете банку осуществлять платеж по банковской гарантии, то правовое положение лиц, участвующих в деле, снова меняется. В этой конструкции спора принципал остается истцом, а бенефициар и гарант в судебной практике зачастую указываются соответчиками. При таких данных правовой статус гаранта в качестве ответчика вызывает сомнения в своей обоснованности, поскольку к гаранту искового требования не заявлено. При этом требование о запрете банку осуществлять платеж по банковской гарантии нельзя признать самостоятельным искомым требованием, поскольку оно производно от требования в виде оспаривания государственного контракта и заявлено лишь с искусственной целью — принятия обеспечительных мер.

Следовательно, в таких спорах гаранта следует привлекать в качестве третьего лица, а не ответчика. Такое правовое положение гаранта не препятствует суду принять обеспечительные меры в виде запрета банку осуществлять платеж по банковской гарантии, поскольку процессуальное законодательство допускают принятие обеспечительной меры не только в отношении ответчика, но и в отношении других лиц (ст. 140 ГПК РФ, ст. 91 АПК РФ). В этой части, судам следует дать разъяснения о том, что при поступлении иска принципала по банковской гарантии с требованием, связанным с оспариванием основного обязательства и запретом гаранту осуществлять платеж по банковской гарантии, надлежит правильно определять правовое положение лиц, участвующих в деле, и привлекать к делу принципала в качестве ответчика, а гаранта — в качестве третьего лица, что не препятствует принятию обеспечительных мер в виде запрета банку осуществлять платеж по банковской гарантии¹⁸.

При принятии обеспечительных мер по спорам, вытекающим из кредитных соглашений, договоров поручительства, факторинга и т.п., в которых банк выступает в качестве истца, суд обязан учитывать финансовое положение должника — ответчика, размер долга, обеспеченность кредита (поручительство, залог), стоимость предмета ипотеки/залога и при неудовлетворительном соотношении долга со стоимостью имеющего обеспечения в совокупности с действиями ответчика, направленными на сокрытие имущества от обращения взыскания по законным требованиям кредитора — принимать обеспечительные меры.

До принятия обеспечительных мер суд должен установить надлежащий правовой статус каждого из лиц, участвующих в деле и не допустить необоснованного наложения судебных ограничений на одного или нескольких соответчиков, которые, например, по договору поручительства несут не солидарную, а субсидиарную

¹⁸ Гавричков С. В. Судебный запрет платежа по банковской гарантии как процессуальный способ вмешательства в гарантийные правоотношения // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 10 (167). С. 70–80.

ответственность и на данном этапе не должны отвечать по обязательствам заемщика либо вовсе не несут ответственности по договору поручительства в силу его прекращения либо наличия разного рода отлагательных и/или отменительных условий. В таких случаях, указанные лица не должны отвечать по иску и подвергаться судебным ограничениям в виде наложения на их имущество обеспечительных арестов, а поэтому в указанных случаях суд не только проверяет основания для принятия обеспечительных мер и дает предварительную оценку материально-правовому обязательству, являющемуся предметом спора.

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧИ СУДА ПО УКРЕПЛЕНИЮ ЗАКОННОСТИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Задачи суда в цивилистическом процессе не ограничиваются разрешением гражданских дел и экономических споров. Наряду с этим, задачами суда также являются укрепление законности и предупреждение правонарушений, что прямо следует из процессуального законодательства (ч. 3 ст. 2 АПК РФ, ст. 2 ГПК РФ).

За последние годы в судебной практике выявлены случаи обращения в суд недобросовестных участников гражданского оборота в целях легализации доходов, полученных в результате нарушения законодательства, в том числе обращение в суд при действительном отсутствии спора для получения исполнительных документов и вывода денежных средств за рубеж без соблюдения ограничений и правил, установленных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, валютным, налоговым и таможенным законодательством¹⁹.

Верховный Суд РФ рекомендовал судам проверять обстоятельства, касающиеся возможного обращения участников оборота к судебному порядку разрешения споров, привлекать к участию в деле в таких случаях органы прокуратуры, налоговые и таможенные органы, уполномоченный орган в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (Росфинмониторинг) в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, относительно предмета спора, а судам общей юрисдикции также для дачи заключения по делу, рассматриваемому в порядке гражданского судопроизводства. В частности, в судебной практике выявлены случаи обращения в суд с иском о взыскании задолженности по мнимым обязательствам в целях создания видимости реальности хозяйственных отношений и получения судебного решения; с заявлениями о выдаче судебных приказов с одновременным предоставлением доказательств о наличии задолженности, которые вызывают сомнения в своей достоверности; с заявлениями о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решения третейского суда при наличии обстоятельств, указывающих на искусственный характер создания спора.

Кроме того, имеются случаи подачи в разные суды аналогичных исков с участием тех же сторон с приложением однотипных договоров, имеющих признаки мнимости, а также предъявления в банки сфальсифицированных исполнительных документов о взыскании денежных средств. Следует признать, что тем самым механизм принудительного исполнения судебных актов используется сторонами таких искусственных споров для получения внешнего легального основания и придания правомерного вида доходам, полученным незаконным путем. При рассмотрении указанных дел судами неоднократно устанавливалось, что в отношении участников таких споров банками принимались меры, направленные на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и

¹⁹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 12, декабрь.

финансированию распространения оружия массового уничтожения, в том числе в части отказов в проведении операций, отказов в открытии счетов. Одновременно, в ряде случаев банки делали выводы о том, что истец осуществляет сомнительную финансово-хозяйственную деятельность, направленную на «транзит» и обналичивание денежных средств. Указанные факты в совокупности свидетельствуют о возможном нарушении публичных интересов, а поэтому Верховный Суд РФ также обратил внимание на то, что в таких случаях государственные органы вправе обратиться в суд с заявлением о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, а суду следует сообщать об этом в органы дознания или предварительного следствия, в том числе посредством вынесения частного определения.

В целях наиболее полного достижения задач судопроизводства, в таких случаях суды всех инстанций на любом этапе рассмотрения дела должны иметь возможность принять обеспечительные меры по своей инициативе без заявления со стороны государственного органа или иного лица. Такое предложение обосновывается тем, что при рассмотрении дела у суда могут возникнуть сомнения в реальности долговых обязательств, обусловленные запутанным или необычным характером сделок, не имеющих очевидного экономического смысла или законной цели. В результате суд, рассматривая дело, может самостоятельно выявить признаки использования судебной системы в целях легализации доходов, полученных в результате нарушения законодательства и неотложно принять обеспечительные меры, не дожидаясь поступления соответствующего заявления или позиции государственного органа. Помимо этого, даже при наличии у суда позиции Росфинмониторинга или иного государственного органа в ней может не содержаться просьбы о принятии обеспечительной меры, что создает риск несвоевременного реагирования на ситуацию и неисполнимости будущего решения. При этом банки и иные кредитные организации могут выполнять вспомогательную функцию по предоставлению суду сведений о применении в отношении участников споров антилегализационных мер, что в совокупности с признаками фиктивности долговых обязательств, выявленных судом, может являться основанием для принятия обеспечительных мер.

В случае, если судебный акт по такому делу уже вынесен, судам следует приостанавливать исполнение решения до вступления в законную силу судебного акта о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Если же дело всё еще рассматривается в первой инстанции судам следует рассматривать вопрос о принятии предварительных мер, в обеспечение исполнения будущих требований публично-правовой природы.

Методом оценки наличия обстоятельств для принятия обеспечительных мер в указанных случаях по инициативе суда может являться внутреннее убеждение суда в зависимости от конкретной ситуации по спору в совокупности со сведениями, полученными от банков и имеющимися в деле документами, что соотносится с современными подходами к доказыванию в цивилистическом процессе и дополняет объективные критерии доказанности²⁰.

Поскольку обеспечительные меры должны приниматься судами в том числе в целях предотвращения нарушения интересов третьих лиц и публичных интересов, высказанные предложения не вступают в противоречие с целями и основаниями их применения, а также с моделью современного состязательного процесса.

ВЫВОДЫ

Разработанность механизмов применения института обеспечения иска в правовой системе государства можно рассматривать в качестве индикатора степени развития процессуального права в части полного достижения целей правосудия

²⁰ *Альцев А. А. Внутреннее судебское убеждение и объективные критерии доказанности — неотъемлемые элементы одной системы? // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 9. С. 36–42 ; № 10. С. 31–36.*

по своевременному и эффективному восстановлению нарушенных прав и свобод лиц, обращающихся за судебной защитой. В этом контексте институт обеспечения иска является одним из ключевых процессуальных инструментов, направленных на выполнение указанных задач.

Правильное определение круга лиц, участвующих в деле, является процессуальным фундаментом для обеспечения иска, а поэтому при обеспечении иска суд должен установить надлежащий правовой статус каждого из лиц, участвующих в деле, и не допускать необоснованного наложения судебных ограничений на одного или нескольких соответчиков, которые, например, по договору поручительства несут солидарную, а субсидиарную ответственность и на данном этапе не должны отвечать по обязательствам заемщика либо вовсе не несут ответственности по договору поручительства в силу его прекращения либо наличия разного рода отлагательных и/или отменительных условий. В этих случаях, суд вправе поставить вопрос перед сторонами о привлечении указанных лиц к делу в качестве третьих лиц.

При принятии обеспечения по иску, предметом которого являются связанные обязательства, суд должен проверять не только основания для принятия обеспечительных мер, но и давать предварительную оценку положенному в основу спора материально-правовому обязательству, не предрешая выводы по существу спора.

По спорам, вытекающим из гарантийных отношений, например, при поступлении иска принципала по банковской гарантии с требованием, связанным с оспариванием основного обязательства и запретом гаранту осуществлять платеж по банковской гарантии, надлежит правильно определять правовое положение лиц, участвующих в деле, привлекая к делу принципала в качестве ответчика, а гаранта — в качестве третьего лица. При этом такое правовое положение лиц, участвующих в деле, не препятствует суду при наличии к тому оснований принять обеспечительные меры в виде запрета банку осуществлять платеж по банковской гарантии.

Посредническая роль суда при рассмотрении дела по существу контрастирует с реализацией им властных полномочий при обеспечении иска. Принцип объективной истины в некоторой степени раскрывается в цивилистическом процессе применительно к институту обеспечения иска, поскольку данный институт можно рассматривать в качестве одного из ключевых процессуальных инструментов, создающих предпосылки и условия для достижения задач судопроизводства, одной из которых является укрепление законности и предупреждение правонарушений, а поэтому степень активности суда в цивилистическом процессе должна изменяться в зависимости от задач такого судопроизводства.

В судебной практике отмечаются случаи обращения в суд недобросовестных участников гражданского оборота при наличии признаков искусственного создания спора, прикрывающего реальную волю сторон, в том числе согласованные действия сторон спора, направленные на использование судебной системы для получения исполнительных документов и вывода денежных средств за рубеж без соблюдения ограничений и правил, установленных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, валютным, налоговым и таможенным законодательством.

Концептуально, в таких случаях суд по своему внутреннему убеждению в рамках своих дискреционных полномочий должен иметь право применять обеспечительные меры по собственной инициативе, не дожидаясь поступления соответствующего заявления или позиции уполномоченного государственного органа. Одновременно, суд вправе запрашивать у банков и иных кредитных организаций сведения о применении в отношении участников споров антилегализационных мер, что обуславливает вспомогательную функцию банковской системы при обеспечении иска. В указанных случаях обеспечительные меры могут быть приняты в виде приостановления исполнения судебного решения, в случае, если оно вынесено, до вступления в законную силу судебного акта о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам либо при выявлении соответствующих признаков осуществления сторонами процесса незаконной деятельности в ходе рассмотрения дела в первой

инстанции — рассматривать вопрос о принятии предварительных мер в обеспечение исполнения будущих требований публично-правовой природы.

Предложенная концепция направлена не на изменение модели современного состязательного процесса, во многом строящегося на теории формальной истины, а на совершенствование инструментов эффективного достижения целей правосудия посредством института обеспечения иска, который применяется в том числе в целях предотвращения нарушения интересов третьих лиц и публичных интересов. В указанных случаях, состязательного процесса как такового уже не происходит, поскольку суд выполняет публично-правовые функции и тем самым укрепляет законность и восстанавливает публичные интересы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боннер А. Т. Избранные труды : в 7 т. Т. 4 : Проблемы установления истины в гражданском процессе. — М. : Проспект, 2017.
2. Вукот М. А. Стороны — основные лица искового производства. — Саратов, 1968. — С. 3.
3. Гавричков С. В. Судебный запрет платежа по банковской гарантии как процессуальный способ вмешательства в гарантийные правоотношения // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10 (167). — С. 70–80.
4. Гражданское процессуальное право России (вводные положения и принципы) : учеб. пособие / В. Н. Барсукова, Т. В. Соловьева. Саратов. Изд-во Сарат. ун-та. — 2012. — С. 106.
5. Туманов Д. А. Нужен ли современному судопроизводству принцип объективной истины // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 12. — С. 28–40.
6. Треушников М. К. Судебные доказательства. — М. : Городец, 2004. — С. 6–8.
7. Михайлова Е. В. Правовой статус сторон в гражданском процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2004.
8. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть : учебник. — 3-е изд., перераб. — М. : Норма, 2013. — С. 137–140.
9. Ярков В. В. Предложения по концепции, структуре и содержанию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) // Путь к закону (исходные документы, пояснительные записки, материалы конференций, варианты проекта ГПК, новый ГПК РФ) / под ред. М. К. Треушникова. — М. : Городец, 2004. — С. 23–24.
10. Ярков В. В. Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А. Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. — 2022. — № 4. — С. 49–66.
11. Яльцев А. А. Внутреннее судебное убеждение и объективные критерии доказанности — неотъемлемые элементы одной системы? // Арбитражный и гражданский процесс. — 2020. — № 9. — С. 36–42 ; № 10. — С. 31–36.

REFERENCES

1. Bonner AT. Selected Works: in 7 volumes. Vol. IV: Problems of Establishing Truth in Civil Proceedings. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).
2. Vikut MA. Parties are the Main Persons in Claim Proceedings. Saratov; 1968. (In Russ.).
3. Gavrichkov SV. The Injunction to Pay under a Bank Guarantee as a Procedural Means of Interference in Guarantee Legal Relations. *Aktual'nye problem rossijskogo prava*. 2024;19(10):70-80. (In Russ.).
4. Barsukova VN, Solovyova TV. Civil Procedural Law of Russia (Introductory Provisions and Principles). Saratov: Saratov University Press, 2012. (In Russ.).
5. Tumanov DA. Does Modern Judicial Proceedings Need the Principle of Objective Truth? *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;12:28-40. (In Russ.).
6. Treushnikov MK. Judicial Evidence. Moscow: Gorodets publ.; 2004. (In Russ.).

7. Mikhaylova EV. Legal Status of the Parties in the Civil Procedure of the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Diss. Samara; 2004. (In Russ.).
8. Osokina GL. Civil Procedure. General Part. 3rd ed. Moscow: Norma Publ.; 2013. (In Russ.).
9. Yarkov VV. Proposals on the Concept, Structure, and Content of the Civil Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF). In: Treushnikov MK (ed.). The Path to the Law (Draft Documents, Explanatory Notes, Conference Proceedings, Draft Versions of the CPC, New CPC RF. Moscow: Gorodets Publ.; 2004. (In Russ.).
10. Yarkov VV. The Role of the Court in Establishing the Facts of the Case through the Prism of Professor A. T. Bonner's Research. *Herald of Civil Procedure*. 2022;4:49-66. (In Russ.).
11. Yaltsov AA. Internal Judicial Conviction and Objective Criteria of Proof — Inseparable Elements of One System? *Arbitration and Civil Procedure*. 2020;9:36-42; 2020;10:31-36. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.061-065

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ ПОСЛЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ПЕРЕВОРОТА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Гордеев Александр Геннадьевич,

доцент кафедры истории государства и права Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат исторических
наук

125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

lex.ag@mail.ru

© Гордеев А. Г., 2025

Аннотация. Статья посвящена исследованию правоприменительной практики в сфере земского самоуправления в Сибири после свержения советской власти весной 1918 г. В условиях политической нестабильности и гражданской войны новое правительство предприняло меры по восстановлению органов местного самоуправления на основе действующего законодательства. Анализируются усилия по восстановлению губернских, уездных и городских комиссариатов, а также изменения в составе и функционировании земских управ и городских дум, обусловленные нормативными правовыми актами того периода. Особое внимание уделено проблемам финансового обеспечения земского самоуправления, включая предоставление краткосрочных кредитов и введение дополнительных налоговых сборов, что вызвало правовые споры и негативную реакцию в регионах. Рассматривается перераспределение полномочий между центральными и местными органами власти, в частности передача деятельности органов городского самоуправления в ведение губернских комиссариатов и введение новых норм избирательного законодательства. Статья также рассматривает реакцию общественности и правовые механизмы, используемые местными органами для обжалования решений центральной власти. Обсуждается роль земских и городских дум в реализации государственных программ и их контроль со стороны центральных органов для предотвращения бюрократизации и авторитарных тенденций. В заключение делается вывод о том, что правоприменительная практика в сфере земского самоуправления в данный период характеризовалась строгим контролем со стороны центральных органов власти и ограничением автономии местных структур. Эти меры, предпринятые в рамках публично-правового регулирования, были направлены на поддержание правопорядка и эффективное государственное управление в условиях политической нестабильности и финансового кризиса.

Ключевые слова: правоприменительная практика; земское самоуправление; антибольшевистский переворот; местное самоуправление; избирательное законодательство; губернские комиссариаты; финансовое обеспечение земств; централизация власти; политическая нестабильность.

LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF ZEMSTVO SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA AFTER THE ANTI-BOLSHEVIK UPRISINGS IN WESTERN SIBERIA

Aleksander G. Gordeev,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

lex.ag@mail.ru

Abstract. *The paper is dedicated to the study of law enforcement practices in the sphere of zemstvo self-government in Siberia after the overthrow of the Soviet government in the spring of 1918. In the context of political instability and civil war, the new government took measures to restore local self-government bodies based on effective legislation. The paper analyzes the efforts to restore provincial, district, and city commissariats and changes in the composition and functioning of zemstvo administrations and city dumas that were affected by the regulatory legal acts of that period. Particular attention is paid to the problems of financial support for zemstvo self-government, including the provision of short-term loans and the introduction of additional tax charges, which led to legal disputes and negative reactions in the regions. The author also examines the redistribution of powers between central and local authorities. Special attention is paid specifically to the transfer of the activities of city self-government bodies to the jurisdiction of provincial commissariats and the introduction of new norms in electoral legislation. The paper elucidates the public's reaction and the legal mechanisms used by local authorities to appeal to the decisions of central authorities. The role of zemstvo and city dumas in the implementation of state programs and their oversight by central bodies to prevent bureaucratization and authoritarian tendencies is discussed. In conclusion, it is noted that the law enforcement practice in the sphere of zemstvo self-government during this period was characterized by strict control from central authorities and limitations on the autonomy of local authorities. These measures, undertaken within the framework of public law regulation, were aimed at maintaining law and order and effective state governance amid political instability and financial crisis.*

Keywords: *law enforcement, zemstvo self-government, anti-Bolshevik uprising, local self-government, electoral legislation, provincial commissariats, financial support for zemstvos, centralization of power, political instability.*

После антисоветского переворота весной 1918 г. в Западной Сибири перед новым правительством встала задача восстановления органов местного самоуправления в соответствии с действующим законодательством. Вопрос о возрождении земских и городских структур органов местного самоуправления приобрел особую значимость в условиях политической нестабильности и разгорающейся Гражданской войны¹. В рамках правоприменительной практики предпринимались меры по восстановлению губернских, уездных и городских комиссариатов, чьей основной функцией было либо восстановление ранее избранных выборных органов самоуправления, либо организация новых выборов на основе законов Временного правительства².

В 1918 г. в составе и деятельности земских управ и городских дум произошли значительные изменения, обусловленные правовыми актами нового правительства. Были проведены проверки и переаттестации служащих этих органов, в результате которых подозреваемые в сочувствии большевикам и левым эсерам,

¹ Немчинова Т. А. Белое движение в Сибири: к теме власти в документальных публикациях 1990-х — нулевых годов // Власть. 2023. № 3. С. 313.

² Никитин А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение : монография. М. : Нац. ин-т бизнеса, 2004. С. 34.

квалифицированные как участники «антигосударственных партий», были отстранены от участия в местных органах власти. Данные действия имели юридическое основание в соответствующих постановлениях и указывали на стремление правительства стабилизировать политическую ситуацию посредством правового регулирования состава органов местного самоуправления³.

Одной из ключевых проблем земского самоуправления стал острый дефицит финансовых средств, необходимый для выполнения возложенных на них публично-правовых функций. В ответ на официальные обращения земских управ правительство предоставляло им краткосрочные кредиты в порядке, установленном законодательством, для поддержания их деятельности. Дополнительно вводились новые налоговые сборы, в том числе и вне рамок существующего налогового законодательства, что стало одной из мер по решению финансовых проблем, но одновременно вызывало правовые вопросы относительно законности таких действий⁴.

12 июня 1918 г. Временное Сибирское правительство издало постановление, согласно которому деятельность органов городского самоуправления была передана в ведение губернских комиссариатов⁵. Это нормативное правовое решение свидетельствовало о перераспределении полномочий от уездных комиссаров к губернским органам, отражая тенденцию к централизации управления и усилению контроля со стороны центральных властей над местными органами⁶. В целях правового регулирования и усиления контроля над деятельностью земских управ правительство установило новые нормы избирательного законодательства. Были введены возрастной ценз, мажоритарная система выборов и ценз оседлости. Внесены изменения в избирательное законодательство с целью устранения нарушений, связанных с предыдущими выборами, и обеспечения соответствия выборных процедур принципам законности и легитимности. Эти меры направлялись на укрепление политической стабильности и обеспечение участия в органах местного самоуправления граждан, соответствующих установленным правовым требованиям⁷.

Легитимность органов местного самоуправления, избранных после революции 1917 г., была поставлена под сомнение и признана недействительной на основании соответствующих правовых актов⁸. Для организации новых выборов местные органы должны были подавать ходатайства в Министерство внутренних дел⁹. До проведения выборов власть в городах временно передавалась земским управам или особым комитетам, действующим под контролем комиссариатов, что соответствовало принципам временного государственного управления и правовой преемственности. В 1918 г. проводилась активная правотворческая деятельность по изменению законодательства о выборах в органы местного самоуправления. Предлагались и внедрялись меры по увеличению возрастного ценза, введению мажоритарной избирательной системы и ценза оседлости. Эти законодательные изменения были направлены на укрепление политической стабильности в условиях гражданской войны и обеспечение правового порядка в выборных процессах. Финансовая поддержка земских управ оставалась актуальным вопросом в сфере публично-правовых отношений. Из-за нехватки средств, поступающих от центральной власти, местные органы были вынуждены вводить дополнительные налоги, что вызывало негативную реакцию и правовые споры в некоторых регионах. Для поддержания деятельности органов

³ Никитин А. Н. Указ. соч. С. 38.

⁴ Никитин А. Н. Указ. соч. С. 38.

⁵ Луков Е. В. Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по истории гражданской войны в Сибири, конец мая — начало ноября 1918 г. : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.09. Томск, 1999. С. 79.

⁶ Кайда О. А. Системы документации органов власти и управления Белой Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 98.

⁷ Луков Е. В. Указ. соч. С. 79.

⁸ Луков Е. В. Указ. соч. С. 83.

⁹ Никитин А. Н. Указ. соч. С. 39.

самоуправления правительство предоставляло им краткосрочные кредиты, регулируемые соответствующими нормативными актами. Эта финансовая помощь была необходима для осуществления возложенных на них публично-правовых функций, но также подчеркивала сложности в межбюджетных отношениях между центральной и местными властями¹⁰.

Правительство в рамках соеив правотворческой деятельности было вынуждено считаться с мнением земств. Земства в Сибири были в основной своей массе эсеро-меньшевистскими и стояли в некоей степени в оппозиции к правительству. Например, Томская земская управа официально протестовала против некоторых решений центральной власти. При этом использовался имеющийся правовой инструментарий для официальных жалоб, а также использовались как земские, так и партийные газеты¹¹. Временное Сибирское правительство в своих постановлениях всячески подчеркивало свою преемственность от Временного правительства, что вело к необходимости выстраивать свою правотворческую деятельность в соответствии с «февральскими» принципами. Земские и городские думы были призваны обеспечивать реализацию программ правительства и содействовать самоорганизации местного населения в рамках действующего законодательства. Однако они также контролировались центральной властью для предотвращения бюрократизации и усиления авторитарных тенденций, что соответствовало принципам разделения властей и контроля над исполнительными органами со стороны государства.

Правительство продолжало оказывать финансовую поддержку земствам в форме краткосрочных кредитов для выполнения их публично-правовых обязанностей. Например, в сентябре 1918 г. были выделены кредиты в размере 4,5 млн руб. в ответ на официальные ходатайства земских управ. Такие финансовые меры регулировались соответствующими нормативными правовыми актами и отражали государственную политику в сфере межбюджетных отношений¹².

Изменения в избирательном законодательстве, включая введение ценза оседлости, мажоритарной системы и возрастного ценза для голосования в органы местного самоуправления, свидетельствовали о попытках правительства усилить правовой контроль за деятельностью земских органов и ограничить влияние нежелательных элементов. Эти правовые новеллы были направлены на совершенствование избирательной системы и обеспечение законности и прозрачности выборных процессов.

Законодательство антибольшевистских правительств в Сибири в сфере земского самоуправления в период весны-лета 1918 г. можно охарактеризовать как строгое. Выстраивался механизм контроля центральными органами власти за действиями на местах, параллельно ограничивая спектр возможной самостоятельности земств. Правительство создало целый спектр различных нормативных правовых актов, способствующих укреплению вертикали государственной власти в условиях политической нестабильности и финансового кризиса. Подход Временного Сибирского правительства был компетентным, в той мере в какой мог, учитывая стремление сохранить преемственность в правотворчестве от Временного правительства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кайда О. А.* Системы документации органов власти и управления Белой Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 363. — С. 95–98.
2. *Луков Е. В.* Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по истории гражданской войны в Сибири, конец мая — начало ноября 1918 г.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.09. — Томск, 1999. — 224 с.

¹⁰ *Луков Е. В.* Указ. соч. С. 92.

¹¹ *Никитин А. Н.* Указ. соч. С. 43.

¹² *Луков Е. В.* Указ. соч. С. 92.

3. Немчинова Т. А. Белое движение в Сибири: к теме власти в документальных публикациях 1990-х — нулевых годов // Власть. — 2023. — № 3. — С. 310–316.
4. Никитин А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение: Нац. ин-т бизнеса. — М. : Нац. ин-т бизнеса, 2004. — 334 с.

REFERENCES

1. Kayda OA. Documentation systems of the authorities and administration of White Siberia during the Civil War (1918–1920). *Proceedings of Tomsk State University*. 2012;363:95 -98. (In Russ.).
2. Lukov EV. Legislative acts of the West Siberian Commissariat and the Provisional Siberian Government as a source on the history of the civil war in Siberia, late May — early November 1918. Cand. Sci. (History). Tomsk, 1999. (In Russ.).
3. Nemchinova TA. The White Movement in Siberia: The Issue of Power in Documentary Publications of the 1990s — 2000s. *Vlast'*. 2023;3:310 -316. (In Russ.).
4. Nikitin AN. Statehood of «White» Russia: Formation, Evolution, Collapse. Moscow: National Institute of Business; 2004. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.066-071

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Гаврилин Александр Евгеньевич,

аспирант конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
gavrilin.msal@gmail.com

© Гаврилин А. Е., 2025

***Аннотация.** В рамках анализа теоретических подходов к пониманию концепции устойчивого развития, ее отражения в актах международного и национального права, а также доктринальных подходов к механизмам ее реализации, автором приводится позиция о текущем и целевом состоянии российского законодательства, регулирующего отношения в сфере устойчивого развития. С учетом универсально признанного и закрепленного подхода к пониманию Концепции устойчивого развития, как основывающейся на взаимосвязи социального, экономического и экологического аспектов, автором предлагается рассматривать культурный прогресс и методы общественного управления в качестве непоименованных аспектов устойчивого развития. На основе выработанных в доктрине подходов к пониманию правового обеспечения устойчивого развития и научного понимания термина «правовой механизм» автором указывается классификация политико-правовых механизмов реализации устойчивого развития. По результатам анализа совокупности актов, регулирующих отношения в сфере устойчивого развития, автор приходит к выводу об отсутствии как в международно-правовых актах, так и в отечественном законодательстве единого терминологического фундамента. Автором акцентируется внимание на том, что закрепленные в постреформенной Конституции РФ ценности устойчивого развития формируют собой достаточный ценностный базис для реализации государственной политики в указанной сфере, вместе с этим существующая система национального законодательства не содержит эффективных механизмов реализации целей устойчивого развития. Ввиду осуществляемой в настоящее время деятельности законодателя, направленной на закрепление взаимосвязанной системы критериев в сфере реализации бизнесом целей устойчивого развития и контроля за их достижением автором отмечаются положительные тенденции в национальном регулировании вопросов устойчивого развития.*

Ключевые слова: устойчивое развитие; цели устойчивого развития; правовое обеспечение устойчивого развития; правовые механизмы; механизмы реализации устойчивого развития; основы конституционного строя; конституционные принципы; критерии проектов устойчивого развития; стандарт отчетности об устойчивом развитии; ESG-стандарты.

TOPICAL ISSUES OF LAW ENFORCEMENT OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT: CONSTITUTIONAL LAW ANALYSIS

Aleksander E. Gavrilin,

Postgraduate Student, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow
State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

gavrilin.msal@gmail.com

Abstract. *Within the framework of analyzing theoretical approaches to understanding the concept of sustainable development, its reflection in international and national legal acts, as well as doctrinal approaches to the mechanisms of its implementation, the author presents a position on the current and target state of Russian legislation regulating relations in the field of sustainable development. Taking into account the universally recognized and established approach to understanding the Concept of Sustainable Development as based on the interconnection of social, economic, and environmental aspects, the author proposes to consider cultural progress and methods of public management as unnamed aspects of sustainable development. Based on the approaches developed in the doctrine to understanding the legal support of sustainable development and the scientific understanding of the term «legal mechanism», the author provides a classification of political and legal mechanisms for implementing sustainable development. Following the analysis of the set of acts regulating relations in the field of sustainable development, the author concludes that there is no unified terminological foundation in either international legal acts or domestic legislation. The author emphasizes that the values of sustainable development enshrined in the post-reform Constitution of the Russian Federation form a sufficient value basis for the implementation of state policy in this area, while the existing system of national legislation lacks effective mechanisms for achieving the goals of sustainable development. In light of the current legislative activity aimed at establishing an interconnected system of criteria in the field of business implementation of sustainable development goals and monitoring their achievement, the author notes positive trends in national regulation of sustainable development issues.*

Keywords: *sustainable development, legal mechanisms, mechanisms for implementing sustainable development, foundations of the constitutional system, constitutional principles, criteria for sustainable development projects, sustainable development reporting standard, ESG standards*

Устойчивое развитие — процесс экономических и социальных изменений, при котором природные ресурсы, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений.

Парадигмальную основу концепции составляет триединство социального прогресса, экономического прогресса и экологического равновесия. Стык первых двух из названных столпов образуют «честный мир», характеризующийся занятостью населения и высоким уровнем квалификации кадров, стык второго и третьего образуют «изобильный мир», характеризующийся появлением экологически чистых продуктов, стремлением компаний к переходу к безотходному производству (в том числе посредством механизмов принуждения), стык первого и третьего образуют «обитаемый (пригодный для жизни) мир», обусловленный высоким уровнем здравоохранения и разумным потреблением. Необходимо отметить усилия отечественных и зарубежных ученых, направленные на выявление и определение аспектов устойчивого развития, оставшихся непоименованными в международных документах, но критически важных для достижения целей устойчивого развития. На наш взгляд, к

таковым стóбит, среди прочего, отнести культурный прогресс и методы общественного управления.

Единая реализация мер по достижению социального, экономического и экологического благополучия образует то самое устойчивое развитие, ключевой задачей которого является укрепление потенциала для реализации потребностей и устремлений будущих поколений. Данная ценность нашла отражение в тексте пострепорформенной Конституции РФ. Так, часть 2 ст. в качестве ценности провозглашается сохранение преемственности в развитии Российского государства. Необходимо отметить, что отдельные аспекты устойчивого развития находят свое отражение и в российском национальном законодательстве в актах органов власти всех уровней, а в зарубежной доктрине устойчивое развитие предлагается рассматривать не просто как опорную идею концепции, но как правовой принцип¹. Вместе с этим до настоящего времени системное и всеобъемлющее определение термина «устойчивое развитие» в правовых документах международных институтов не установлено. Учитывая, что вопросы устойчивого развития лишь с недавних пор находятся в фокусе внимания национального законодателя, в национальных документах Российской Федерации понятие устойчивого развития также не отражено, а предпринятые отечественными исследователями — правоведами попытки сформулировать содержание данного термина требуют осмысления и оценки.

В сегодняшних реалиях концепция устойчивого развития многоаспектна и представляет собой как научное явление, так и практическую область, требующую реальных мер воздействия на окружающий мир в его материальном и нематериальном проявлении, а ее эффективная реализация требует своего правового обеспечения посредством внедрения специализированных политико-правовых механизмов. Е. Н. Абанина и Е. А. Сухова определяют правовое обеспечение устойчивого развития как составной элемент правовой системы, который включает в себя нормы из разных отраслей, регулирующих общественные отношения, связанные с соблюдением прав человека, охраной окружающей среды². Внедрение ценностей устойчивого развития требует выработки и применения соответствующих правовых механизмов воздействия на релевантные общественные отношения. Иными словами, именно правовые механизмы в первую очередь выступают средством реализации провозглашенных целей устойчивого развития.

В своем общенаучном понимании термин «правовой механизм» рассматривается как система процессов, средств и факторов с внутренней структурой и взаимосвязями, образующих основу какого-либо явления³.

В юридической науке политико-правовые механизмы устойчивого развития понимаются в узком и широком смысле.

1. В узком смысле: включают нормативные акты, устанавливающие цели, задачи, требования и ответственность за невыполнение норм. В этом контексте правовое обеспечение трактуется как результат правотворческой деятельности.

2. В широком смысле: охватывает не только нормотворчество, но и правоприменение и правоохранительную деятельность, являющимися важными механизмами реализации и контроля правовых норм.

Основное значение политико-правовых механизмов устойчивого развития заключается в предоставлении необходимых правовых средств для реализации

¹ *Ellis J.* Sustainable Development as a Legal Principle: A Rhetorical Analysis // SSRN Electronic Journal. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1319360> (дата обращения: 20.03.2025).

² *Абанина Е. Н., Сухова Е. А.* Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития. М. : Юстицинформ, 2022.

³ *Пономарев М. В.* Правовой механизм экологического аудита // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 106–110 ; *Гончаров В. В., Певтуев И. И.* О некоторых вопросах конституционно-правового механизма реализации гражданами Российской Федерации права на альтернативную гражданскую службу // Юридический мир. 2010. № 7. С. 45–49 ; *Селюков А. Д.* Финансово-правовые механизмы государственного управления // Финансовое право. 2010. № 7. С. 2–5.

этой концепции, при этом правоприменение фактически осуществляется через правовые акты, отражающие практическое применение норм права. Анализируя различные теоретические подходы, разумно обратить внимание на практическое применение нормотворческой и правоприменительной деятельности. За последние 40 лет концепция устойчивого развития получила поддержку в международных и представлена в значительном количестве деклараций, резолюций, программ действий и кодексов поведения.

Тематика устойчивого развития прямо или косвенно затрагивает более 300 международно-правовых актов. Упоминания об устойчивом развитии имеются в 112 многосторонних договорах, которые нацелены на коллективные усилия стран. Изучение данных документов показывает, что устойчивое развитие чаще всего рассматривается как цель, к которой стремятся стороны договоров, иногда с указанием на меры, которые необходимо принять. Однако формулировки нередко бывают расплывчатыми и неопределенными, с использованием условного наклонения.

Наличие единого контура ведения политики, основанного на учете признанных на международном уровне начал концепции устойчивого развития, демонстрирует наличие консенсуса в международном сообществе, однако присущая им расплывчатость целей устойчивого развития и механизмов их достижения указывает на необходимость выработки конкретных формулировок для эффективного правоприменения в сфере устойчивого развития. Аналогично международно-правовой практике тема устойчивого развития также не находит должного системного и единообразного закрепления в отечественном законодательстве.

В национальной доктрине наряду с Конституцией РФ в качестве факторов, способствующих устойчивому развитию государства и общества, выделяются взаимное доверие государства и общества⁴, а также создание и закрепление логичной и взаимообусловленной системы механизмов и инструментов реализации Конституции РФ. В. В. Комарова отмечает, что в системе национального законодательства цели устойчивого развития фактически реализуются, создаются разрозненные механизмы достижения устойчивого развития различных территорий и объектов на федеральном уровне и в субъектах федерации, территорий муниципальных образований в отсутствие закрепленного официального определения термина «устойчивое развитие»⁵. В качестве одного из фундаментальных механизмов фактической реализации политики сопряженной с ценностями устойчивого развития автор указывает Преамбулу Конституции РФ, в которой закреплена приверженность обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, что, как отмечает ученый, фактически составляет генеральный план устойчивого развития. В доктрине отмечается, что Конституция РФ уже в дореформенном виде содержала юридические гарантии для устойчивого развития страны. По мнению В. Е. Чиркина, таковые были созданы в связи с закреплением в Конституции РФ основ конституционного строя⁶.

В совокупности со ст. 75.1 Конституции РФ, включенной поправкой 2020 г. и закрепившей отдельные принципы концепции устойчивого развития: создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, действующая Конституция в действительности содержит необходимый базис для заложения в федеральных нормативных актах легального определения устойчивого развития и общих принципов реализации политики в данной сфере. Сегодня данный фундамент не создан, а актуальные подходы законодателя к пониманию

⁴ Комарова В. В. Конституционно-правовая доктрина «Доверие» в научной школе российского конституционализма // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 6. С. 29–38.

⁵ Комарова В. В. Устойчивое развитие в конституционно-правовом ракурсе // Теория государства и права. 2022. № 1 (26). С. 101–117.

⁶ Чиркин В. Е. Основы конституционного строя как фактор устойчивого развития России // Russian Journal of Economics and Law. 2015. № 1 (33). С. 114–118.

устойчивого развития, нашедшие свое отражение в федеральных законах⁷, а также иных актах⁸, преимущественно обличены в положения декларативного характера, что препятствует к созданию условий для эффективной реализации целей устойчивого развития. Стоит отметить и позитивные тенденции в указанной сфере. Так, постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации», устанавливающее исчисляемые целевые показатели зеленых, адаптационных и социальных проектов, реализуемых хозяйственными обществами. В сентябре 2024 г. для общественного обсуждения был размещен разработанный Минэкономразвития России проект постановления Правительства РФ⁹, определяющий стандарт отчетности об устойчивом развитии, рекомендуемый к применению участниками экономических отношений, в том числе хозяйственными обществами, реализующими вышеназванные проекты. В случае утверждения данного акта, в совокупности с положениями постановления Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 он будет образовывать действующий механизм реализации установленных законодателем конкретных отраслевых целей, направленных на достижение ЦУР, устанавливая меры контроля за достижением закрепленных критериев. Несмотря на то что механизм ориентирован на бизнес, то есть фактически затрагивает ESG-компонент устойчивого развития (экологической и социальной ответственности корпораций), его успешное внедрение позволит создать предпосылки для создания аналогичных механизмов для иных сфер общественных отношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абанина Е. Н.* Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития / Е. Н. Абанина, Е. А. Сухова. — М. : Юстицинформ, 2022. — 222 с.
2. *Гончаров В. В., Пештеев И. И.* О некоторых вопросах конституционно-правового механизма реализации гражданами Российской Федерации права на альтернативную гражданскую службу // *Юридический мир.* — 2010. — № 7. — С. 45–49.
3. *Комарова В. В.* Устойчивое развитие в конституционно-правовом ракурсе // *Теория государства и права.* — 2022. — № 1 (26). — С. 101–117.
4. *Комарова В. В.* Конституционно-правовая доктрина «Доверие» в научной школе российского конституционализма // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).* — 2022. — № 6. — С. 29–38.
5. *Пономарев М. В.* Правовой механизм экологического аудита // *Журнал российского права.* — 2010. — № 8. — С. 106–110.
6. *Селюков А. Д.* Финансово-правовые механизмы государственного управления // *Финансовое право.* — 2010. — № 7. — С. 2–5.
7. *Чиркин В. Е.* Основы конституционного строя как фактор устойчивого развития России // *Russian Journal of Economics and Law.* — 2015. — № 1 (33). — С. 114–118.
8. *Ellis J.* Sustainable Development as a Legal Principle: A Rhetorical Analysis // *SSRN Electronic Journal.* — URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1319360> (дата обращения: 20.03.2025).

⁷ П. 3 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 2005. № 1. Ст. 16.

⁸ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

⁹ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=150788> (дата обращения: 20.03.2025).

REFERENCES

1. Abanina EN. Legal Support for Environmental Safety in the Russian Federation: Current State and Development Prospects. Moscow: Justitsinform Publ.; 2022. (In Russ.).
2. Goncharov VV, Peftiev II. O nekotorykh voprosakh konstitutsionno-pravovogo mekhanizma realizatsii grazhdanami Rossiyskoy Federatsii prava na alternativnuyu grazhdanskuyu sluzhbu [On Certain Issues of the Constitutional and Legal Mechanism for the Implementation by Citizens of the Russian Federation of the Right to Alternative Civil Service]. *Juridicheskij mir*. 2010;7:45-49. (In Russ.).
3. Komarova VV. Sustainable development in the constitutional and legal perspective. *Theory of the State and Law*. 2022;1(26):101-117.
4. Komarova VV. The Constitutional and Legal Doctrine of «Trust» in the Scientific School of Russian Constitutionalism. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;(6):29-38. (In Russ.).
5. Ponomarev MV. Legal Mechanism of Environmental Audit. *Journal of Russian Law*. 2010;8:106-110. (In Russ.).
6. Selyukov AD. Finansovo-pravovye mekhanizmy gosudarstvennogo upravleniya [Financial and Legal Mechanisms of State Governance]. *Finansovoe pravo [Financial Law]*. 2010;7:2-5. (In Russ.).
7. Chirkin VE. Foundations of Constitutional System as a Factor of Russia's Sustainable Development. *Russian Journal of Economics and Law*. 2015;1(33):114-118. (In Russ.).
8. Ellis J. Sustainable Development as a Legal Principle: A Rhetorical Analysis. *SSRN Electronic Journal*. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1319360> [Accessed 20.03.2025]. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.072-078

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Зайцева Юлия Валерьевна,

аспирант кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

yuliya_zaytseva_2013@mail.ru

© Зайцева Ю. В., 2025

***Аннотация.** Статья посвящена вопросу развития государственной политики духовно-нравственного воспитания в Российской Федерации и ее влияния на формирование идеологии государства. Постоянные изменения, происходящие в различных сферах международных и внутригосударственных отношениях, способствуют преобразованию общества, переустройству и образованию новых идеалов и ценностей и в некоторых случаях являются причиной разобщенности внутри общества. Государственная политика в сфере духовно-нравственного воспитания должна способствовать укреплению моральных и нравственных устоев общества. С ее помощью должно формироваться крепкое гражданское общество, деятельность которого будет направлена на сохранение культурного наследия. Вместе с этим, в условиях существования многонационального государства, где разные народы имеют свою историю и свои традиции, духовно-нравственное воспитание должно способствовать не только укреплению единства общества, но и сохранению исторических и культурных особенностей всех народов. Во многом морально-нравственные идеалы общества формируются в зависимости именно от исторического, политического и культурного развития страны и общества. А потому и современная законодательная база должна формироваться на основе существующих тенденций в социально-культурной сфере. Исследование современных вызовов и проблем является наиболее ценным для правового исследования. Благодаря ему становится возможно развитие правового регулирования и обеспечение соответствия правовой системы актуальным потребностям общества. И только после формирования основ правового регулирования возможно осуществление мероприятий, направленных на реализацию государственной политики.*

Ключевые слова: история государства и права России; юриспруденция; государство; право; образовательная деятельность; духовно-нравственное воспитание; идеология.

RUSSIAN STATE POLICY IN THE FIELD OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION

Yuliya V. Zaytseva,

Postgraduate Student, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

yuliya_zaytseva_2013@mail.ru

Abstract. *The paper elucidates the development of state policy on spiritual and moral education in the Russian Federation and its influence on the formation of the state ideology. Constant changes taking place in various spheres of international and national relations contribute to the transformation of society, restructuring and formation of new ideals and values, and in some cases, they lead to dissension in the society. State policy in the field of spiritual and moral education should contribute to strengthening the moral and ethical foundations of society. It should help form a strong civil society whose activities are aimed at preserving cultural heritage. At the same time, in the context of a multinational state where different peoples have their own history and traditions, spiritual and moral education should not only strengthen the unity of society but also preserve the historical and cultural characteristics of all peoples. Largely, the moral and ethical ideals of society are shaped by the historical, political, and cultural development of the country and society. Therefore, the modern legislative framework should be formed based on the existing trends in the socio-cultural sphere. The study of contemporary challenges and problems is most valuable for legal research. Thus, it becomes possible to develop legal regulation and ensure that the legal system meets the current needs of society. Measures aimed at implementing state policy can be implemented only after the foundations of legal regulation are formed.*

Keywords: *history of state and law in Russia, jurisprudence, state, law, educational activities, spiritual and moral education, ideology.*

На разных этапах развития государства существовали разные подходы и точки зрения относительно вопроса о необходимости формирования идеологии государства. В период существования СССР продвигалась марксистско-ленинская идеология. После его распада Россия решила отойти от идеи идеологического единства, закрепив в Конституции 1993 г. идеологическое многообразие. По новой Конституции никакая идеология не может быть признана обязательной или устанавливаться в качестве государственной. В настоящее время положения Конституции остаются действующими, однако всё чаще ученые и исследователи стали отмечать необходимость формирования единой для государства идеологии. Идеология выделяется учеными как одна основополагающих функций, которая является крайне важной для стабильного и успешного развития государства. Благодаря ей осуществляется выработка социальных и моральных принципов общества, происходит объединение разных групп людей в единое целое, что позволяет эффективно реализовывать ключевые задачи государства. Отмечается, что «общегосударственная идеология должна стать фактором функционирования государственно-правовой системы Российской Федерации, основой внутренней и внешней политики государства, обеспечивать прогрессивное общественное и государственное развитие страны»¹.

Общегосударственную идеологию можно представить в качестве компаса, который должен указывать направление общественного развития. Главное назначение компаса — определить местоположение путника и указать на определенную сторону света. Сам компас работает за счет магнитного поля Земли, и считается весьма

¹ Проблемы истории, методологии и теории юридической науки : монография / отв. ред. А. В. Корнев. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 271.

точным инструментом. Идеология точно так же обозначает местоположение человека, но только с точки зрения определенной идеи или представления. Выбирая ту или иную идеологическую основу государство определяет направление, в котором общество внутри него должно двигаться. Без ориентира человеку очень сложно понять, куда ему следует идти. Когда без ориентира существует целое государство, то велика вероятность не просто заблудиться, а развалиться изнутри. Ведь без единого ориентира разные государственные и общественные институты будут развиваться каждый в своей парадигме. В связи с этим намного сложнее представляется слаженная и координированная работа, что может привести к гораздо более медленному развитию государства и общества, если даже не его развала.

Современные условия, в которых происходит развитие и функционирование России, способствуют тому, что всё большее внимание со стороны как научного сообщества, так и государства уделяется формированию единой политики в отношении идеологии страны. Происходит это через формулирование основополагающих ценностей государства, таких как демократия, приоритет прав и свобод человека, гуманизм и др. В принятой в 2021 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации выделяется ряд национальных интересов, защита которых является приоритетным направлением деятельности страны. К ним также относятся интересы, которые направлены на формирование нравственно-ценностных ориентиров в обществе, их поддержку и развитие. В Стратегии отмечается, что «российские духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности, талант народа лежат в основе государственности и являются фундаментом для дальнейшего развития страны»². Их особенность заключается в том, что эти ценности не являются чем-то материальным, ценным в денежном смысле слова. Однако они формируют в человеке особое отношение к миру и обществу, объединяет и направляет.

В 2022 г. был издан указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором, помимо прочего, давалось определение традиционным ценностям. Согласно указу, традиционными ценностями являются «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство»³. Формирование определенных духовно-нравственных ценностей является инструментом, необходимым для сплочения общества, создания единства внутри государства, поэтому его сохранение и развитие является одним из ключевых направлений государственной политики Российской Федерации.

Возникает закономерный вопрос, каким образом можно достичь поставленных целей. Все возможные варианты без их перечисления можно поделить на две категории — те, которые могут работать здесь и сейчас, и те, которые могут принести результаты в долгосрочной перспективе. Зачастую именно второй категории способов присущ долговременный эффект. Однако именно эти способы являются наиболее трудоемкими и энергозатратными. Воспитание и образовательная деятельность являются одним из таких способов реализации политики по сохранению и укреплению духовно-нравственных ценностей. Данный способ является одним из наиболее результативных, поскольку процесс воспитания протекает на протяжении всей жизни человека, начиная с его рождения. Воспитание и обучение позволяет сформировать ценностные основы в человеке еще на этапе еще развития как личности. Ведь изменять уже сформированную личность со своими идеалами и своим мировоззрением намного сложнее, тем более в масштабах целой страны.

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

³ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

Передача опыта, накопленного прошлыми поколениями, позволяет увидеть картину мира с разных сторон, расширяет мировоззрение человека, объясняя существующие законы мира, будь то научные или общественные. Образование, в свою очередь, можно назвать составляющей частью воспитательного процесса, которая «заключает в себе систему научных и культурных ценностей, накопленных предшествующими поколениями»⁴. В России постоянно проводятся мероприятия, направленные на реализацию государственной политики в сфере духовно-нравственного воспитания. В настоящее время в России разрабатывается и приводится в исполнение множество проектов, направленных на развитие молодежи и создания условий для целостной передачи знаний, опыта и традиций новым поколениям. Одним из таких проектов является федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование». Он был запущен в 2021 г., его основными целями стали воспитание патриотизма, развитие гражданской активности, укрепление национальной идентичности и поддержка молодежных инициатив. Одним из направлений этого проекта стало внедрение в образовательные программы школ и университетов специальных курсов и учебных предметов. В рамках данного проекта осуществляют деятельности не только учебные заведения, но и другие организации. Например, Федеральное агентство по делам молодежи, в рамках которого реализуется проект Роспатриотцентр, координирующий и развивающий государственную политику в сфере патриотического воспитания. Е. А. Беликова, руководитель данного проекта, так оценивает его деятельность: «воспитывая молодежь на уважении к культурным ценностям, к нашей истории, мы воспитываем поколение, которое объединится вокруг единой цели — процветания великой страны»⁵.

Летом 2023 г. в Казани прошел первый Международный форум министров образования «Формируя будущее». Форум стал одним из наиболее масштабных мероприятий, посвященных развитию образовательной деятельности. В нем приняли участие 31 иностранная делегация и более 100 гостей являлись представителями других стран. На открытии Форума выступил президент Российской Федерации В. В. Путин, который обозначит наиболее основные цели мероприятия, подчеркнув ценность международного сотрудничества в данной сфере. Помимо прочего, он также выделил, что государства в наше время должны концентрироваться не только на развитии условий для эффективной передачи знаний, но и «прививали молодому поколению ценности, основанные на традициях и культуре своих стран и народов»⁶. Форум стал первым шагом для создания условий для успешного международного сотрудничества, по итогам которого получили развитие отношения России со странами Азии, Африки и Южной Америки.

Особенность образования проявляется в том, что оно начинает оказывать влияние на человека уже в раннем возрасте. Более того, именно основное общее образование является, согласно действующей Конституции Российской Федерации, обязательным, и государство имеет в этом процессе большое значение. Основы организации образовательного процесса в школе являются наиболее строго регулируемые с точки зрения права. В настоящее время учет возраста в процессе обучения и организации образовательной деятельности вообще имеют не только теоретическую, доктринальную поддержку, но и законодательную. Однако учет возраста в вопросе

⁴ Шкатулла В. И. Образовательное право России : учебник для вузов. М. : Юстицинформ, 2015. С. 575.

⁵ Открытие молодежных центров // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/73793> (дата обращения: 20.03.2025).

⁶ Президент России обратился к участникам Международного форума министров образования «Формируя будущее» // Официальный сайт Министерства просвещения РФ. URL: <https://edu.gov.ru/press/7134/prezident-Rossii-obratilsya-k-uchastnikam-mezhdunarodnogo-foruma-ministrov-obrazovaniya-formiruya-budushee/> (дата обращения: 20.03.2025).

духовно-нравственного воспитания сейчас рассматривается только с доктринальной точки зрения. Отмечается важность выявления и принятия во внимание особенностей возрастного развития, а также нормативное регулирование образовательной деятельности в данном вопросе, поскольку именно такой подход «позволяет разработать методику воспитания ценностных оснований личности на определенных возрастных этапах с учетом объективных закономерностей переоценки ценностей личности»⁷.

Ведущую роль в процессе формирования и развития духовно-нравственных ценностей играют семья и учебные учреждения. И если деятельность семьи в данном вопросе не имеет строгой правовой регламентации, то деятельность образовательных организаций регулируют различные правовые документы. Одним из главных нормативных правовых актов, регулирующих образовательную деятельность, является федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Этот закон закрепляет основные принципы государственной политики и правового регулирования в сфере образования. Он также устанавливает основы формирования образовательного процесса «в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями»⁸. Помимо основного закона существуют также указы и ГОСТы, которые определяют особенности в организации и регулировании на разных уровнях образования. Они формируют законодательную базу в сфере регулирования образовательной деятельности с учетом действующей образовательной политики.

Особую роль играет и влияние окружающих, в частности педагогов, на воспитательный и образовательный процессы. Именно они оказывают наибольшее влияние на обучающегося, являясь образцом, тем ориентиром, на который опирается ученик. В современном мире духовно-нравственное воспитание не является отдельной дисциплиной, которая могла бы преподаваться в школах и университетах. Это неотъемлемый компонент всего процесса образовательной деятельности. Воспитание и определение ценностных ориентиров происходит за счет изучения истории и других наук об обществе, анализа литературных произведений, взаимодействия с другими общающимися и преподавателями. Вместе с тем крайне важно, чтобы качественная работа проводилась не только так называемыми «исполнителями» в лице преподавателей, но и теми, кто осуществляется регулирование такой деятельности. В настоящее время на государственном уровне существуют нормы, касающиеся духовно-нравственного воспитания, однако они представляют собой лишь общие положения. Более детально происходит регулирование на локальном уровне. Например, для формирования стандарта того, какими должны быть преподаватели и обучающиеся университетов, создаются кодексы этики. Они необходимы в первую очередь для обеспечения порядка и для формирования модели поведения, которая основывается на высоких профессиональных стандартах и нравственных ценностях.

Так, основываясь на утвержденном самой организацией этическим кодексе осуществляет свою деятельность Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Данный кодекс имеет значение для создания здоровой и эффективной образовательной среды, а также для «укрепления и развития духовно-нравственных основ учебно-педагогической, научной, воспитательной и организационной деятельности Университета»⁹. Кодекс устанавливает общие для всех правила поведения, такие как соблюдение общей культуры поведения

⁷ Яковлев С. В. Аксиологические основы воспитания нравственной культуры личности в системе высшего образования : монография. М. : Инфра-М, 2024. С. 21.

⁸ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

⁹ Этический кодекс преподавателей, работников и обучающихся федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» // Официальный сайт Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). URL: <https://msal.ru/upload/iblock/2c7/vedhatzani8l68dtohto8wj44bzmfigu.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).

или вежливости. Помимо этого, он устанавливает отдельные правила для разных категорий людей, а именно для работников, преподавателей и обучающихся. Такое разделение обусловлено в первую очередь различием в социальных ролях. Преподаватель является так называемым «поставщиком знаний» для обучающихся, он тот, кто передает информацию людям. Во многом в зависимости от того, как и какую именно информацию он передаст ученикам и студентам, будет определяться их дальнейшее мировоззрение. Именно поэтому кодексом предусматривается обязанность преподавателя не навязывать свои взгляды обучающимся, воспитывать в них положительные качества, такие как инициативность, добросовестность, честность и др. Подобный подход используется и по отношению к обучающимся и работникам. Таким образом, кодекс помогает создать в университете такие условия образовательной среды, которые бы не только способствовали гармоничному учебному процессу, но и воспитывали участников этого процесса.

Изменения, которые происходят в обществе из-за социального и технического развития, требуют постоянного мониторинга в вопросе их влияния по процесс образовательной деятельности. Так, введение нового дистанционного формата обучения выявило ряд проблем. Дистанционное обучение не позволяет в полной мере взаимодействовать преподавателю и обучающемуся, что влечет за собой ухудшение качества получаемых знаний. Духовно-нравственное воспитание также страдает, отмечается, что «только живое общение может научить человека быть гражданином своей страны, воспринять национальные традиции и ценности»¹⁰. Крайне сложно объяснять и прививать ценностные ориентиры, когда контакт происходит лишь посредством цифровых технологий. Еще в 2021 г., когда цифровизации образовательной деятельности только получила все масштабное развитие, бывшим директором Департамента международного сотрудничества и связей с общественностью Министерства просвещения Российской Федерации С. П. Шатуновым указывалось на необходимость соблюдения баланса и учета специфики учебного процесса: «цифра не заменит живого общения учителя и ученика, но должна стать инструментом, который позволит им быть современными людьми»¹¹.

Одним из наиболее сложных вызовов в настоящее время в вопросе формирования идеологических основ является поддержание баланса между развитием государственной политики сохранения и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей и уважением плюрализма в обществе. В условиях сосуществования в одном государстве многочисленных народов со своими культурными особенностями, традициями, религией и пр. задача сохранения баланса встает наиболее остро. Что для одного народа может являться нормой, для другого может интерпретироваться в совершенно другом свете. Необходимо учитывать эти аспекты, при формировании государственной политики. Вместе с этим не следует допускать, чтобы формируемые идеи становились формальными. Политика развития и регулирования духовно-нравственного воспитания должна формироваться с учетом не только целей государства, но и потребностей и особенностей самого общества.

Проведение юридических исследований и формирование правовых основ в сфере духовно-нравственного воспитания должны получить большее развитие. В настоящее время данному вопросу уделяется большее внимание со стороны педагогических и психологических наук. Также они отмечают, что «сегодня актуализируется проблема становления нравственной, духовно-творческой личности, а ее развитие становится важнейшей стратегией образования Будущего»¹². Право, в свою очередь,

¹⁰ Скворцова Е. Е. Интерпретация показателей цифровизации российской системы общего образования // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 2. С. 107.

¹¹ На Международной конференции EdCrunch-2021 обсудили использование цифровых инструментов в образовании // Официальный сайт Министерства просвещения РФ. URL: <https://edu.gov.ru/press/4476/na-mezhdunarodnoy-konferencii-edcrunch-2021-obsudili-ispolzovanie-cifrovyyh-instrumentov-v-obrazovanii/> (дата обращения: 20.03.2025).

¹² Чернявский А. Г. История образования и педагогической мысли : монография : в 2 т. М. : Инфра-М, 2023. Т. 2 : Теория. С. 199.

является динамичным инструментом регулирования государственных и общественных отношений. Для эффективного управления необходимо создание такой правовой базы, которая бы могла отвечать всем изменениям в обществе, экономике и политике с учетом постоянного развития технологий и социальных стандартов. При этом формируемые правовые основы в сфере духовно-нравственного воспитания не должны создавать строгие рамки в поведении человека, они должны направлять, создавать вектор развития, не мешая процессу развития общественной мысли.

Формирование идеологических основ государства — это сложный процесс, который реализуется благодаря множеству факторов. Духовно-нравственное воспитание является лишь одним из них. Тем не менее оно значимо, поскольку оно способствует цельному формированию и росту личности. Ценности, которые воспитываются в человеке с детства, позволяют упорядочить и объединить людей, сформировать единое общество. Идеологическое единство государства во многом зависит от того, каким образом люди внутри этого государства смотрят на мир. Намного сложнее это сделать внутри многонационального государства, где разные народы имеют свою историю и свои культурные различия. Однако некоторые духовно-нравственные основы, такие как гуманизм, сохранение мира, приоритет прав и свобод человека и пр., являются приоритетными практически у всех народов мира. Необходимо учитывать этот аспект при формировании нынешней образовательной политики, касающейся духовно-нравственного воспитания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Проблемы истории, методологии и теории юридической науки : монография / отв. ред. А. В. Корнев. — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 528 с.
2. Сковцова Е. Е. Интерпретация показателей цифровизации российской системы общего образования // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 102–113.
3. Чернявский А. Г. История образования и педагогической мысли : монография : в 2 т. Т. 2 : Теория. — М. : Инфра-М, 2023. — 243 с.
4. Шкатулла В. И. Образовательное право России : учебник для вузов. — М. : Юстицинформ, 2015. — 774 с.
5. Яковлев С. В. Аксиологические основы воспитания нравственной культуры личности в системе общего образования : монография. — М. : Инфра-М, 2024. — 137 с.

REFERENCES

1. Kornev AV (ed.). Problems of history, methodology, and theory of legal science. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
2. Skvortsova EE. Interpretation of indicators of digitalization in the Russian general education system. *Narodonaselenie*. 2023;26(2):102-113. (In Russ.).
3. Chernyavsky AG. History of education and pedagogical thought. In 2 vols. Vol. 2. Theory. Moscow: Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
4. Shkatulla VI. Educational law in Russia. Moscow: Justitsinform Publ.; 2015. (In Russ.).
5. Yakovlev SV. Axiological foundations of nurturing moral culture of the individual in the general education system. Moscow: Infra-M Publ.; 2024. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.079-086

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ (28–23 ГГ. ДО Н. Э.)

Усов Дмитрий Андреевич,

преподаватель кафедры истории государства и права Московского
государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических наук
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
usovda1996@gmail.com

© Усов Д. А., 2025

Аннотация. Статья посвящена проблеме юридического оформления власти римского императора и ее отражения в восприятии современников. Оказавшись на вершине могущества после окончательной победы над Антонием и Клеопатрой в 30 г. до н. э., Октавиан должен был выработать правовое основание своего исключительного положения в римском государстве. Общественное мнение, в первую очередь позиция старой римской аристократии (нобилитета), не позволило ему принять ни триумвирских, ни диктаторских, ни царских полномочий. Поэтому политик избрал путь постепенного сосредоточения в своих руках традиционных республиканских институтов, из которых в конечном счете и сложился самобытный институт императорской власти Древнего Рима. К 23 г. до н. э. главные юридические контуры института императора были очерчены: в его основе оказались власть народного трибуна (*tribunicia potestas*) и высший проконсульский империй (*imperiū proconsulare maius*). В качестве источника власти Августа, предпочитавшего называть себя принцепсом («первым среди равных»), был обозначен гражданский коллектив, ярким выражением чего стало сохранение законодательной власти за народными собраниями (комициями). Однако исследование позволило предположить, что, несмотря на все юридические ухищрения принцепса, многие римляне всё же воспринимали его как полновластного царя, обладавшего законодательной и «моральной» властью, которая происходила не от гражданского общества, но из божественной санкции. Вполне вероятно, что подобные коллективные представления послужили дополнительным, если не ключевым, фактором дальнейшего усиления «монархического» компонента в развитии системы принципата при последующих императорах.

Ключевые слова: Древний Рим; Римская империя; принципат Августа; принцепс; император; царь; античная поэзия; Вергилий; Овидий; политический подтекст.

LEGAL FORMALIZATION OF IMPERIAL AUTHORITY IN ANCIENT ROME (28–23 B.C.)

Dmitriy A. Usov,

Cand. Sci. (History), Lecturer, Department of History of the state and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

usovda1996@gmail.com

***Abstract.** The paper is devoted to the issue of the legal formalization of the Roman emperor's power and its reflection in the perception of contemporaries. Having risen to the pinnacle of power after the final victory over Antony and Cleopatra in 30 B.C., Octavian had to develop a legal justification for his exceptional position in the Roman state. Public opinion, particularly the stance of the old Roman aristocracy (the nobility), prevented him from assuming triumviral, dictatorial, or royal powers. Therefore, the politician chose the path of gradual concentration of traditional republican institutions in his hands, which ultimately formed the unique institution of imperial authority in Ancient Rome. By 23 B.C., the main legal contours of the emperor's institution had been determined: it was based on the power of the tribune of the people (tribunicia potestas) and the supreme proconsular imperium (imperium proconsulare maius). The source of Augustus's power, who preferred to call himself princeps («first among equals»), was designated as the civic collective, vividly expressed in the preservation of legislative authority by the popular assemblies (comitia). However, the study suggests that, despite all the legal intricacies of the princeps, many Romans still perceived him as an absolute monarch, possessing legislative and «moral» authority that stemmed not from civil society but from divine sanction. It is quite likely that such collective representations served as an additional, if not key, factor in the further strengthening of the «monarchical» element in the development of the principate system under subsequent emperors.*

Keywords: Ancient Rome, Roman Empire, Augustan Principate, princeps, emperor, king, ancient poetry, Virgil, Ovid, political subtext.

История Римской республики закончилась в 31 г. до н. э., когда Гай Октавиан, молодой наследник Юлия Цезаря, разгромил объединенные силы Антония и Клеопатры у мыса Акций. Уже в следующем году он победоносно вошел в Александрию, сделав Египет своими личными владениями во главе с назначаемым им префектом. С этого времени вряд ли у кого-то оставались сомнения в том, что отныне Октавиан — полновластный хозяин во всей Римской державе. Однако перед победителем стояла непростая задача. Его фактическое положение не имело под собой никаких правовых оснований¹, и чтобы не повторить судьбу Цезаря, он должен был выработать четкую юридическую формулу своей власти, он должен был оформить и легитимизировать новый для Рима институт императора². Диктатура была дискредитирована правлениями Суллы и Цезаря, так что на эту роль она не годилась, к тому же в 40-х гг. до н. э. ее упразднил Антоний. Возобновление чрезвычайных триумвирских полномочий с попыткой их нормализации тоже едва ли могло быть воспринято с энтузиазмом, ведь с ними, как и с диктатурой Суллы, были связаны многие несправедливости периода гражданских войн — конфискации земель, насилие, террор, — от которых Октавиану следовало дистанцироваться. Также не выглядело удачным решением принятие царской власти, поскольку

¹ Срок действия его триумвирских полномочий, судя по всему, завершился еще в 33 г. до н. э., а занимаемого им в 30 г. до н. э. консулата было явно недостаточно для единовластного правления.

² В эпоху Поздней Республики императорами называли не носителей высшей власти в государстве, но победоносных военачальников.

для многих римлян, в особенности для нобилитета, ее учреждение означало бы установление тирании. Поэтому Октавиан избрал путь «восстановленной республики» (*res publica restituta*)³: новая единоличная власть должна была основываться на старых республиканских институтах, ценностях и традициях. Обратившись к трудам Вергилия и Овидия, попробуем ответить на вопрос, удалось ли все-таки Августу, продержавшемуся у власти более 40 лет, убедить сограждан в нецарской природе собственной власти.

В историографии вот уже более ста лет нет конца дискуссиям о политической сущности созданной Октавианом системы принципата⁴. Долгое время существовал своего рода консенсус: Август считался безусловным монархом, сперва — образцовым, позже — коварным и двуличным; если правители средневековой Европы смотрели на него как на образец для подражания, то мыслители эпохи Просвещения оценивали его как эгоистичного узурпатора, который под видом республики положил начало неограниченной деспотической власти. Начало по-настоящему научного изучения этой проблемы — и последовавших за этим научных дискуссий — положил Т. Моммзен, который, сосредоточив свое внимание на правовых сторонах оформления принципата, предложил «теорию диархии». Согласно этой теории, император, сконцентрировав в своих руках трибунскую власть и проконсульский империй, выступал не монархом, но чрезвычайным магистратом, который, хотел он того или нет, был вынужден делить управление Римской империей с сенатом. Ответом на такое прочтение стало появление множества работ, условно объединяемых понятием «теория фасада», по своему духу они довольно близки воззрениям просветителей. Авторы таких исследований, как правило, сосредотачиваются на «реальной политике» и неформальных аспектах власти императора⁵, доказывая ее монархическую природу, пусть и с внешними («фасадными»), а значит, несущественными, чертами республиканской формы правления. Другой взгляд, который иногда называют, опять же условно, «теорией конституционности», напротив, отводит важную роль республиканской составляющей режима Августа, выступавшей, как утверждается, не «декоративным антуражем», но принципиальным ограничителем власти принцепса, конечным истоком которой до самого завершения истории Ранней Римской империи считался коллектив граждан, а не какие-либо династические основания и тем более не какая-либо божественная воля⁶.

Действительно, если взглянуть на правовую сторону вопроса, а также на формы репрезентации нового режима, на стиль публичного поведения принцепса, на то, как происходила его коммуникация с гражданами⁷, система не кажется такой уж монархической, ведь не всякий режим единоличного правления — это непременно монархия. В 28 г. до н. э. Октавиан отменил чрезвычайные постановления триумвиров, что сопровождалось передачей законодательной власти комициям (народным собраниям). По этому поводу был выпущен аурей (золотая монета) со следующей

³ Под республикой (*res publica*) здесь понимается не форма правления, но имеется в виду то самое общее значение, которое вкладывали в это понятие сами римляне, — «общее/публичное дело», подразумевавшее приоритет общественных интересов над частными.

⁴ Подробный разбор этой историографии см.: *Межеричкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 61–122; *Егоров А. Б.* Рим: от республики к империи. СПб.: Наука, 2017. С. 97–105.

⁵ Классическая работа такого рода: *Premierstein A. von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München: Verl. d. Bayer. Akad. d. Wiss., 1937.

⁶ На этом основании положение римского императора эпохи Принципата иногда сравнивают с положением президента современного демократического государства; см., например: *Махлаюк А. В.* Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // *Античный полис: курс лекций / отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков.* М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 201.

⁷ *Махлаюк А. В.* Указ. соч. С. 196, 200.

легендой на реверсе: LEGES ET IVRA P R RESTITVIT⁸ («законы и права римского народа восстановил» / «законы и права римскому народу вернул»⁹). На этом же реверсе мы видим изображение самого Октавиана без каких-либо намеков на царский или божественный статус. Представлен он в традиционном для республики образе восседающего на курульном кресле магистрата, правой рукой он протягивает свиток, который, по всей видимости, должен был олицетворять либо *leges* и *iura*, либо конкретный эдикт, объявлявший об их возвращении народу. Восстановление законов, в свою очередь, должно было означать возвращение политической свободы (*libertas*)¹⁰, а также служить недвусмысленным указанием на нетиранический характер управления государством¹¹. Вместе с этим Октавиан произвел чистку сената и составил новый список его членов, поставив себя в нем на первое место, тем самым заняв место принцепса сената («первого среди равных») и получив неформальное право первого голоса на его собраниях.

В 27 г. до н. э. Октавиан (вероятно, неожиданно для многих) попытался отказаться от власти и уйти в частную жизнь, однако по «приказу» сенаторов, искреннему или инсценированному, он, вынужденно или желанно, всё же остался во главе государства. Продолжая занимать должность консула, он вместе с тем принял проконсульские полномочия по управлению некоторыми провинциями, прежде всего теми, в которых находились римские легионы (остальные, мирные провинции переходили под управление сената), тем самым император официально возглавил римскую армию. Именно с этого времени Октавиан стал именоваться Августом.

Отказ от власти с последующим ее принятием станет важным ритуалом легитимации верховного положения в государстве — *recusatio imperii*, — к которому будут обращаться очень многие римские правители. Семантика такого ритуала достаточно проста: могущество императора основано не на его прихоти, оно исходит не из его собственного желания, не из божественного повеления, но из воли сената и римского народа, а значит, носителем государственного суверенитета остается коллектив римских граждан (*civitas*). Сам Август написал по этому поводу в своих «Деяниях» следующее: «республику из своей власти я вверил решению сената и римского народа» (...*rem publicam ex mea potestate in senatus populique Romani arbitrium transtuli* — *RGDA*. 34. 1). С тех пор, по его же словам, он превосходил всех исключительно своим авторитетом, но не властью (*Post id tempus auctoritate omnibus praestiti, potestatis autem nihilo amplius habui quam ceteri qui mihi quoque in magistratu conlegae fuerunt* — *RGDA*. 34. 3). Следуя этой же логике, Август в дальнейшем не раз отказывался от предлагавшихся ему особых полномочий, в частности не принял он ни диктатуры, ни «надзора за нравами», ни права издавать законы от собственного имени¹².

⁸ Подробнее: *Rich J. W., Williams J. H. C. Leges et Iura P. R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B. C.* // *Numismatic Chronicle*. 1999. Vol. 159. P. 176–178, 180–183.

⁹ Перевод зависит от того, как мы расшифровываем «P R». Если это «*populi romani*», то есть несогласованное определение к *leges et iura*, выраженное родительным падежом (*genetivus*), тогда переводим «римского народа»; если же это «*populo romano*», то есть косвенное дополнение в дательном падеже (*dativus*), тогда — «римскому народу». На основной смысл предложения наш выбор принципиально не влияет.

¹⁰ *Rich J. W., Williams J. H. C. Op. cit.* P. 185–186 (особ. п. 57).

¹¹ *Arena V. Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic.* Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 69, 167, 244–245 ; *Cowan E. Hopes and Aspirations: Res Publica, Leges et Iura, and Alternatives at Rome* // *Alternative Augustan Age* / ed. by K. Morrell, J. Osgood, K. Welch. Oxford : Oxford University Press, 2019. P. 32–36.

¹² Империя Августа 43 г. до н. э. — 69 г. н. э. // *Кембриджская история древнего мира*. Т. 10, в двух томах, первый том / под ред. А.-К. Боумэна, Э. Чэмплина, Э. Линтотта; пер. с англ., подготов. текста, предисл., прим. О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. М. : Ладомир, 2018. С. 114–119.

Конечно, вряд ли высокое положение Августа основывалась только на его авторитете. В 23 г. до н. э. он получил новые формальные полномочия, чем в общих чертах завершилось правовое оформление института императорской власти. В этом году под давлением так называемой «республиканской оппозиции» принцепс был вынужден отказаться от консулата в пользу традиционно претендующих на эту позицию римских аристократов, вместо этого он принял власть народного трибуна (*tribunicia potestas*), а его проконсульский империй был преобразован в высший (*imperium proconsulare maius*). О вручении ему в 19 г. до н. э. еще и пожизненной консульской власти сообщает только Дион Кассий, и у ученых есть все основания сомневаться в истинности этих данных¹³. Неоспоримо, что могущество императора в юридическом отношении основывалось прежде всего на потестас народного трибуна и высшем проконсульском империи. Потестас позволяла ему обращаться к сенату, вносить законопроекты на рассмотрение народного собрания, накладывать вето на решения магистратов. Высший империй давал ему право командовать армией и вмешиваться в управление в том числе сенатских провинций, соответственно, его власть распространилась на всю римскую державу.

Императорская власть сложилась из привычных гражданам республиканских компонентов, она не была заимствована извне, не включала в себя законодательную компетенцию, что, должно быть, в глазах нобилитета выгодно отличало ее от восточных монархий. Но можно ли быть уверенным в том, что обычный гражданин уверенно ориентировался во всех этих юридических нюансах и не воспринимал принцепса полновластным царем с законодательной властью?

Еще в «Георгиках» Вергилия, опубликованных за год до политического урегулирования 28–27 гг. до н. э., заметна попытка имплицитной легитимации монархического порядка, что могло в дальнейшем послужить своеобразным «когнитивным шаблоном» для восприятия власти императорской. Категория закона (*lex/ius*) объединяет здесь, с одной стороны, природу/Юпитера (*Verg. Georg. I. 60–65, 121–124; IV. 149–150, 154*) и, с другой стороны, царя (*rex*) пчел¹⁴ (*Verg. Georg. IV. 212–215*) и Октавиана (*Verg. Georg. IV. 560–562*). Согласно поэту, от Юпитера исходит первичный, истинный закон, он, подобно логосу стоиков, управляет всем сущим во вселенной, в мире людей царь и Октавиан выступают его мудрыми реципиентами, земными законодателями, и именно через них общество обретает разумную организацию. Но если царь у Вергилия как *operum custos* (*Verg. Georg. IV. 215*) сосредоточен преимущественно на внутривнутриполитической жизни своего государства, без его мудрого руководства граждане теряют связь с естественным законом, среди них тогда бушует несправедливость и насилие, то Октавиан, будто бы дополняя его образ, в роли захватчика «дает законы» (*dat iura — Verg. Georg. IV. 562*) народам Евфрата, таким образом упорядочивая уже внешнеполитическое пространство. Кроме того, Вергилий усиливает ассоциации между Юпитером и Октавианом как двумя «законодателями», подчеркивая в этой же строке, что своей деятельностью наследник Цезаря идет дорогой к Олимпу (*viamque adfectat Olympo — Verg. Georg. IV. 562*), а строкой ранее сравнивает его войны с метанием молний (*fulminat... bello — Verg. Georg. IV. 561*). Выходит, что в художественном мире Вергилия власть царя и Октавиана — это продолжение власти Юпитера, следовательно, здесь не остается места для гражданского суверенитета, он перемещается в небесные просторы, что радикальным образом расходится с прежними республиканскими традициями. Читателю остается сделать всего лишь один логический шаг, чтобы открыто назвать Октавиана царем.

Может быть, в «Энеиде» (19 г. до н. э.), изданной уже после юридического оформления императорской власти, ситуация иная? Но и здесь понятия *lex* и *ius* связываются преимущественно с царскими особами (Сатурн — *Verg. Aen. VIII. 321–323*; Церера — *IV. 58*; Приам — *VII. 246–247*; Акест — *V. 757–758*; Нума Помпилий — *VI. 809–811*; Дидона — *I. 507–508*; Катон — *VIII. 670*). С ними же связана власть легендарного предка Августа царя Энея (*Verg. Aen. IV. 227–231; XII. 189–191, 314–315*), они же служат

¹³ Империя Августа 43 г. до н. э. — 69 г. н. э. С. 118.

¹⁴ Пчелиный улей служит у Вергилия аллегорией гражданского общества.

атрибутами власти его потомков (Caesar — Verg. *Aen.* I. 286–294; genus — IV. 230; gens Assaraci — IX. 642–644). При этом Эней, а также его потомки, включая самого Августа (Verg. *Aen.* VI. 791–805; VIII. 678–728), подобно Октавиану в «Георгиках», описываются воинствующими завоевателями, распространяющими свои законы на покоренные народы, таким способом они распространяют мир и гармонию. И поскольку на протяжении всей поэмы Эней исполняет возложенную на него Юпитером миссию по завоеванию италийских племен для начала рода Юлиев и самого Рима, то истоком его власти читатель должен был считать именно бога, а не народ. К тому же один раз в «Энеиде» понятие закона связывается с категорией судьбы (*fatum* — Verg. *Aen.* XII. 819), которую представители знакомого Вергилию стоицизма часто использовали в качестве синонима природы и Юпитера.

Нечто близкое мы обнаруживаем и у столь непохожего на Вергилия элегического поэта Овидия, создавшего все свои сочинения уже после урегулирования 28–27 гг. до н. э. У Овидия репрезентация власти Августа практически идентична репрезентации власти легендарного критского царя Миноса¹⁵. Оба правителя описаны элегиком как победоносные завоеватели, которыми руководит жажда мести: Минос, завоеывая Грецию, мстит за своего сына (Ovid. *Met.* VII. 456–458); Август, сокрушая своих врагов в гражданском противостоянии, — за приемного отца Цезаря (Ovid. *Met.* XV. 819–821). Обширными завоеваниями они обретают весь земной круг (*orbis terrarum*) — все земли (*terrae/tellus*) и моря (*aequora/undae/pontus*) (Минос — Ovid. *Ars Am.* II. 35; *Met.* VIII. 185–187; Август — *Met.* XV. 830–831; *Fast.* II. 136–138). И самое важное, и Минос, и Август у поэта играют роль «справедливейшего законодателя» (*iustissimus auctor*), который совершенно самостоятельно учреждает свои мудрые законы (*leges* — Ovid. *Met.* VIII. 101–102; XV. 832–833) и как блюститель нравов врачет общественные нравы, карая нечестие и благоволя добродетели (Ovid. *Met.* VIII. 97–100; *Fast.* II. 139–140).

Овидий вслед за Вергилием сопоставляет положение принцепса с положением царя, наделяя обоих законодательными полномочиями, что противоречит выработанной Октавианом юридической формуле своей власти. Связь императорского могущества с божественной санкцией выражена у элегика в таком контексте менее четко, однако вместо этого у него появляется новая властная ипостась врачавателя нравов. Последнее, должно быть, обусловлено тем, что Овидий в отличие от Вергилия застал издание «Юлиевых законов о браке» (18–17 гг. до н. э.), на основании которых государство вмешивалось в семейную жизнь сенаторов и всадников. Представителей высших сословий принуждали к вступлению в брак, а супружеская измена приравнивалась к серьезнейшему уголовному преступлению. По задумке Августа, эти законы должны были исправить пострадавшие в годы гражданских смут нравы римлян, что привело бы, по мнению многих почитателей старины, к общему улучшению состояния государства¹⁶. Сообщая об этих мерах в «Деяниях», Август, что примечательно, тоже определяет себя как ауктора (*Legibus novis me auctore latis multa exempla maiorum exolescentia iam ex nostro saeculo reduxi et ipse multarum rerum exempla imitanda posteris tradidi* — *RGDA.* 4. 5). Но если у Овидия мы переводили это слово как «законодатель», то в новом контексте «*me auctore*» означает скорее «по моей инициативе». В действительности, как уже было сказано, Август отказался и от законодательной власти, и от особых полномочий по надзору за нравами, «Юлиевы законы» были предложены им на правах народного трибуна для рассмотрения комициями — и только. То есть формально законы издал не он, а римский народ, но в восприятии простых граждан, по всей видимости, законодателем

¹⁵ В науке уже вскользь отмечалось сходство образов двух правителей: *Feldherr A.* *Playing Gods: Ovid's Metamorphoses and the Politics of Fiction.* Princeton-Oxford : Princeton University Press, 2010. P. 113 ; *Liveley G.* *Ovid's Metamorphoses: A Reader's Guide.* London — New York : Continuum, 2011. P. 84.

¹⁶ Подробнее о самих законах и возможных интерпретациях их целей см.: *Токарев А. Н.* О целях семейного законодательства Августа // Вестник ХНУ. 2004. № 633: Історія. Вип. 36. С. 222–231.

был всё же он. Точно так же воспринимался он и блюстителем нравов, поскольку на их оздоровление и были направлены законы, хотя никаких формальных полномочий в этой сфере он не имел.

Итак, новая по своей сути императорская власть была оформлена в традиционных республиканских категориях. В правовом смысле в ее основе лежали высший проконсульский империй и потестас народного трибуна, обладатель такой власти именовался принцепсом, а исходила она от римского народа, который продолжал мыслиться носителем государственного суверенитета, что проявлялось в первую очередь в сохранении за комициями законодательных полномочий. Вместе с тем наше исследование позволяет предположить, что для основной массы римлян подобные юридические нюансы были недоступны. Император в их воображении уподоблялся царю с обширными полномочиями, включавшими в себя законодательную власть и право нравственного контроля, при этом источником таких полномочий мыслился не гражданский коллектив, но божественная воля. Думается, такие представления могли послужить одним из важнейших факторов дальнейшего усиления «монархической» тенденции в развитии системы принципата, в частности — окончательного закрепления к III в. н. э. законодательной власти за императором.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Егоров А. Б.* Рим: от республики к империи. — СПб. : Наука, 2017. — 311 с.
2. Империя Августа 43 г. до н. э. — 69 г. н. э. // Кембриджская история древнего мира. Т. 10, в двух полутомах, первый полутом / под ред. А.-К. Боумэна, Э. Чэмплина, Э. Линтотта; пер. с англ., подготов. текста, предисл., прим. О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. — М. : Ладомир, 2018. — 736 с.
3. *Махлаюк А. В.* Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // Античный полис : курс лекций / отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. — С. 176–226.
4. *Межеруцкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 992 с.
5. *Токарев А. Н.* О целях семейного законодательства Августа // Вестник ХНУ. — 2004. — № 633: Исторія. Вип. 36. — С. 222–231.
6. *Arena V.* *Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic.* — Cambridge : Cambridge University Press, 2012. — ix+324 p.
7. *Cowan E.* *Hopes and Aspirations: Res Publica, Leges et Iura, and Alternatives at Rome // Alternative Augustan Age / ed. by K. Morrell, J. Osgood, K. Welch.* — Oxford : Oxford University Press, 2019. — P. 27–45.
8. *Feldherr A.* *Playing Gods: Ovid's Metamorphoses and the Politics of Fiction.* — Princeton-Oxford : Princeton University Press, 2010. — xii+377 p.
9. *Liveley G.* *Ovid's Metamorphoses: A Reader's Guide.* — London-New York : Continuum, 2011. — viii+189 p.
10. *Ovid's Fasti / ed. by J. G. Frazer.* — London : W. Heinemann Ltd.; New York : G. P. Putnam's Sons, 1931. — xxxii+460 p.
11. *Ovidius P. Naso.* *Metamorphoses / ed. by R. J. Tarrant.* — Oxonii: E Typographeo Clarendoniano; Oxford : Oxford University Press, 2004. — xlviii+579 p.
12. *Ovidius P. Naso.* *Amores, Medicamina faciei femineae, Ars amatoria, Remedia amoris / ed. by E. J. Kenney.* — Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1965. — xii+260 p.
13. *Premierstein A. von.* *Vom Werden und Wesen des Prinzipats.* — München: Verl. d. Bayer. Akad. d. Wiss, 1937. — xii+290 s.
14. *Res Gestae Divi Augusti. Text, Translation, and Commentary / ed., trans., com. by A. E. Cooley.* — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. — xiii+317 p.
15. *Rich J. W., Williams J. H. C.* *Leges et Iura P. R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B.C. // Numismatic Chronicle.* — 1999. — Vol. 159. — P. 169–213.

16. *Vergilius P. Maro. Eclogues. Georgics. Aeneid I–VI. Vol. I. // Loeb Classical Library. — Cambridge : Harvard University Press; London : W. Heinemann Ltd., 1938. — xvi+594 p.*
17. *Vergilius P. Maro. Aeneid VII–XII. Vol. II. // Loeb Classical Library. — Cambridge : Harvard University Press; London : W. Heinemann Ltd., 1942. — 584 p.*

REFERENCES

1. Arena V. *Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic.* Cambridge: Cambridge University Press; 2012.
2. Cooley AE (ed.). *Res Gestae Divi Augusti. Text, Translation, and Commentary.* Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
3. Cowan E. *Hopes and Aspirations: Res Publica, Leges et Iura, and Alternatives at Rome.* In: Morrell, Osgood J, Welch K. *Alternative Augustan Age.* Oxford: Oxford University Press; 2019.
4. Egorov AB. *Rim: ot respubliki k imperii [Rome: From Republic to Empire].* St. Petersburg; Nauka Publ.; 2017. (In Russ.).
5. Feldherr A. *Playing Gods: Ovid's Metamorphoses and the Politics of Fiction.* Princeton–Oxford: Princeton University Press; 2010.
6. Frazer JG (ed.). *Ovid's Fasti.* London: W. Heinemann Ltd.; New York: G. P. Putnam's Sons; 1931.
7. Liveley G. *Ovid's Metamorphoses: A Reader's Guide.* London–New York: Continuum; 2011.
8. Makhlayuk AV. *Polis-Republican Structures and Traditions in the Era of the Principate.* In: *The Ancient Polis: A Course of Lectures.* Demytyeva VV, Surikov IE (eds.). Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science; 2010. (In Russ.).
9. Mezheritskiy YaYu. *The Restored Republic of Emperor Augustus.* Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science; 2016. (In Russ.).
10. *Ovidius P., Kenney EJ (ed.). Naso. Amores, Medicamina faciei femineae, Ars amatoria, Remedia amoris.* Oxonii: E Typographeo Clarendoniano; 1965.
11. *Ovidius P. Naso. Metamorphoses.* Ed by R. J. Tarrant. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano; Oxford: Oxford University Press; 2004.
12. *Premmerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats.* München: Verl. d. Bayer. Akad. d. Wiss; 1937.
13. Rich JW, Williams JH. *Leges et Iura P.R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B.C.* *Numismatic Chronicle.* 1999;159:169-213.
14. *The Empire of Augustus, 43 B.C. — 69 C.E.* In: Bowman AK, Champlin E, Lintott A (eds). *Cambridge Ancient History. Vol. X, in two half-volumes.* Tr. From English by Lyubimova OV, Tariverdieva CE. Moscow: Lodomir Publ.; 2018. (In Russ.).
15. Tokarev AN. *O tselyakh semeynogo zakonodatelstva Avgusta [On the Goals of Augustus's Family Legislation].* *The Journal oh Kharkiv National University. History.* 2004;633(36):222-231. (In Russ.).
16. *Vergilius P. Maro. Aeneid VII–XII. Vol. II. Loeb Classical Library.* Cambridge: Harvard University Press; London: W. Heinemann Ltd.; 1942.
17. *Vergilius P. Maro. Eclogues. Georgics. Aeneid I–VI. Vol. I. Loeb Classical Library.* Cambridge: Harvard University Press; London: W. Heinemann Ltd.; 1938.

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.087-093

СИМВОЛЫ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Калинина Елена Юрьевна,

профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования
Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена,
доктор юридических наук, доцент
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
bellaflor@mail.ru

© Калинина Е. Ю., 2025

Аннотация. В статье представлены методологические основания для изучения политической средневековой символики в контексте исследования правосознания. Для этого автор прежде всего признает субъективность самих политических ритуалов и текстов (в широком смысле), в которых они репрезентованы, а также восприятия исследователя. Это дает возможность выявлять иррациональные и аффективные стороны символики как способа мышления и познания политико-правовой действительности в процессе трансляции ценностей и смыслов. Автор ставит цель, используя инструменты, предоставляемые герменевтикой, имагологией, семиотикой и другими методами, составляющими культурально-антропологический подход в юриспруденции, выявить особенности средневекового правосознания в процессе как репрезентации королевской власти в процессе политической коммуникации, так и ее восприятия разными социальными группами. Эти процессы изучаются в рамках средневековой Испании с учетом того, что с IX по XV в. происходят значимые изменения, связанные с эволюцией ранней средневековой государственности и права и их трансформацией в типологическую политико-правовую модель государства и права современного типа. Это позволяет проследить в развитии символики королевской власти разнообразные цивилизационные влияния, которые стали основой для формирования государственно-правовой системы Испании: римские, византийские, арабские, европейские. Каждая из указанных цивилизационных моделей существенно меняла трактовку этих символов, вносила нечто новое. В этом смысле показано, что символы королевской власти в Испании визуально совпадали с символами власти в других европейских странах (корона, трон, скипетр и т.п.), но их содержание могло значительно отличаться, формируя соответствующую национальную идентичность.

Ключевые слова: символ; идентичность; королевская власть; средневековая Европа; Испания; герменевтика; семиотика; имагология; культурально-антропологический подход.

SYMBOLS OF ROYAL POWER IN MEDIEVAL SPAIN AS A TOOL OF POLITICAL IDENTIFICATION

Elena Yu. Kalinina,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Theory of Law and Civil Law Education, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation
bellaflor@mail.ru

Abstract. *The paper is devoted to describing methodological foundations for studying medieval political symbolism in the context of researching legal consciousness. To achieve this purpose, the author acknowledges the subjectivity of political rituals and texts (in a broader sense) where they are represented and the subjectivity of the researcher's perception. This leads to the identification of irrational and affective aspects of symbolism as a way of thinking and understanding political and legal reality in the process of transmitting values and meanings. The author aims, using tools provided by hermeneutics, imagology, semiotics, and other methods that constitute the cultural-anthropological approach in jurisprudence, to identify the features of medieval legal consciousness in both the representation of royal power in political communication and its perception by different social groups. The author examines the processes under consideration within the framework of medieval Spain, taking into account that from the 9th to the 15th centuries, significant changes occurred with regard to the evolution of early medieval statehood and law and their transformation into the typological political and legal model of the modern state and law. This makes it possible to identify in the development of royal power symbolism diverse civilizational influences that became the basis for the formation of Spain's state and law system, namely, Roman, Byzantine, Arab, and European. Each of these civilizational models significantly altered the interpretation of the symbols, introducing something new. In this sense, the author justifies that the symbols of royal power in Spain visually were the same as the symbols of power in other European countries (crown, throne, scepter, etc.), but their content could differ significantly, shaping the corresponding national identity.*

Keywords: *symbol, identity, royal power, Medieval Europe, Spain, hermeneutics, semiotics, imagology, cultural-anthropological approach*

В связи с развитием новых методологических подходов в историко-правовой науке исследователи стали обращать внимание на те аспекты государственной власти, которые ранее оставались в тени. В рамках традиционных подходов хорошо изучены объективные институциональные стороны институтов, связанных с реализацией публичной власти и даже инструменты ее репрезентации. Вопрос символизма власти — особенно в историко-правовой науке — довольно сложный в связи с отсутствием методологического инструментария, обеспечивающего единство интерпретации и ее рационализм и однозначность. Вместе с тем вопреки основополагающим требованиям науки, именно субъективизм и множественность интерпретаций — наиболее интересный фактор для тщательного и вдумчивого изучения. Мы не сможем полностью познать реальность, но ознакомимся с тем, как она преломлялась в сознании современников изучаемых событий, тем самым создадим фундамент для более глубокого анализа сущности правосознания в разных его формах (обыденного как наиболее мифологизированного, официального и профессионального как рационализированного, но представляющего собой образ реальности, значительно удаленный от объективного отражения в целях эффективной репрезентации власти).

Целью настоящего исследования является выявление и трактовка ряда символов, связанных с репрезентацией королевской власти в средневековой Испании. Важно оговориться, что в разные периоды времени как авторы и заказчики, так

и получатели сообщений, передаваемых посредством изображений как текстов, могли сами не знать или частично забыть, что означали те или иные символы. Как утверждают два наиболее значимых исследователя в области политической символики, И. А. Исаев¹ и М. А. Бойцов², ключевым аспектом политической коммуникации является восприятие, которое обладает рядом особенностей. Оно всегда неполное, необъективное, в значительной мере нерациональное, обусловленное множеством факторов, которые практически невозможно учесть даже в рамках междисциплинарного исследования. Еще П. Рикёр указывал на то, что в символе скрываются два взаимосвязанных смысла, которые понимаются один через другой, один прямой, первичный, часто буквальный, а другой — косвенный, вторичный, означающий совсем не то, что кажется с первого взгляда³. Проблемой для исследователя является то, что таких вторичных смыслов может быть великое множество, и они могут противоречить друг другу.

Средневековье в Испании — это динамичный период в области развития сверхкрупных социальных систем, таких как государство и право. С IX по XV в. происходит становление и развитие раннего средневекового государства и права, после чего наступает эпоха государства и права современного типа. В первом периоде выделяется точки XII–XIII в, когда происходит становление публичной власти и нормативного права, что означает безвозвратный переход к современному государству и праву, несмотря на ряд откатов. Эта схематичная периодизация будет демонстрировать особенности развития образа королевской власти, приобретающей характер публичной (монархической). Очевидно, что в каждый из указанных периодов будет меняться послание, которое заложено в образы, адресованные представителям разных социальных групп. Те, в свою очередь, по-разному будут воспринимать транслируемые им смыслы и ценности.

Король в Средневековье был ограничен в возможностях широкой коммуникации с населением. Поэтому ему постоянно приходилось создавать и реализовывать ритуалы, напоминающие о своем присутствии в жизни общин, причем это присутствие должно было стать основополагающим. Символы представляли собой идентификационные инструменты, прежде всего означающие короля, создающие его образ в социальной памяти, когда самого короля нет. Это могло касаться как конкретного короля, так и короля вообще как символа публичной власти. Этот образ не обязательно должен быть наделен какими-то конкретными личностными чертами, быть узнаваемым как человек. Именно поэтому портретное сходство в средневековом искусстве — совершенно не обязательный атрибут. Важно было то, что существует человек, персонифицирующий функцию власти.

Но если мы говорим о представителях элиты, которые не просто постоянно присутствовали при дворе и хорошо знали короля в лицо, были его соратниками и даже влияли на его появление в политической жизни (призвание, выборы) и исчезновение (политическое убийство, изгнание, захват власти), то в этом случае использовались иные ритуалы, призванные скреплять личную связь короля и его подданных.

В том и другом случае символы, которые сопровождали ритуалы и фиксировались в изображениях, переходили от символов власти до символов государства, в которых образы короля становились образами формирующихся монархий (публичной власти — государства), воплощая в себе абстрактные конструкции. При этом символы в правосознании не только «означали», но и «были» тем, что означали, то есть не только идеально представляли, но и придавали реальное присутствие изображаемому⁴, что способствовало формированию правосознания на всех уровнях. В связи

¹ Исаев И. А. Господство : Очерки политической философии. М. : Норма, 2008.

² Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М. : Российская политическая энциклопедия (Росспэн), 2009.

³ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Академический проект, 2008.

⁴ Fernández De Córdoba Miralles Á. Los símbolos del poder real // En Bartolomé, Alberto y Hernando, Carlos José. Los Reyes Católicos y Granada. Granada : Sociedad Estatal de Conmemoraciones Culturales, 2005. P. 37–58.

с этим символы власти нередко становились более реальными, чем конкретные политические фигуры и действия. Так произошел переход от индивидуальной власти конкретного лица к абстрактной публичной власти, персонифицированной в том или ином конкретном человеке, который служил функцией. Поэтому всё более значимыми становились такие отдельно взятые символы, как корона, скипетр, держава, плащ (мантия), меч, трон и т.п.

Э. Канторович показал, что корона как символ королевской власти имеет два аспекта: «некий видимый, материальный, внешний золотой обруч или диадема, что передается Государю и украшает его в ходе коронации; но существует также и невидимая, нематериальная Корона — заключающая в себе все королевские права и привилегии, необходимые для управления политическим телом; она вечна и передается либо непосредственно Богом, либо в соответствии с династическим правом наследования»⁵. О. И. Тогоева пишет о передаче короны как о божественном даре⁶. В том или ином виде символика короны в Испании совпадает с общеевропейскими представлениями. Корона как символ земного и божественного владычества была одним из главных атрибутов королевской власти, который приобретает значение совершенства. С одной стороны, она символизирует божественный свет, что выражается через украшение ее драгоценными камнями и размещением внутри религиозных реликвий. С другой стороны, корона у вестготских королей была вдохновлена вполне земными мотивами — римско-византийской моделью. Любопытно, что во второй половине XI в. использование короны в Кастилии прекратилось, поскольку оно стало признаком делегированной папством власти, но при этом некоторые правители выражали имперские притязания, что потребовало восстановления визуальных регалий, таких как корона. Корона в иберийских королевствах служила деперсонализирующим символом, который выражал преемственность и превосходство королевской власти над всеми остальными властями: изображение короны в ряде ритуалов могло заменять самого короля как личность, возложение короны при коронации или снятие при отречении. Наследный принц мог обладать этим знаком отличия, но не носить его, поскольку корона принадлежит только королям (в лучшем случае в ряде торжественных церемоний принцы могли носить корону в руках, но не на голове).

Скипетр происходил от жезла императора, который римские полководцы демонстрировали во время своих триумфов. В Средние века скипетр символизировал политический образ короля как вождя и судьи своего народа (символ правосудия). В целом скипетр на Пиренейском полуострове играл гораздо менее заметную роль, чем в других европейских королевствах. Скипетр могли использовать нижестоящие представители власти (в том числе судьи, поскольку, как было сказано, это символ правосудия), а также священнослужители. На одном из изображений Католических королей Изабелла изображена со скипетром, а Фердинанд с мечом, что некоторые исследователи трактуют следующим образом: королева олицетворяет власть законодательства и правосудия, а король — карательную юстицию и руководство военными операциями⁷.

В Испании встречается держава: символ, выражающий осуществление королем власти над его владениями и означающий, что он представлял наместника Бога на земле. Важным символом власти можно считать трон, демонстрирующий возвышение и обособленность короля от других подданных. Мусульманское завоевание повлияло на последующее его пышное убранство. Поэтому неудивительно, что Альфонсо VI после завоевания Толедо (1085 г.) предпочел сидеть на троне, который покинул мусульманский принц. До этого испанские короли сидели на простом кресле

⁵ Канторович Э. Х. Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 309.

⁶ Тогоева О. Корона как небесный дар. Жанна, Дофин и Ангел // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / отв. ред. Г. Альтхоф и М. А. Бойцов. М. : Политическая энциклопедия, 2016. С. 113–131.

⁷ Fernández De Córdova Miralles Á. Op. cit. P. 37–58.

или даже на деревянной скамье, на которой все рассаживались в соответствии с иерархией. На некоторых миниатюрах изображены дворяне, сидящие на полу рядом с тронем. Интересны изображения короля на более высоком троне, чем королева.

Мантию короли использовали не так часто. Пурпурные мантии, украшенные драгоценными камнями, имеют позднеримское происхождение, часто они связаны с Церковью, поэтому не обрели популярность у королей. Лишь с приобретением статуса императора монархи стали возвращать мантии: в XIII в. алые с золотом ткани стали обозначать принадлежность к королевской семье.

Во второй трети XII в., когда распространился ритуал самокоронации, одним из важнейших символов королевской власти стал меч, обозначающий защитника, рыцаря, вершителя справедливого правосудия.

Можно отметить такие нетипичные идентификационные символы королевской власти, как шумовой эффект, сопровождающий появление короля на публике, и наличие экзотических животных. Шум (барабаны, литавры, трубы, колокола, другие инструменты) можно рассматривать как знак силы, возвещающий о королевском присутствии и вызывающий звуковое воздействие на акустическое пространство вокруг него. Дикие экзотические животные представляли собой впечатляющие признаки власти, которая вышла за пределы обыденного реального мира и вошла в трансцендентный мир «чудесного», опасного и одновременно увлекательного. Благодаря своему древнему геральдическому значению лев был любимым животным кастильской и арагонской королевских семей, которые выделяли большие суммы денег на содержание и возможность выставить животных в торжественных случаях. Помимо львов короли содержали медведей, быков, леопардов, слонов, зебр.

В целом испанские символы королевской власти не значительно отличаются от европейских. В той или иной степени оригинальным будет их толкование. Например, для более глубокого понимания символики следует отметить глубокую связь средневековой испанской королевской власти с постимперской римской традицией, обновленной в христианском ключе вестготской монархией (реннегерманского происхождения). Вестготское прошлое вызывало ностальгию по утраченным пространствам (в том числе политическим) в результате арабского завоевания полуострова. Римское наследие (Испания была одной из наиболее значимых римских провинций, из которой происходили несколько известных императоров) вызывало имперские амбиции до формирования классической империи Нового времени. Значительное влияние на появление или заимствование политических ритуалов и транслируемых имперских символов оказала Византия. Во многом содержание королевской власти было близким власти Каролингов и Оттонов. Во всяком случае власть испанского короля приближалась к этим европейским образцам.

Одним из отличий можно считать стремление испанских монархов к полному суверенитету в отношениях с Римом, что повлекло за собой отказ от некоторых традиционных для других крупных европейских монархов ритуальных практик, тесно связанных с церковной властью, таких как помазание. Нередко в изображении процесса коронации большое значение имеют рыцарские практики и символы, например меч, конь, самокоронация (отсутствие священнослужителей любого ранга и ритуала помазания, хотя некоторые историки отмечают, что первая процедура помазания могла быть проведена именно в вестготском королевстве — то есть в будущих Испании или Франции, откуда распространилась в остальных странах⁸). Самокоронация, как замечают историки была уникальной церемонией для средневековой Европы, не говоря уже мировой истории, пока Наполеон не короновал себя в качестве императора⁹.

Это не исключало главенствующую идею о божественном источнике власти: политическая философия обозначает общество как единое целое, созданное Богом,

⁸ Valverde Castro M. *del R. Simbología del poder en la monarquía visigoda* // *Studia historica. Historia antigua*. 1991. № 9. P. 139–148.

⁹ Aurell J. *The self-coronations of Iberian kings a crooked line* // *Imago temporis. Medium Aevum*. 2014. № 8. P. 151–175.

который делегирует власть своему представителю — королю. И если, как правило, король в Испании именуется викарием (наместником) Бога на земле, то на Третьем Толедском Соборе прозвучала даже идея о том, что король — это апостол Христа¹⁰. Политически это означало фактическое главенство короля в Церкви на территории полуострова, что давало ему особые привилегии. Они не оспаривались Римом, поскольку в тот период времени Испания служила форпостом борьбы между христианской и мусульманской цивилизации, и государству были готовы предоставить преференции, несопоставимые с привилегиями других европейских государей. Значимым титулом с точки зрения божественного происхождения власти было наименование испанского короля «христианнейшим государем», чье главное стремление — использовать свою власть как средство для дальнейшего возвышения христианской религии. Это предполагает продолжение в виде образа добродетельного короля, то есть монарха, основным качеством которого является обладание основными христианскими добродетелями, что является фундаментальным компонентом любой идеальной модели власти для рассматриваемой эпохи. В дальнейшем складывается образ короля-судьи, призванный подчеркнуть тесную взаимосвязь между королевской справедливостью и божественной справедливостью. Религиозная символика стала фундаментальным средством политической коммуникации, символической репрезентации власти и пропаганды.

Некоторые авторы ставят вопрос о значении исламских символов и практик в ходе репрезентации королевской власти в Испании. Трудно предположить, что многовековое соседство с мусульманскими правителями не повлияло на формирование образа власти. Это церемониал, пышное убранство королевского церемониального пространства, в частности трона, использование шелка в королевских одеждах, целование рук в знак уважения к государю. Возможно, что всё это было связано и с византийским имперским церемониалом и было необходимо для того, чтобы выделить испанских королей с вестготскими корнями из мира варваров, придать им новый статус среди правителей политически формирующейся Европы, показать, что король вестготов не имеет ничего общего с германским вождем воинов, избранным сообществом для руководства и защиты своего народа как первый среди равных.

В завершение можно отметить, что одним из мощных эффектов символического образа, идентифицирующего королевскую власть посредством изображений, является то, что он лишен недостатков, присущих конкретному человеку, находящемуся у власти, превращая ее в безупречную, стереотипную, трансцендентную идею¹¹. Этот эффект усиливается из-за отсутствия у большинства подданных непосредственного представления о короле. Сопутствующие символы позволяют возвести этот образ на еще более недостижимую высоту.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бойцов М. А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. — М.: Российская политическая энциклопедия (Росспэн), 2009. — 550 с.
2. *Исаев И. А.* Господство: Очерки политической философии. — М.: Норма, 2008. — 352 с.
3. *Канторович Э. Х.* Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 744 с.
4. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. — М.: Академический Проект, 2008. — 695 с.
5. *Тогоева О.* Корона как небесный дар. Жанна, Дофин и Ангел // На языке даров: пра-вила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / отв. ред. Г. Альтхоф и М. А. Бойцов. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — С. 113–131.

¹⁰ *Valverde Castro M. del R.* Op. cit.

¹¹ *Nieto Soria J. M.* Imágenes religiosas del rey y del poder real en la Castilla del siglo XIII // *España Medieval*. 1986. Tomo V. № 9. P. 709–730.

6. Aurell J. The self-coronations of Iberian kings a crooked line // *Imago temporis. Medium Aevum*. — 2014. — № 8. — P. 151–175.
7. Fernández De Córdoba Miralles Á. Los símbolos del poder real // En Bartolomé, Alberto y Hernando, Carlos José. *Los Reyes Católicos y Granada*. — Granada : Sociedad Estatal de Conmemoraciones Culturales, 2005. — P. 37–58.
8. Nieto Soria J. M. Imágenes religiosas del rey y del poder real en la Castilla del siglo XIII // *España Medieval*. — 1986. — T. V. — № 9. — P. 709–730.
9. Valverde Castro M. del R. Simbología del poder en la monarquía visigoda // *Studia historica. Historia antigua*. — 1991. — № 9. — P. 139–148.

REFERENCES

1. Aurell J. The self-coronations of Iberian kings a crooked line. *Imago temporis. Medium Aevum*. 2014;8:151-175
2. Boytsov MA. Velichie i smirenje. Oчерki politicheskogo simbolizma v srednevekovoy Evrope [Grandeur and Humility: Essays on Political Symbolism in Medieval Europe]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (Rosspen); 2009. (In Russ.).
3. Fernández De Córdoba Miralles Á. Los símbolos del poder real. En Bartolomé, Alberto y Hernando, Carlos José. *Los Reyes Católicos y Granada*. Granada: Sociedad Estatal de Conmemoraciones Culturales, 2005.
4. Isaev I. A. Gospodstvo: Oчерki politicheskoy filosofii [Dominion: Essays in Political Philosophy]. Moscow: Norma Publ.; 2008. (In Russ.).
5. Kantarovich EH. Dva tela korolya: issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii [The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology]. Moscow: Gaidar Institute Press; 2015. (In Russ.).
6. Nieto Soria J. M. Imágenes religiosas del rey y del poder real en la Castilla del siglo XIII. *España Medieval*. 1986,V(9):709-730.
7. Riker P. Konflikt interpretatsiy. Oчерki o germenевtike [The Conflict of Interpretations: Essays on Hermeneutics]. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2008. (In Russ.).
8. Togoeva O. The Crown as a Heavenly Gift: Joan, the Dauphin, and the Angel. In: Althof G. and Boytsov MA (eds.). *In the Language of Gifts: Rules of Symbolic Communication in Europe, 1000–1700*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. P. 113-13. (In Russ.).
9. Valverde Castro M. del R. Simbología del poder en la monarquía visigoda. *Studia historica. Historia antigua*. 1991;9:139-148.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: 8 (499) 244-88-88, доб. 573
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка — *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

1 / 2025

WWW.RUS-LAW.ONLINE